

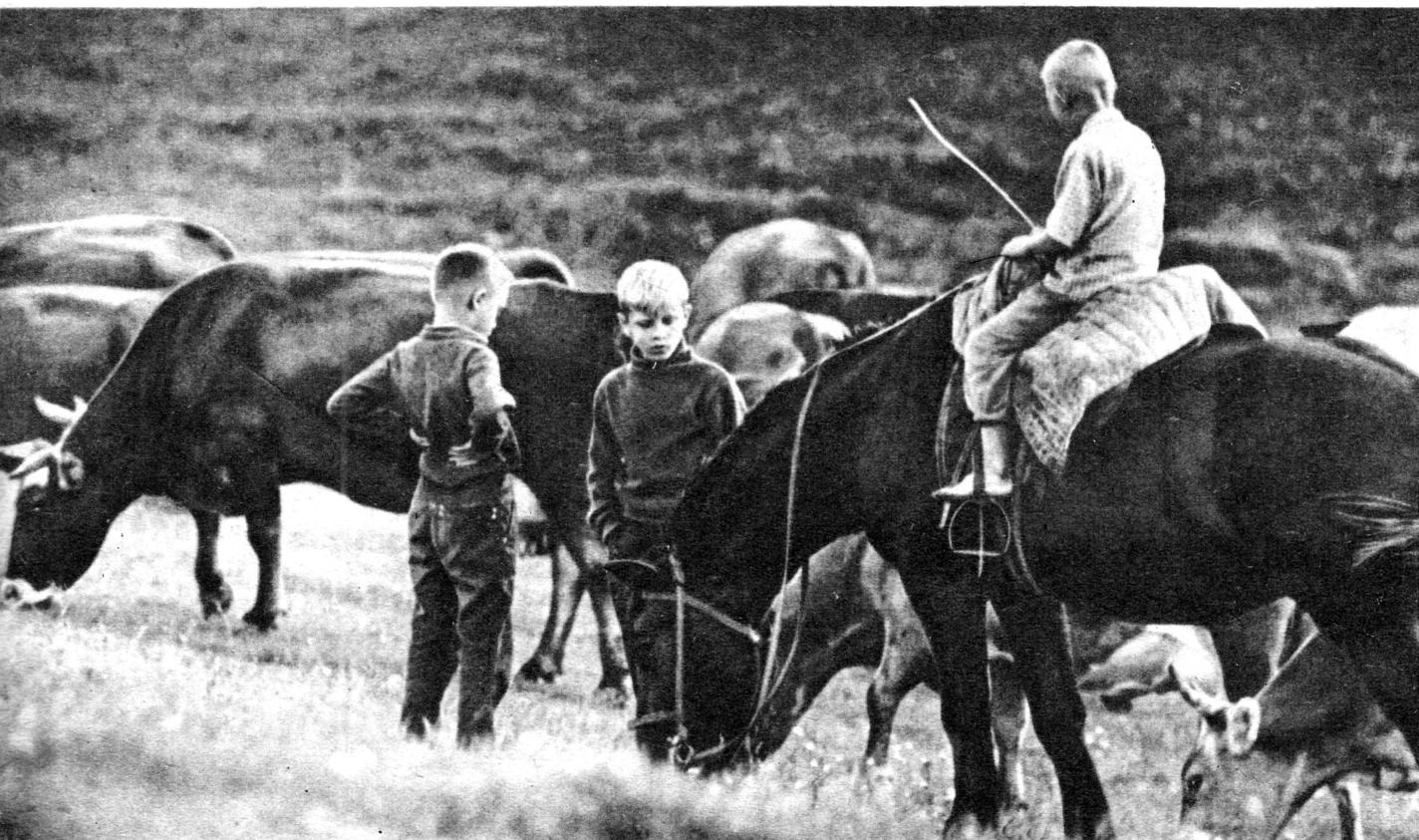

7
1973

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Фото В. МАЛАХОВА (г. Тула)

В НОМЕРЕ:

И. Давыдов. ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ	2
Ю. Елфимов. УМЕЛЬЦЫ ИЗ КАСЛЕЙ	17
А. Петухов. ЛЮДИ СУЗЕМЬЯ	22
Э. Дубровина. СТИХИ	42
Л. Ротштейн. КОМСОМОЛЬСКИЙ ПОЛК	43
А. Черняев. АЛТАЙСКИЕ МАСТЕРА	46
Б. П. Полевой. ЗАГАДКИ СТАРЫХ КАРТ	48
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	54
Д. Биленкин. НЕВЫСКАЗАННЫЙ МИР	55
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	60
А. Г. Томили. ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ — ДЕЛЬФИН	61
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	66
М. Рут. ЗВЕЗДЫ РАССКАЗЫВАЮТ О ЗЕМЛЕ	67
В. Губин. ДРУГУ СОБАКИ	69
М. Заплатин. ОСТАЛОСЬ ЗА КАДРОМ	70
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	77
А. Шарц. САТИРИК В РЯСЕ	78
В. Филатов. ПОПРАВКА К КНИГЕ	80

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

7
1973

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

г. Свердловск
Средне-Уральское Книжное Издательство

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т Ы

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Хроника одной жизни

И. ДАВИДОВ

Рисунки Н. Мооса

1

В его личном деле было записано: «Мальчик найден в Гомеле, в развалинах кирпичного дома. Родители неизвестны. Предположительно, мать убита при артобстреле. На вопрос: «Кто ты?» — мальчик ответил: «Лебёнок Витя». Возраст, предположительно, три года».

И четкая подпись химическим карандашом: «Сержант Иванов».

Это личное дело — оно помечено июлем сорок первого года — директор детдома показал Виктору, когда надо было выписывать свидетельство об окончании седьмого класса, и Виктор впервые спросил:

— Почему у меня такая странная фамилия?

Возможно, трехлетний малыш просто сказал: «ребенок Витя». Но не исключали и другого: вдруг

фамилия все-таки настоящая и найдется кто-нибудь из родных? Перемена фамилии в этом случае лишь усложнила бы дело. Однако никто не нашелся, к фамилии «Лебёнок» Виктор привык и решил не менять ее, когда получал паспорт. Так и остался Лебёнком.

С малолетства он любил рисовать. Рисовал маму и папу. Мама везде у него получалась одинаково — в синей косынке и в синем переднике. А папа везде был разным — то бойцом в пилотке и с автоматом на груди, то танкистом в глухом черном шлеме, то летчиком в больших очках, то моряком в тельняшке за штурвалом.

Когда впервые после войны появился в детдоме пластилин, Виктор сразу почувствовал к нему особенное пристрастие. Пластилин мог принимать любую форму — только придумай. И теперь Виктор уже не рисовал, а лепил маму — в косынке и переднике — и папу — то пехотинца, то летчика, то танкиста, то моряка.

Все у него получалось из пластилина — и фигурки животных, и автомобили, и даже станки очень походили на те, которые стояли в рабочей мастерской детдома. Пластилин слушался его пальцев беспрекословно.

В фанерных ящичках его фигурки увозили на различные выставки. Говорили, что из него может выйти скульптор. И он поверил. Но после седьмого класса, когда пришло время выбирать профессию, его отозвала в сторонку воспитательница Нина Георгиевна, которую он любил и которая всегда была справедлива, спокойна, сдержанна и заботилась о Викторе по-матерински.

— Ты куда собираешься, Витя? — спросила она.

— Попробую в художественное училище. Может, примут?

— Хочешь все-таки стать скульптором?

— Хочу.

— Ты ведь знаешь, отец мой был художником, пейзажистом?

— Да, вы рассказывали о нем.

— Но я все как-то не решалась сказать тебе главного... Понимаешь, он отдал своим пейзажам всю жизнь и ничего больше не умел. Совсем ничего не умел. Даже когда пробки в квартире перегорали — звали соседа. Отец писал пейзажи, завалил ими всю квартиру, а жили мы страшно бедно. Часто даже на хлеб еле-еле наскребали. Из-за этого я и института не кончила — надо было работать. Пейзажи отца никто не покупал, их не принимали на выставки, а если принимали — не замечали. Под старость он сам часто жалел, что не научился чему-нибудь такому, что позволило бы нам нормально жить. Знаешь, я до сих пор не могу себе этого простить, но долго я считала отца бездарным. Так зла на него была за нашу бедность, за свои выгоревшие, трижды перешитые платья. А когда отец умер — ему еще и шестидесяти не было, — его вдруг признали. И стали покупать его холсты. Даже из Москвы за ними приезжали.

Воспитательница неожиданно запнулась, и Виктор увидел в больших карих глазах ее слезы.

— Что вы, Нина Георгиевна! — забеспокоился он. — Не надо!

— Да нет... Так... Ничего... Да... Так вот, выставку его в Москве устроили. И все раскупили. Писали в журналах, что он очень талантливый живописец, что у него свой взгляд на природу, свои краски, свой мир... А у нас с мамой появились деньги. Все по-

явилось — и модные платья, и мебель. Но у меня уже дети бегали — поздно было в институт. И на Кавказе мы с мамой побывали, и в Крыму, и по Днепру вверх-вниз покатались. Но отец-то ничего этого не увидел. Он к морю ни разу не съездил. Только мечтал когда-нибудь написать море. Так вот, Витя, я не желаю тебе такой судьбы. Чтоб художнику добиться настоящего, большого признания, человеческой жизни, видно, не хватает. Научись чему-нибудь для жизни. Обеспечь себе нормальную жизнь. И близким своим. Будут же у тебя жена, дети... А в свободное время лепи, рисуй — сколько хочешь, в свое удовольствие!..

Ее слова значили многое — Виктор с детства ей верил. Поэтому, подумав немного, он послал заявление в далекую уральскую школу ФЗО, которая готовила металлургов. Объявления этой школы висели и в вестибюле детского дома, и на ближней автобусной остановке, и в кинотеатре. Объявления обещали и общежитие, и форму, и бесплатное питание, и любую профессию: доменщика, прокатчика, сталевара. Виктор решил стать сталеваром.

2

Заводик был старый. Говорили, что его еще Демидовы строили, почти двести лет назад. Но Виктору и этот показался громадным: других-то заводов он еще не видал.

В первую же неделю занятий новичкам показали и домну, и два заводских мартена, и прокатку. Прокатка с ее стремительными и жаркими огненными змеями настолько поразила Виктора, что мысли его заметались: не перейти ли, пока не поздно, в группу вальцовщиков? А потом пришли в мартеновский цех. На одной печи как раз началась загрузка. Завалочная машина со звоном металась по цеху взад-вперед, цепляла на свой негнувшийся хобот и совала в печь мульды с рудой и металлоломом, в сплошной огонь, в нестерпимый жар, опрокидывала там, вытаскивала обратно и пустые ставила на железнодорожную платформу.

Делалось все это стремительно, в бешеном темпе, и Виктор только удивлялся, как удастся машинисту завалочной машины не своротить при такой скорости печь, не проломить мульдой ее стену.

Потом завалочная машина уехала в конец цеха, а мостовой кран подтащил к печи на трех крюках гигантский ковш.

Виктор увидел, как наклонился ковш, как метнулись во все стороны огненные

искры, как взревело и заметалось пламя в печи, как осветились снизу красноватым, волшебным светом и крыша цеха, и краны, державшие светом и желоб.

«Не пойду я в вальцовщики! — подумал Виктор.— Тут интереснее».

...Давно уже вылили чугун, спустили за-слонку, увезли ковш. Сталевары сидели у стенки на лавочке, курили, пили воду из банок. Один из них жевал бутерброды. А Виктор все стоял, все ждал чего-то. Потом спустился по гулкой железной лестнице, вышел на заводской двор.

Небо уже темнело, одинокая, очень яркая звезда глядела сквозь вытянутые неподвижные облака прямо на Виктора и, казалось, подмигивала ему. Слева визгливо прогудел маленький старинный паровозик, вытаскивавший из мартена платформу с пустыми мульдами. Пахло гарью, железом, паром и еще почему-то сыростью осенней роши.

И вдруг все, чем жил Виктор целое долгое детство, все его акварельные картиночки и пластилиновые фигурки на фанерных подставках, все его мечты о работе и славе скульптора показались мелкими, ничемными. Настоящее было здесь, в мартеновском цехе. Здесь делалось главное — то, от чего зависела вся жизнь всех людей. И, значит, все в его судьбе произошло правильно. Значит, не о чем и жалеть.

3

Через два года он стал третьим подручным сталевара на крупном уральском комбинате. А в начале сентября, через три месяца после окончания училища, Виктор уже понес заявление в вечерний металлургический техникум. Решил учиться дальше — и по-настоящему. Чтоб все в мартене знать и уметь — до самой тонкости.

Техникум он закончить не успел — пришел срок служить в армии. Зато успел до армии другое — жениться. Бойкая, зеленоглазая копировщица из мартеновского КБ Катя, с гибкой, тонкой талией и соломенного цвета волосами, привязала его к себе, намертво, как лопухого щенка. Никогда не знавший никакой ласки, он совершенно ошалел, впервые испытал ее, — даже самую робкую, девчоночью. И уже не хотел, не мог без нее жить. Он женился ранней весной, точно зная, что осенью идти в армию.

Жили в доме ее матери — просторном, тихом, с прохладными в жару полами, громадным огородом и вишневыми георгинами в палисаднике.

4

Из армии он вернулся с аттестатом зрелости и снова рванулся в цех, к мартенам, именно рванулся — так жестоко соскучился по работе, по огню, по жидкому, пишущему жаром металлу.

От подручного в бригаде зависит не очень много, все зависит от сталевара. Но Виктору повезло — пока он служил в армии, сталевар его окончил курсы мастеров и варил теперь совсем не так, как три года назад. Плавки шли короткие, стремительные, смелые, и печь выбрасывала каждый месяц тысячи сверхплановых тонн металла. На Виктора сразу, как обвал, обрушились высокие заработки.

Он не пил, не курил, ему самому ничего не было нужно — он бы и в солдатской форме проходил, в которой приехал из армии. Он все покупал обновы «своим трем женщинам» — жене, теще, дочке. Они радовались этим обновам, и он радовался, глядя на их радость, и ничего больше не желал — в таком бы вот немыслимом счастье и прожить всю жизнь.

Не раз он вспоминал последний свой разговор с воспитательницей в детдоме и мысленно благодарил Нину Георгиевну. Все она сказала ему правильно. Разве было бы у него теперь такое совершенно сказочное счастье, если б он не послушал ее совета. Он даже письмо ей послал — первое после армии (из армии-то он в детдом писал — оттуда все пишут...). И в этом первом письме «с гражданки» была одна, сплошная благодарность.

И только когда дочка Валюшка садилась рисовать, что-то у него в груди екало, что-то отзывалось ноющей и сладкой болью. Но что она там, трехлетняя, могла нарисовать? Кособокий дом да кривую елку, да себя с растопыренными семипальными руками выше дома.

Почему-то именно в эти моменты очень хотелось вылепить ее — пухлогубую, курносую, склонившуюся над бумагой. Но детская привычка лепить все подряд была уже утрачена. В училище было негде, на работе и в армии — некогда: все бегом, все по минуткам расписано, все крайне необходимо, и на неторопливые удовольствия минуток не оставалось.

А лепка не была необходимостью. Лепка была удовольствием. И, наверно, самым неторопливым.

Не оставалось для нее времени и теперь — он снова пошел в вечерний техникум, и дни опять пришлось расписывать по минуткам, и занят он был, как никогда в

жизни: дочку видел в основном спящей, даже по выходным убежал с утра в читалку. Заниматься дома было почти невозможно — кричало радио, капризничала Валюшка, приходили соседи, все суетились и мешали.

Получив диплом, он вздохнул свободно, оформил очередной отпуск, купил билеты на самолет, сгрел жену, дочку и улетел с ними к Черному морю, прямо в знаменитые Сочи — впервые в жизни.

И снова было такое безоблачное, немислимое, ослепительное счастье, какое, наверно, только в сказках бывает, а ему вот, чудика, выпало наяву — за все его прошлые беды.

Но только в первый же трехдневный шторм, когда сидели дома, пережидая непрерывный, нудный мелкий дождь, и дочурка взялась рисовать, — что-то опять екнуло и сладко зануло у него в груди.

Она рисовала теперь совсем не так, как два с половиной года назад. Оказывается, их всерьез учили этому в детском саду. И дом у нее теперь был не кособоким, а ровненьким, легким, даже изящным. И елки с березками были четкими, броскими, трогательными в своей молодости и одинокости. И себя она рисовала не выше дома.

Рисовать пальмы и море, которые виднелись из окна, дочка почему-то отказывалась.

— Это потом, — говорила она. И упорно выводила елки с березками.

Цвет она чувствовала тонко. Виктор принес ей из магазина красок — самый большой набор, какой только нашелся, — и она не удивилась ему, не растерялась от обилия зеленых, синих и коричневых, а работала с ними спокойно, умело, смешивала, пробовала на бумажке и накладывала на рисунок цвет, который радовал глаз своей точностью и мягкостью.

— Может, художницей станет, — сказала Катя, глядя ей через плечо. — Очень чувствительно рисует. Мама как-то хотела на стенку ее картинку повесить. Да я не позволила. Вредно для воспитания.

— А из пластилина вас лепить учили? — спросил Виктор.

— Учили, — ответила дочка.

Пластилин в Сочи был мягкий, жирный, оставался на пальцах — сказывалась жара,

даже и в дождь. Дочка вылепила из него собаку, ежа, медведя и отложила, вернулась к краскам. Тогда Виктор скатал оставшиеся палочки в один комок и стал лепить, как в детстве, свою маму — в косынке и переднике. Мама почему-то получалась похожей на жену.

— Ой, как похоже! — удивилась Катя. — Только почему я в косынке? Отродясь косянок не нашивала.

— Так... Захотелось... — Он не стал объяснять. — Да я сейчас переделаю.

За несколько минут он превратил косянку в тонкую, стильную шапочку с козырьком, в какой жена ходила на пляж.

Катя ахнула — быстрота и точность превращения ее потрясли.

— Вот теперь я, — сказала она. — Копия!

Он долго потом не мог забыть той светлой, буйной радости, с которой лепил маму, а вылепил жену. Все вспоминались эти быстрые, летучие минуты, и пальцы начинали как-то странно двигаться, будто жили своей, особой жизнью, независимой от него.

4

После отпуска ему, как дипломированному технику, предложили перейти в производственный отдел цеха. Он отказался. Не хотел возиться с бумажками.

Тогда его назначили подменным сталеваром. Это было очень хлопотно — обслуживать сразу все печи цеха, подменять больных, отпускников, уехавших на курсы повышения квалификации или на областные смотры художественной самодеятельности. Тут не развернешься, потому что печь попадает в твою власть ненадолго, не покажешь своей удалости и не шибко много заработаешь. Но он согласился: рано или поздно — он знал — дадут ему и свою печку.

Он завел восемь тетрадок — по числу печей в цехе — и записывал в каждую все, что узнавал про ту или иную печь. Именно то, чем отличалась она от других. И если даже чем-то проявляла печь свой характер не в его смену — тоже записывал.

Печи обнаруживали себя не сразу, но постепенно вырисовывался их характер. Седьмая стала казаться Виктору толстой, ленивой бабой — она была облеплена заплатами, невыносимо медленно наводила шлак и задерживала все плавки. Вторая, только что вышедшая из холодного ремонта, была похожа на красивую и капризную молодку — глядеть на нее приятно, но никак не угадаешь, что выкинет она через пять минут. Самым путевым мартеном был

восьмой — спокойный, надежный, безо всяких подвохов. Как старый, хорошо проверенный друг, понятливый, сговорчивый, свой в доску. Варить на этом мартене даже самую трудную сталь было сплошным удовольствием.

Записи в восьми тетрадках копились, прочитывались не раз, продумывались, сопоставлялись с тем, чему учили в техникуме, и через год Виктор на любой печке вел плавку не хуже, чем прикрепленный к ней сталевар. Печи стали ему подчиняться. А еще через полгода он начал осторожно, шутиливо, чтоб не обидеть товарищей, предсказывать, что может выкинуть та или иная печь в ближайшее время.

Однажды Виктор предупредил вернувшегося из отпуска сталевара, что после пятой плавки надо ставить печь на холодный ремонт, хотя по плану она еще должна дать плавков двадцать.

Сталевар отмахнулся: после отпуска ему позарез нужны были деньги, а тут предлагают досрочно ставить мартен на ремонт, да еще на долгий, холодный.

Шестую плавку на этом мартене довести до конца не удалось. В поде — днище печи — образовалась яма, и металл стал уходить в фундамент. Пришлось срочно выпускать плавку недоваренной, «холодной». Вся сталь ушла в брак. Триста тонн. Дело было в том, что огнеупор при последнем ремонте положили не идеальный и прогорел он быстрее, чем полагалось по нормам.

Произошло это ночью, когда Виктор спал, и узнал он о случившемся только утром.

Выговоры начальник цеха влепил и грешнику-сталевару и его подменному. Сталевару — за легкомыслие, а Виктору Лебёнку за то, что не записал свое предупреждение в сменный журнал.

Через полмесяца, когда уехал на новый, Череповецкий комбинат сталевар с третьей печи, Виктора перевели на эту печь постоянно.

Он решил ничего пока не менять — до холодного ремонта — и вести плавки, как его предшественник. А за это время выявить даже самые мельчайшие и незаметные особенности характера печи.

На это ушло три месяца. А после ремонта он рванул так, что о сталеваре Лебёнке сразу заговорили и на комбинате, и в городе, и даже в области.

Он добился от своей печки такого беспрекословного повиновения, какого может

добиться только опытный объездчик, выращенный породистого коня с сосункового возраста.

И как такой конь ни за что не подведет своего хозяина, вытащит его из любой передряги, возьмет любой барьер и любой темп, так и мартеновская печь не подводила своего сталевара никакими неожиданными и послушно, безотказно, выдавала самые стремительные скоростные плавки.

А ведь Лебёнку печь досталась не лучшая...

5

В то лето дочка разучивала вечерами стихи «До свиданья, детский сад!» — готовилась к выпускному вечеру в своей подготовительной группе, а Катя бегала по магазинам и покупала форму, белые и черные передники, халатик для уроков труда, пенал, ручки всех цветов и тренировочный костюм для физкультуры. Купила она Валюшке и набор разноцветных фломастеров, которые только что появились в продаже и потому расхватывались почти в драку.

Валюшка ухватилась за эти фломастеры, рисовала ими два дня почти неотрывно, и рисунки ее были такими броскими, яркими, стремительными, как бы летящими, что Виктору и самому захотелось повесить некоторые из них на стену.

В эти-то вот дни он и решил отдать Валюшку в изостудию при Доме пионеров.

Вначале он хотел идти туда сам, но потом подумалось, что лучше будет, если пойдет Катя. Хотелось сделать ее и союзницей и соучастницей. Отобрав несколько наиболее выразительных дочкиных рисунков фломастерами и акварелью, Виктор отправил с ними жену в Дом пионеров.

Вернулась она обрадованная и возбужденная. Рисунки понравились, Валюшку твердо обещали принять, и это Катю радовало. Но изостудия пока не работала, потому что прежний руководитель куда-то уехал, а нового не могли найти. Все это Катю возмущало.

К сладкой боли, которую вызывали у него рисунки дочки, Виктор давно привык. Но однажды, когда Валюшка уже заканчивала первый класс и всю занималась в изостудии, Виктор не выдержал, накупил целую стопку коробок с пластилином и, бросив все свои срочные домашние дела, стал лепить. За три недели, по выходным и перед сменами, он налепил столько, что ставить его фигурки было уже некуда. Он лепил и дочку, и жену, и тещу, и носатую

соседку, у которой брали для дочки молоко, и первого своего сталевара, губастого и лопухого, и второго своего подручного, с его волевым, раздвоенным подбородком и тонкими, плотно сжатыми губами, и даже того непутевого сталевара, который просадил свою печь, не послушавшись Виктора. Этого молодца Виктор вылепил таким растерянным и убитым, каким был он на планерке, когда каялся и просил прощения у коллектива.

Потом Виктор переложил в сарае дрова, вынес целую поленицу во двор и, выпростав место, соорудил верстак. Над верстаком прорубил окно, набил по стенам сарая грубые полки, натащил глины и снова стал лепить — жену, дочку, носатую соседку, сталевара, просадившего свою печь, и скуластого начальника цеха. Глиняные бюсты сохли на полках, а он все лепил и лепил новые — быстро, жадно, словно с цепи сорвался.

Катя вначале ахала да восхищалась, а потом стала ворчать — на огороде полно работы. Он молча оставлял глину, шел на огород, яростно, быстро, безостановочно, как машина, делал все необходимое и торопливо возвращался в сарай. Футбольные матчи — и на местном стадионе и по телевизору — начисто перестали привлекать его, и он отмалчивался, когда в цехе спорили о голах и штрафных ударах. Он просто вышвырнул все это из души, из ума, из своей жизни, потому что не хватало времени.

Отдыхая между плавками в дежурке или в пролете, Виктор пристально разглядывал, словно щупал и фотографировал лица уборщиц, лаборантки, учетчицы, канавных рабочих, мастера смены, студента-практиканта.

К осени он вылепил своего товарища, сталевара с соседней печи, Героя Труда — прямо в каске, с очками на лбу, в грубой рабочей робе. Так, как видел его в цехе. Вылепил просто по памяти, разглядывая его бугрятое, курносое, энергичное лицо на планерках и в передышках между плавками.

Когда глиняный бюст высох, Виктор покрыл его серебряной эмалью и отнес во Дворец культуры, в изостудию. Там посмотрели и ахнули, как ахала жена: Герой Труда, знаменитый на весь Урал сталевар, и вылеплен тоже известным сталеваром!..

— Где вы учились? — спросил его морщинистый, лысый, пенсионных уже лет руководитель студии, у которого были грустные и все понимающие карие глаза.

- В металлургическом техникуме.
- Нет, лепить, лепить где учились?
- Нигде.

Он привел этого лысого руководителя в свой сарай и стал снимать с полок на верстаке высохшие бюсты.

Руководитель смотрел, молчал, а Виктор следил за его карими глазами с робкой надеждой. Надвигалась зима — суровая, уральская. Зимой в сарае не полепишь. И в дом глину тащить нельзя. Дом сразу станет сараем. Виктор хотел просить руководителя, чтобы тот позволил ему заниматься в студии.

— А у вас талант, милейший! — руководитель как-то очень смешно и наивно склонил голову набок. — У вас настоящий, безо всякой лабуды, талант. Вам, наверное, надо было учиться в другом техникуме.

Виктор промолчал.

— Рад, что вы все-таки пришли к нам! — сказал руководитель. — Лучше поздно, чем никогда. Вы станете преступником, если зареете свой талант в землю. Он ведь не ваш. Он принадлежит людям. Пойдете заниматься к нам в студию?

— Конечно! — поспешно согласился Виктор. — Очень хочется поучиться!

— Будете учиться! — твердо пообещал руководитель и протянул руку. — Давайте знакомиться. Меня зовут Борис Ильич. «Сталеваара» мы у вас пока заберем. Не возражаете?

Виктор не возражал. Он все готов был отдать, лишь бы не потерять зиму. Он вдруг почувствовал, что уже не сможет нормально жить без этой глины, без этих бюстов, без этой работы. В нем столько накопилось — и нетерпения, и впечатлений, — что, как сжатая до предела пружина, он должен был теперь распрямиться, снять напряжение, сбросить с себя многолетний груз. Какие-то лица всплывали перед ним даже во сне и молчаливо требовали воплощения в глине.

Он где-то видел их, но не запомнил, где и когда, а вот запомнил щеки, скулы, носы, подбородки и надбровные дуги. И пальцы снова, независимо от его воли, шевелились и как бы пробовали все эти лица на ощупь, как бы гладили и изучали их, чтобы потом, в глине, повторить все их особенности, всю их красоту или некрасивость.

6

Валюшка делала в своей изостудии первые успехи. На выставке детского творчества, организованной Домом пионеров, перед ее

рисунками задерживались многие. Все та же стремительная легкость была в них, та же четкость и изящество, та же мягкая точность цвета. Только сюжеты появились другие. Появилась натура, а не воспоминания о ней. И в этом прежде всего почувствовал Виктор влияние руководителя изостудии.

И все же дочка оставалась сама собой даже в совершенно обязательных рисунках. На всех стендах висел «Вид из окна», созданный ребятами на одном из занятий: желтые и зеленые комбинатские пятиэтажки из крупных панелей, подстриженные тополя возле них, телевизионные антенны на серых шиферных крышах и восемь темных далеких труб мартеновского цеха, ровной шеренгой уходящих вбок от пятиэтажек. На всех рисунках пейзаж был один и тот же, и различались рисунки только цветом мартеновских дымков да оттенками тополиной зелени. Одна Валюшка догадалась обрести весь пейзаж белым оконным переплетом да воткнула сбоку, у самого края, молочную бутылку с красной гвоздикой, стоящую на невидимом подоконнике. И все сразу заиграло, обнаружилось и перспектива, и прозрачность воздуха...

Виктор видел: многие задерживались у этого пейзажа. Какая-то энергичная девица в стильном костюме из зеленой искусственной кожи, высокомерно и быстро оглядев другие стенды, остановилась перед Валюшкиными рисунками, вынула из зеленой сумочки зеленый же блокнот и долго черкала в нем. А потом Валюшкины рисунки упомянули в городской газете как самые интересные.

Викторова «Сталеваара» тоже упомянули в газетах — и в городской и в комбинатской. Как не упомянуть «Сталеваара», созданного другим сталеваром? Но люди перед бюстом не стояли.

Виктор продолжал работать в мартене, и печка по-прежнему беспрекословно и чутко повиновалась ему, и про него, про его изобретательные, порой совсем неожиданные плавки уже привычно часто писали и в комбинатской многотиражке и в городской газете. Его имя незаметно вошло в ту «обойму» сталеварских имен, которой оперировали и на больших совещаниях и в передовых статьях.

Он был одним из первых мартеновцев комбината, которые стали наведываться в новый, только что пущенный конверторный цех. Виктор неторопливо приглядывался к конверторам и для начала старался хотя бы понять. Ему была симпатична потрясающая

быстрота, просто молниеносность их плавки, длящихся какие-то минуты — против мартеновских-то долгих часов. Но отталкивал буйный нрав конверторов и небрежность их к качеству стали. Они могли выдать и вполне приличную сталь и безобразную, ломкую, а зависело это не только от количества серы и фосфора в чугуне — вообще не понять от чего.

Мартены, конечно, были неизмеримо точнее, послушнее, гибче, интересней конверторов, и Виктор не собирался расставаться с мартенами. Но конверторы притягивали его своей необузданной загадочностью и стремительностью. И теперь ему уже хотелось разгадать их тайну, хотя — Виктор знал — люди бьются над этой тайной больше ста лет.

Как-то он пришел в этот цех, когда на одном из конверторов варил сталь знакомый парень — Олег Силин. Когда-то Силин работал в мартене первым подручным, потом учился на курсах, а теперь вот стремительно управлялся с конвертором, клал его на один бок, заливая чугун, переворачивал на другой, выливая готовую сталь.

Силин заметил Виктора, подозвал кивком, прокричал на ухо:

— Хочешь к нам?

— Нет.

— Почему?

— Сталь не нравится.

— Да, хрупка на морозе.

Худые, даже впалые щеки Силина были как бы иссушены нестерпимым жаром расплавленного металла. Острый, вроде бы все время ждущий чего-то подбородок выдавался вперед. Крупный нос с пологой, как уральские хребты, горбинкой, подпирал мохнатые, пушистые брови. Не очень-то все это вязалось одно с другим, не гармонировало, зато создавало впечатление буйной, непокорной, необузданной силы — такой же, какая бушует в ревущем конверторе.

Виктор никогда еще не лепил лиц с натуры. А тут ему вдруг нестерпимо захотелось вылепить Силина именно с натуры — его негармоничное лицо, его ожидание, его нетерпение и страсть. Вылепить так, чтоб видно было: под этой желтой пластмассовой каской бушуют мысли — так же бурно и необузданно бушуют, как огонь и металл за облицованными огнеупором стенками конвертора. Там сила — и тут сила. Там схватка — и тут схватка. И какая сила другую пересилит? И какая сила другую подчинит? Какая выйдет сталь?

Виктор дождался пуска плавки. Затем Силин, залив снова чугуна, вернул печь в вертикальное положение, врубил кислород, и махина конвертора взвыла, брызнув чугунными искрами и дымом. Силин устало откинулся на скамейке и зажал в зубах сигарету. У него были теперь пять-шесть относительно спокойных минут.

Виктор сел рядом и прокричал ему в ухо:

— Олег, ты в выходной шибко занят?

— Ковры надо выбить. По свежему снегу. Жена просила. А что — хочешь на пиво позвать?

— Можно на пиво. Но я бы хотел тебя вылепить.

Силин усмехнулся.

— Денег не хватает?

— Хватает. Да я на этом ничего и не заработал. Душа требует.

— А у меня душа требует рыбу ловить. Хочешь, я тебе с удочкой попозирую?

— Ну, хоть с удочкой.

Он лепил конверторщика старательно, как все делал. Очень точно лепил. Даже родинку возле губ не упустил, даже вмятинку под левым глазом, — Олег сказал, что еще в мальчишках звезданули ему сюда камнем. И все равно главное Виктору не удавалось. То есть почти все в студии говорили, что удается, и сам конверторщик так считал, но Виктор знал — не то, не то. И еще это знал Борис Ильич: он глядел на бюст грустными своими карими глазами, качал лысой головой и ничего не говорил...

Не получалось именно то, ради чего и стоило лепить портрет. Лицо — худое, носатое, усталое, с дотошной точностью вылепленное, — оставалось спокойным. Оно могло принадлежать и токарю, и дворнику, и профессору, но только не конверторщику, которому надо за считанные минуты, в бешеном темпе, провести плавку, безо всяких проб и анализов, на глазок, по дыму и пламени из конвертора определить ее этапы и кончить ее точно в срок, нигде не обозначенный, трудноуловимый, исчисляемый порой секундами. Больше секунд — плохая сталь. Меньше — тоже плохая.

Мартеповцы так не работают. У мартеповцев всегда есть время прикинуть, подумать, попробовать. Они могут продержат металл в печи лишний час — и сталь все равно выйдет добрая.

...Виктор измучился сам, измучил Олега. Наконец сдался — сделал вид, что все закончено. Пожал Олегу руку, сказал «спасибо», распил с ним по финальной бутыл-

лочке «Жигулевского» в буфете Дворца культуры и пообещал сотворить небольшую копию бюста — на память.

Он взялся за это дело лениво — впервые лепил копию со своей работы и считал это пустой тратой времени. Но вдруг увлекся, вспомнил напряженное, потное лицо Олега в конверторном цехе и вылепил эти стекающие из-под каски крупные капли пота, чуть удлинил подбородок, совсем чуть-чуть, и тонкосенькими полосками глины утяжелил брови. И совсем уж нечаянно, неловким взмахом руки, слегка сбил на сторону нос. И лицо вдруг ожило, заиграло, наполнилось бушующей, но сдержанной силой и напряжением, и нетерпением, и страстью. И уже не имело значения, что на самом деле нос у Олега не кривой, что подбородок у него покороче и брови помельче. Это был Олег. Олег в самом главном — в работе.

Виктор еще стоял и думал — что еще не сделано? что упущено? чего не хватает? Тихонько, мягкими шажками подошел Борис Ильич, поглядел, сложив руки под животом, и почти шепотом сказал:

— Идите домой, отдохните. Главное найдено. Эта вещь принесет вам славу и, может быть, оправдает всю мою судьбу. — И, помолчав, как бы извиняясь, добавил: — Себя в искусстве я не нашел. Теперь мое дело — искать таких, как вы.

Виктор ничего не знал о прошлом Бориса Ильича — тот никогда о себе не рассказывал. А действительно, почему сам он не лепит, не рисует? Ведь советы дает такие тонкие, и на настоящее у него удивительно верный глаз... Расспросить бы! Но тут только гадать можно. Только догадываться, что знание и искра божья — разные вещи. Хорошо, когда они вместе, — счастлив человек! А если знание да без искры? Наверно, одна боль сплошная. Оттого, видать, и глаза грустные. Ведь умный человек все про себя понимает.

Борис Ильич еще заставил Виктора поработать — сделать с маленького бюста большую, выставочных размеров копию. И он оказался пророком, этот тихий, морщинистый и лысый руководитель с грустными карими глазами. «Конверторщик» буквально прогремел на областной выставке самодеятельных художников и был направлен на зональную выставку профессионалов. Прогремел он и там, и какой-то далекий, южноуральский Дворец культуры купил «Конверторщика» за сумму, которая показалась Виктору фантастической.

— А может, тебе, Витя, только этим и заняться? — робко спросила жена.

Он даже думать не стал — решительно помотал головой.

— Нет, Катюха, с печки я не уйду.

Как многие опытные сталевары, он давно уже называл свой мартен по-домашнему ласково — «печкой».

К нему приезжали из соседних Дворцов культуры и даже из соседних городов и спрашивали:

— Что у вас можно купить? Что-нибудь бы вроде «Конверторщика»...

Он мрачно, даже зло отвечал:

— Ничего у меня больше нет.

Борис Ильич тихим своим, тусклым голоском уговорил его кое-что продать — и носатую старуху-соседку, и подручного с волевым подбородком, и тещу с добродушной улыбкой.

— Купите квартиру, — посоветовал Борис Ильич. — Под мастерскую. Вам уже нужна своя мастерская. Без новых серьезных работ слава быстро улетучится.

Виктор снова послушался руководителя и все гонорары, до копейки, отдал в жилищный кооператив.

Борис Ильич знал жизнь — уже вскоре про скульптуру Виктора перестали писать, и никто к нему за бюстами больше не приезжал. Он жил, как раньше — варил сталь, изобретал новые плавки, осваивал свеженькую автоматику на своей печке, потихоньку лепил бюсты в тещином сарае и тела натурщиков и натурщиц в изостудии. К натурщицам жена относилась подозрительно, ревновала и даже иногда встречала Виктора после занятий в вестибюле Дворца культуры. Его это вначале умиляло и радовало, потом стало раздражать. Однако перечить он не хотел — любил жену.

8

Все шло вроде бы ровно, гладко, спокойно. Но Виктор ощущал какую-то надвигающуюся неумолимую пустоту. Он не понимал, откуда она идет, не знал, как с ней бороться, и потому откровенно страшился ее.

Она мерещилась ему и в цехе, в отношениях с печкой, из которой, казалось, он выжал все возможное, и ничего уже больше с нею не придумаешь. Эта пустота мерещилась ему и в изостудии, и в привычном сарае, где он лепил бюст за бюстом, портрет за портретом, но ничего равного «Конверторщику» не появлялось, и даже мысли достойной не возникало. Эта пустота мерещилась ему в отношениях с женой,

которая, как и газетчики и представители Дворцов культуры, охладела постепенно к его бюстам и стала поговаривать о том, что неплохо бы близкую уже кооперативную квартиру не занимать под мастерскую, не заглаживать глиной, а пожить в ней самим — с удобствами, с горячей водой, с ванной и газом. Никогда еще Катя так не жила.

Он не возражал ей и пытался ее понять. Но когда думал о лепке — знал уже, что это не хобби, а вторая работа, — ему становилось тоскливо. Занятия в студии — предел мечтаний еще два года назад — теперь казались тусклыми и однообразными. Ему хотелось эксперимента, поиска, пусть даже брошенных, незаконченных работ, а студия сковывала железной дисциплиной и тяжестью, неторопливой методичностью. И деваться от нее было некуда. Опять надвигалась жестокая уральская зима, а надежда на теплую мастерскую, как вода, утекала меж пальцев.

Волны равнодушия, дотоле совсем неведомого, вдруг стали захлестывать его. Ему временами становилось безразлично — вылепит он еще что-нибудь стоящее или нет. И реже тянуло в сарай. Казалось, что права жена — в новой удобной квартире надо жить, а не мусорить. И думалось, что вообще зря он полез в искусство — никому это не нужно, даже ему самому. Его дело — варить сталь, а искусством пусть уж занимается Валюшка. За его-то широкой спиной ей можно всласть рисовать хоть всю жизнь. Тем более, что у нее получается. В Доме пионеров все чаще говорили о ней, посылали ее акварели в область и даже мысли не допускали, что она может стать кем-нибудь, кроме художника.

Впрочем, Валюшка что-то в последнее время увлеклась фотографированием, особенно цветным, и все шумела, что станет фотокорреспондентом или кинооператором и объездит весь мир, как Роман Кармен, который где только ни был...

9

Мастер смены, к которому Виктор привык, с которым сработался, как с родным человеком, ушел на пенсию.

Смену предложили Виктору — все-таки у него диплом техника. Он тут же отказался. Не хотел обижать своего бригадира, своего сталевара-учителя, который после курсов мастеров обычно подменял начальника смены.

Тогда смену предложили этому сталевару, он принял ее, а через три дня сломал

ногу, прыгая с трамвая на ходу возле заводских ворот.

Пришлось все-таки принимать временно смену Виктору.

Вот тут-то и пригодились те восемь тетрадошек, которые заполнял Виктор, когда был подменным сталеваром.

Ему было очень трудно в эти дни. Хотелось, чтобы все печи давали максимум. Но не все сталевары хотели этого. Не все рвались работать на пределе, в постоянном напряжении. У людей были такие же разные характеры, разные натуры, как и у печек. Сталеваров-то в цехе Виктор знал давно и, казалось ему, хорошо. Но с должности начальника смотрел на них впервые. А тут еще свалилась на него целая группа практикантов, мальчишек из профтехучилища, и нужно было знакомить их с цехом, с техникой безопасности, обеспечивать спецодеждой, объяснять азы, раскидывать по бригадам сталеваров.

Все эти новички вначале казались Виктору на одно лицо. Но однажды Виктора поразила фигура невысокого худенького паренька, следившего за выпуском плавки. Паренек стоял на узких мостках в стороне от разливки, где обычно стоят зрители — всякие начальники, комиссии и журналисты, — и во всей его позе было столько удивления, ожидания и восторга, что Виктор не смог пройти мимо, остановился, взгляделся. Полусогнутые колени, разведенные руки, оттопыренные большие пальцы, раскрытый рот — совсем детский, нежный, с пухлыми губами, — и громадные глаза...

10

На улице уже падал и таял мокрый снег, переламывался октябрь, и работать в сарае стало невозможно. «Первую плавку» пришлось лепить в изостудии, а Виктору именно этого и не хотелось, потому что все сразу лезли с вопросами: «Что делаешь?», «Что задумал?» Но больше лепить было негде. И поэтому о «Первой плавке» разговоры пошли намного раньше, чем хотелось.

Эти разговоры сковывали Виктора, мешали ему. Он впервые самостоятельно, без натурщика, по памяти, лепил тело. И наверняка без двухлетних занятий в изостудии, без ее изматывающей методичности, которую еще недавно он проклинал в душе, — у него вообще ничего не вышло бы. Даже основы.

А тут основа выходила. Вполне грамотная. И полусогнутые колени, и разведенные руки с оттопыренными большими пальца-

ми — все вроде бы вырисовывалось так, как он видел в цехе у того глазастого паренька. Но почему-то холодно, без эмоций. Словно стал паренек в позу и позволяет себя лепить.

Виктор не делал пока голову, оставлял ее неоформленным шаром, не спешил — все бился и бился над телом.

А тело не давалось.

Борис Ильич не раз подходил к Виктору, стоял за его спиной минутку-две и отходил молча.

У него была своя теория: художник должен искать и мучиться в одиночку. Ибо в этих поисках и мучениях — суть, смысл и прелесть всей работы. Если бы не было их — не было бы и истинных художников.

Однажды Виктор застал его перед своей заготовкой, когда пришел после смены в изостудию. Откинув мокрую тряпку и привычно сложив руки под животом, Борис Ильич смотрел на скульптуру. Вернее, на то, что должно было стать скульптурой.

Виктор остановился рядом, поздоровался. Борис Ильич кивнул, и лысина его красновато сверкнула в ранних закатных лучах, рассеянно проникавших сквозь стеклянный потолок студии.

— А может, сделать все же голову? — тихо спросил он Виктора.

— Попробую...

Целую неделю Виктор выглаживал сдвинутую на затылок каску, пухлые, еще не знавшие бритвы, щеки, мягкий, совсем детский подбородок, маленький, с плавной дугой, почти девичий нос, раздвинутые от удивления губы, широко раскрытые от восторга глаза.

Как-то сама собой голова слегка наклонилась вправо, и вслед за тем пришлось приподнять правое и чуть опустить левое плечо. Сдвинулись руки — правая стала выше левой. Чуть перекосясь вправо весь корпус. И ногу правую пришлось теперь немного выдвинуть вперед, а левую самую малость отставить назад.

Парнишка-практикант как бы сразу перестал позировать. Он был теперь схвачен на бегу, остановлен на миг ослепительным, захватывающим, впервые в жизни увиденным зрелищем...

11

Когда «Первая плавка» уехала на областную выставку самодеятельных художников, Виктор перевез вещи в новую квартиру.

Пока бегал он по магазинам, покупая

новую мебель, о «Первой плавке» стали говорить и писать, как когда-то о «Конверторщике». Ее заметили, хвалили, вскоре она была отправлена на зональную выставку профессионалов и там тоже не потерялась. Все повторялось, все было, как два года назад, и Виктор уже мог кое-что предсказать наперед.

Коробило его одно: всюду, где говорилось о «Первой плавке», неизменно, даже назойливо подчеркивалось, что автор ее — сталевар, рабочий, что лепит он знакомые ему сюжеты и образы, в творческие командировки за материалом не ездит. Никто без этого не обошелся — ни один критик.

Виктору же казалось, что главное в его работе — жизненная правда. А правду эту запросто мог подметить любой — сталевар он там или не сталевар, — дело в точке зрения, в душе человека, а, наверное, не в профессии. Да и ссылки критиков на рабочую профессию автора скульптуры слишком были умилительными и в чем-то обидными.

Купил «Первую плавку» уже не чужой, а свой, в областном городе, Дворец культуры. И вслед за тем стали наезжать к Виктору товарищи из других городов...

— Покупай еще одну квартиру! — вздохнув, посоветовал Борис Ильич. — Тебе все-таки нужна мастерская.

Виктор снова послушался. Сгреб все наличные и потопал в кооператив. Там насторожились: человек покупал подряд вторую квартиру!

Виктор объяснил — негде лепить.

— Надо посоветоваться, — сказали ему. — Зайдите через недельку.

А через недельку его неожиданно вызвал директор комбината.

Виктор понятия не имел — зачем. Смену он давно сдал.

Директор усадил его, присел на секунду сам, но сейчас же вскочил и забегал взад-вперед по другую сторону длинного полированного стола для совещаний.

— Видел я на областной выставке вашу «Первую плавку». Очень жалею, что не удалось посмотреть «Конверторщика». А вчера узнаю — хотите покупать вторую квартиру. Под мастерскую. Это правда?

— Правда.

Директор все бегал по кабинету, а Виктор смотрел на него и думал, что энергия в этом человеке бьет через край и ему все время приходится сдерживать ее. Она копится, копится и, по неумолимым законам физики, преобразуется в массу. Ему бы хо-

дить на работу пешком и с работы тоже, но некогда, время поджидает, и он ездит в удобной персональной «Волге» и тем самым опять же загоняет энергию внутрь. Пока что она раздувает его, но когда-нибудь она его убьет. Намного раньше естественного срока. И комбинат потеряет смелого, не боящегося риска директора, и Земля потеряет работника, который не считается со временем и которому еще жить бы да жить. Но ничего тут не поделаешь, ничего не изменишь — все неумолимо и неотвратимо. И если вдруг он, пожертвовав делами, начнет ходить пешком, бегать, сбрасывать жир, терять время на гимнастику — это будет уже не он, а другой человек. Совсем другой. На этого не похожий.

— Вы знаете, мне лично будет стыдно, если вы эту вторую квартиру купите, — признался директор. — Просто мне лично. Я уж не говорю о позоре для комбината. И я не могу вам эту квартиру дать. Некоторые товарищи, правда, думают, что карманы директора набиты ордерами. Но эти товарищи ошибаются. Ордеров у меня в карманах нет. Все квартиры идут по цехам.

— Знаю. — Виктор кивнул. — Знаю очередь в нашем цехе, кто в очереди. Поэтому ничего не прошу.

— Давайте поищем другой выход, — предложил директор. — Вас устроит мансарда? По классическому парижскому типу, с большим окном?

— Конечно! Но где взять такую мансарду?

— Сделаем. Мансарда будет не ваша личная, а Дворца, изостудии. Но, пока вы лепите, — она ваша. Договорились?

Директор протянул руку — широкую, сильную, пухлую.

12

Мансарду оборудовали за полтора месяца — как раз только начался отопительный сезон. Батарей наставили много, и помещение получилось теплым, даже жарким. Виктор подумал, что и в самые сильные морозы можно будет работать тут с открытыми форточками. Это было приятно — он любил свежий воздух.

Обживал мансарду неторопливо, с удовольствием, даже со вкусом. И все не верил, что уже позади и темноватый сарай, и тесная зимняя изостудия, и злые, яростные мечты о нормальной работе. Теперь все есть — только лепи.

В цеховые бытовки и кабинеты ИТР

въезжала в эти недели новенькая, модерная мебель с тонкими ножками и полированными поверхностями. Списанными из мартена старыми столами и стульями Виктор начинил свою мансарду, перетащил в нее полки и скопившиеся бюсты из тещино сарая, развешал на стенах рисунки дочери и только собрался натаскивать глины, как приехал на комбинат в творческую командировку известный скульптор. Ему нужны были для какой-то сложной композиции уральские типы, и он решил поискать их среди металлургов.

Или кто-то рассказал ему о сталеваре и скульпторе Лебёнке, или еще раньше он про Лебёнку знал, но на другой же день после приезда гость разыскал Виктора в цехе, возле гудящей огнем печи.

Странную для мартена фигуру — высокую, в щегольском желтом пальто и желтом берете, с тяжелой палкой,— Виктор заметил еще издали и никак не думал, что это — к нему. Человек шел по цеху медленно, глядел на ревущие печи, шарахался от завалочной машины, о чем-то спрашивал людей. Наконец подошел к Виктору, представился.

— Хотелось бы поговорить! — прокричал он Виктору на ухо.

— Приходите завтра! — так же прокричал в ответ Виктор и на клочке бумаги нарисовал, как пройти от комбинатской гостиницы к его мансарде.

Скульптор постоял еще немного в сторонке, понаблюдал, как подручные Виктора брали из печи пробу для лаборатории, и незаметно исчез.

А на следующий вечер он размашисто ходил по мансарде, откровенно восхищался ею («В районном-то городе, не члену Союза художников — и такая роскошь!»), молча разглядывал на полках бюсты и под конец признался:

— Если бы вы сами не были скульптором — я бы вылепил вас. Очень характерное уральское лицо. Энергичное, крутое. И очень интересно лепить. Вы не делали автопортретов?

— Нет.— Виктор покачал головой, усмехнулся.— Вообще-то, я из Гомеля. Кажется, белорус.

— Почему — «кажется»?

— Точно не знаю.

Виктор объяснил, как нашли его в развалинах дома, как появилась его странная фамилия «Лебёнок».

— Чудно! — скульптор, заложив руки в карманы брюк, покачался с носка на пятку и с пятки на носок.— А мне вы показались коренным уральцем. Таким потомком демидовских заводских.

— Бывает... Демидовы, говорят, отовсюду себе кадры сгоняли. И из Тульской губернии, и из Черниговской, и из Московской. Может, и гомельские там были. Не исключено.

Виктор заварил на плитке черного кофе, достал из тумбы письменного стола флакон импортного ликера с роскошной этикеткой, расстелил на столе белую скатерть, которую специально для этого случая просил у жены.

— Садитесь — повечеряем...

Скоро скульптор раскраснелся, снял пиджак, оттянул вниз галстук, расстегнул ворот шелковистой белой сорочки и резко спросил:

— Хотите правду!

— Разумеется! — Виктор улыбнулся. — Правду! Только правду! Одну только правду!

— Вы никогда не задумывались, что было бы с вашими работами, если б вы не были сталеваром? Вообще — рабочим...

— Задумывался.

— И?..

— Возможно, им пришлось бы туго. Ну, не хвалили бы. Может, и не заметили бы. Все могло случиться.

— Хорошо, что вы это понимаете.

— А почему бы мне этого не понимать?

— Некоторые не понимают... Вы только, ради бога, не обижайтесь! Две ваши работы превосходны. Знаю я «Первую плавку». И «Конверторщика» помню. Я ведь в зональном жюри... И еще, конечно, у вас такие работы будут. Я в вас верю! Лет вам немного — все еще впереди. Но вот это... — Он небрежно кивнул на полки. — Я понимаю — для вас в этом жизнь. Может быть — все надежды. Но... как бы это сказать... — Он покусал полные, по-молодому яркие губы. — Вы когда-то что-то в себе задушили. И теперь это задушенное мстит. И уже будет мстить до конца. У профессионалов ваших лет таких работ на полках не найдете. И тут ничего не напишешь — профессиональная школа спасает только в молодости. А из тридцатилетнего мужика, даже с самым абсолютным слухом, пианиста-виртуоза не сделаешь.

— Я не рвусь в виртуозы. Просто работаю. Мне это интересно.

— Возможно — не рветесь. Значит, будете жить только всплесками. Я не говорю о цехе. В искусстве.

— В искусстве, по-моему, все живут всплесками.

— Не только. Между всплесками идет работа. Средняя. Но профессиональная. Она тоже нужна. Ее берут. Даже в основном-то она и кормит. У вас плохо именно с этой работой.

Теперь Виктор понял его. И обрадовался. Ничего страшного. Все нормально. Та далекая седая воспитательница все предусмотрела.

— Мне не надо кормиться средней работой, — объяснил Виктор. — Между всплесками я варю сталь. И, кажется, недурно. Не ругают. Вы меня поняли?

Он увидел вдруг перед собой большие, совершенно трезвые и дико вопрошающие глаза. И вопрос этот, возникший вдруг, вот сейчас, неожиданно, был обращен не к Виктору, а внутрь, в себя. Это был вопрос к самому себе, ко всей своей жизни, которая давно сложилась, которую не изменишь, не повернешь, не пройдешь заново. Это был даже не просто вопрос, а какой-то взрыв давнего, задушенного когда-то чувства. Сейчас оно буйно вырвалось на волю и безжалостной иглой вонзилось в мозг знаменитого скульптора и резало, кололо, мстило за то, что когда-то его так же безжалостно задушили.

Что ж, каждому рано или поздно приходится решать для себя эти проклятые, эти жестокие и вечные вопросы. И решают их по-разному. Каждый по-своему. Абсолюта тут, наверно, никому не найти. Да он и не нужен, этот абсолют.

Когда-то, страшно давно, хоть и не сам, а с мудрой для тех дней подсказкой решил этот вопрос Виктор. И ведь прав скульптор — не без жертвы решил. Наверно, если бы не осиротила Виктора война, он мог бы позволить себе другую судьбу, другую жизнь. Была ли бы она лучше, завидней — еще неизвестно. Может, и нет. Может, давили бы озлобляющие неудачи? Может, иссушала бы невольная зависть к удачливым? Может, наоборот, чужая зависть к его успехам подкидывала бы все новые и новые камни под ноги? А то и сбивала с ног... Разве угадаешь, что было бы, если бы?..

Конечно, теперь у него любовь поздняя. Но ведь настоящая! И главное, наверно, в том, что она все-таки пришла, не миновала его.

Зато все у него проще и надежнее сейчас, чем при иной судьбе. Не на одной ноге стоит — на двух. Не от одной скульптуры радость — от печки тоже. Не страшны неудачи — они просто ничего не меняют в жизни. Не может возникнуть зависть — даже этому знаменитому скульптору он не завидует и не позавидует никогда. Ибо в очень многом неизмеримо богаче его и прочнее устроен в жизни. И самому Викто-

ру ничья зависть не опасна, не способна даже просто осложнить судьбу. А уж не то чтобы сбить с ног... Он неуязвим для зависти. От любых завистников надежно заслоняют его яростный огонь мартена и поток расплавленной стали. Поди доберись через них!..

И все же были ведь те годы — в ФЗО, в общежитии, в армии,— когда не лепил, когда даже желание лепить душил в себе. Могло ли такое пройти бесследно? Может, на самом деле придется всю жизнь за это расплачиваться? Может, в том и суть, чтоб ничего доброго в себе никогда не душишь?

— Чьи это рисунки? — вдруг спросил знаменитый скульптор и кивнул на одну из стенок. — Ваши?

— Дочкины.

— Она тоже собирается между всплесками... э-э... служить по другому ведомству?

— Она пока в пятом классе.

— В пятом?! — скульптор вскочил и пробежался вдоль стен. — Вы не шутите?

— Зачем бы?

Скульптор сел, поставил локти на стол, опустил седеющую голову на ладони.

— Сколько живу,— тихо произнес он,— не перестаю удивляться нашей стране и ее

людям. Их невозможно понять до конца. Потому что все на особицу. Каждый раз задача с новыми неизвестными. Дорого бы я дал, чтоб узнать судьбу вашей дочери.

— Я тоже.

— Что, по-вашему, должно быть главным в ее судьбе — живопись или что-то иное?

— Наверно, главное — чтоб потом локти не кусать. Чтоб не желать себе другой судьбы. — Виктор подумал и тихо добавил: — Чтоб ничего хорошего в себе не задушить.

И снова в глазах скульптора застыл неподвижный, глубокий, безжалостный вопрос. И снова это был вопрос к самому себе. И снова Виктор понял его.

Это был очень знаменитый, очень удачливый скульптор. Но кто знает — может, и он когда-то задушил в себе еще кого-то другого. Совсем не скульптора. И лишил себя этим многих радостей. И обеспечил себе этим много лишних горестей. Просто стал очень уязвимым для них.

Смолоду многого не знаешь. Не знаешь и того, что подавленная любовь потом мстит всю жизнь. И любовь к человеку, и любовь к делу.

ВОРКУТА, ГОРОД ЗАПОЛЯРНЫЙ

А. Нагибин
Фото автора.

1 июля 1932 года на левом берегу реки Воркуты заложили первые наклонные разведочно-эксплуатационные шахты № 1 и № 2, а 28 декабря 1942 года, когда фашисты захватили Донбасс, машинист П. П. Дунаев повел первый состав с воркутинским углем по новой железной дороге. Так возник один из самых северных городов нашей страны.

Семнадцати лет приехала в Воркуту Ванда Барсукова. Сначала работала чертежницей в геофизической партии, но затем решила, что для комсомолки это слишком легкая работа: ведь шла война! Вместе с подругами она создала бригаду навалотбойщиц. Девушки не уступали в работе мужским бригадам. В 1943 году комсомолку Ванду Барсукову наградили орденом «Знак Почета». К этому времени и относится публикуемая нами фотография.

Неузнаваемо преобразился с тех пор заполярный город. Вот одна из его улиц.

ягодники

ЛИНОГРАВЮРЫ

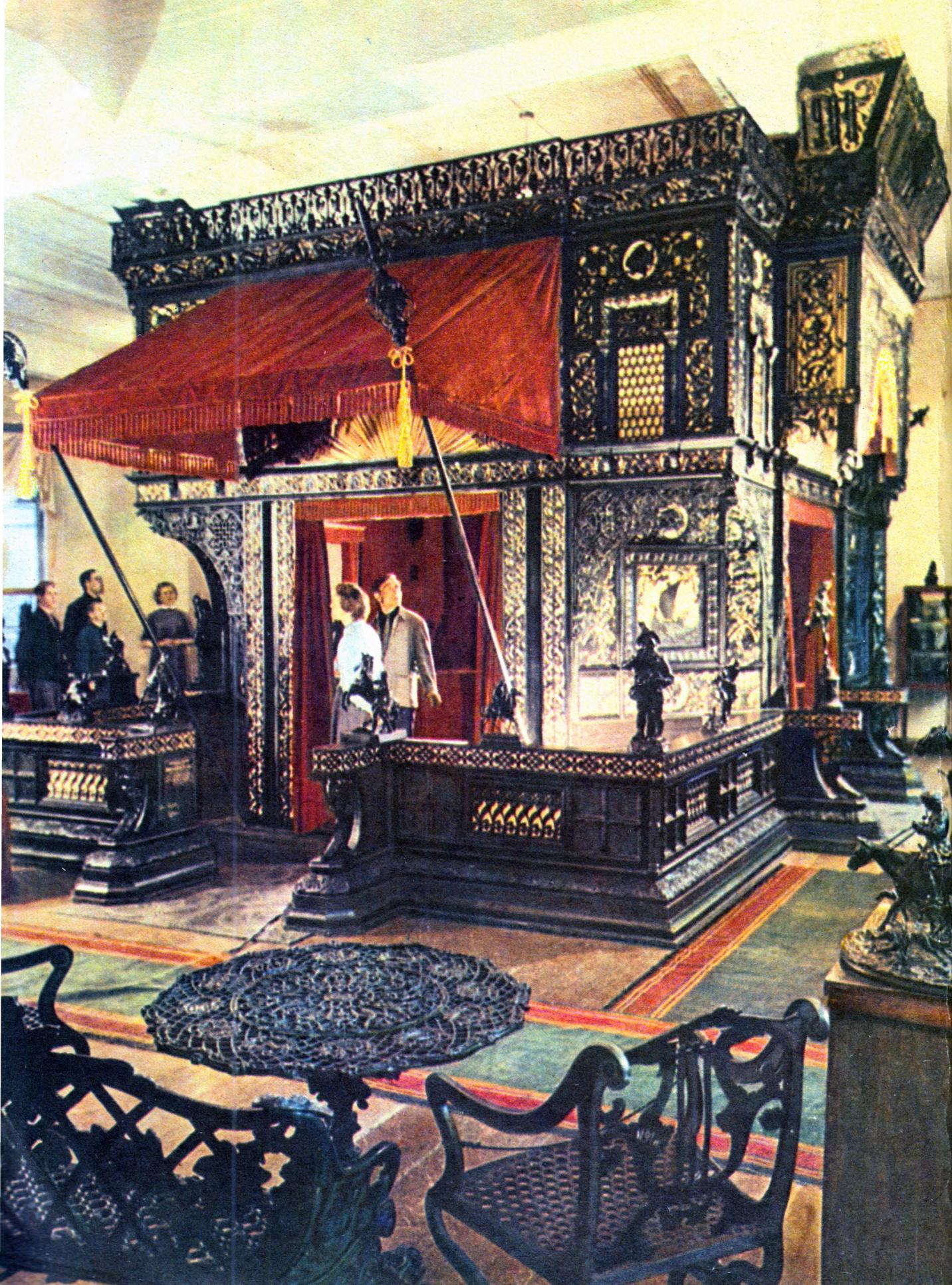
Василия Манзи

(г. Петропавловск)

ВМ

ТИШИНА. ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

УМЕЛЬЦЫ ИЗ КАСЛЕЙ

Горький о Каслях

А. М. Горький впервые познакомился с каслинским художественным литьем на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде. Каслинские заводчики представили на выставку громадный дворец-павильон из чугунного литья, где были выставлены лучшие в то время изделия заводских мастеров.

Автором эскиза дворца-павильона оказался земляк Горького — архитектор А. И. Ширшев. По его проекту на заводе выполнили модели, а затем отлили из чугуна огромное количество ажурных деталей павильона.

Выступающую карнизную часть фасада дворца поддерживали строгие колонны — по две слева и справа от входа. Стенки представляли сетчатые ажурные сплетения. У входа и внутри были выставлены изделия из чугуна, а сам павильон обнесен чугунной оградой.

Горький был в восторге от павильона и несколько раз посещал его. Но он не мог не заметить, что каслинский павильон, как и вся выставка, созданы для «эффекта», для показа достижений русского капитала. И не мог мириться с тем, что сами создатели этих творений — рабочие, мастера-умельцы каменной резьбы и чугунного литья, остаются в тени, неизвестными и непризнанными.

Горький писал: «Кто эти художники, режущие из камня цветы и обладающие столь тонким вкусом, столь уверенной рукой, так хорошо развитым чувством меры? ..Кто эти добрые гномы? Как это они делают и как при этом поживают?»

За четыре месяца работы выставки А. М. Горький опубликовал в газетах более ста фельетонов-корреспонденций. Хочется верить, что среди них будут обнаружены неизвестные сегодняшнему читателю статьи о каслинском литье и его мастерах.

...Шли годы. Каслинский завод пережил немало взлетов и падений. В 1934 году в Каслях возобновился выпуск чугунного художественного литья. На завод возвратились рабочие, ушедшие на пенсию. Однако отлить-то, по существу, было нечего: модели разграблены, а оставшиеся не отвечают духу, требованиям времени. И тогда группа старых мастеров

Чугунный павильон, отлитый каслинскими мастерами для Всемирной выставки 1899 года в Париже. Восстановлен в конце 1950-х годов и находится ныне в Свердловской картинной галерее.

Фото С. Крапивнидкого.

МЕДНОЙ ГОРЫ ХОЗЯИКА.

обратилась с письмом к А. М. Горькому. Они писали: «Вам, наверное, известно о существовании на Урале каслинского чугуно-литейного завода. Это старый завод, принадлежавший ранее купцам Расторгуевым, имеет почти вековой опыт по художественному литью. В старое время каслинские мастера-литейщики удивляли своим искусством за границу, и наши изделия на международных выставках получали высокую оценку. Два месяца тому назад вновь организованный цех художественного литья начал свою работу, однако в нашей работе нет должного размаха и очень много недостатков. Самое главное, по-нашему, — это малое количество моделей, возвращенных нам из музеев... Нам нужны новые модели. Если бы нашему заводу прислали модели революционного содержания, скульптурные изображения ярких событий гражданской войны, бюсты и фигуры наших вождей, лучших ударников страны, статуэтки рабочих и колхозников, народов СССР — эх, с каким бы удовольствием мы приня-

лись за новую интересную работу!».

Горький внимательно отнесся к письму уральских рабочих. Он направил в Касли корреспондента журнала «Наши достижения» Н. Добычина. Его большой очерк «Живой чугун» и был напечатан в одном из летних номеров журнала за 1935 год.

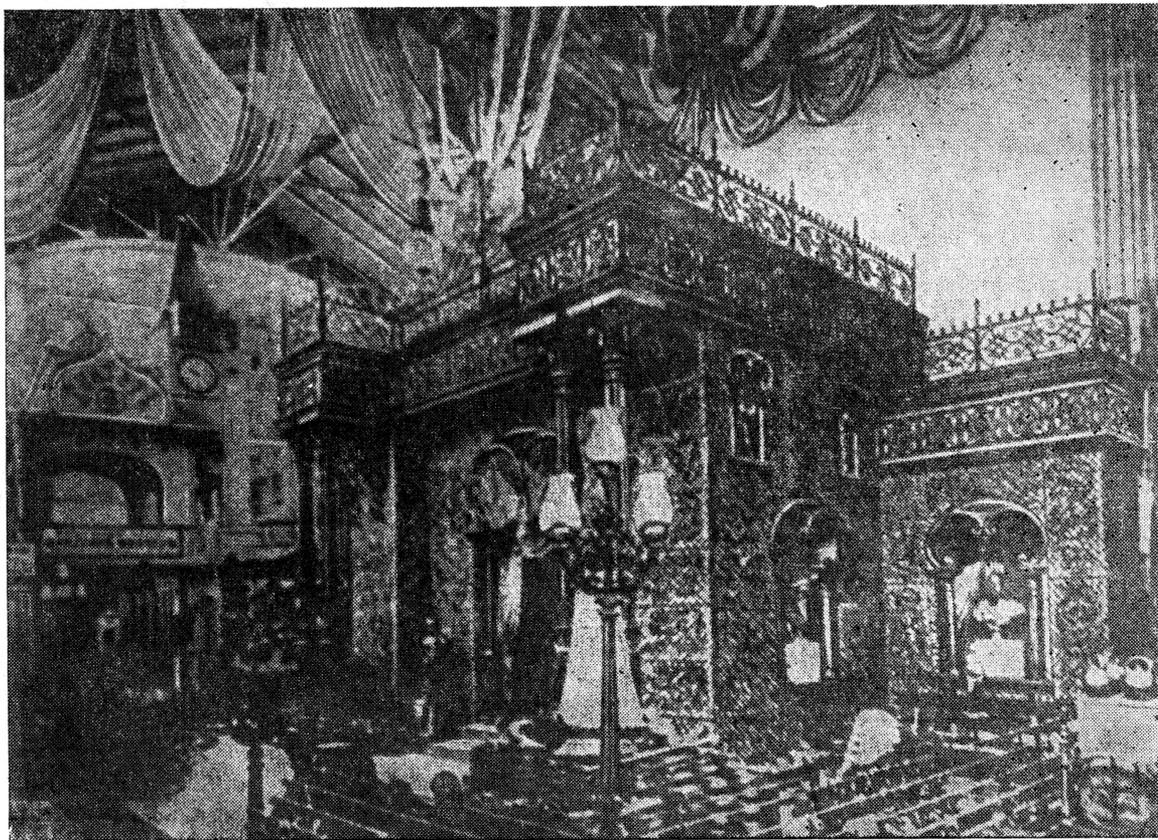
Но именно в этом же номере журнала Горький публикует свою статью «Об искусстве», где поднимает важные проблемы развития и возрождения народных промыслов, народного искусства. Можно считать, что статья А. М. Горького и очерк Н. Н. Добычина явились открытым ответом на письмо каслинских рабочих. Недаром в очерке «Живой чугун» есть такие слова: «Мне думается, что Касли будут крупным центром художественной жизни. Уж не говоря о самом цехе, или, может быть, даже самостоятельном заводе художественного литья, там будет высшее художественное учебное заведение, десятки творческих мастерских, сотни художников».

Умелец Зацепин

В книге писателя С. Гарина «Когда пробуждаются великаны», изданной в Москве в 1958 году, я прочитал такие слова, посвященные каслинским мастерам:

«Больше всего, конечно, согревают сердце успехи молодежи. Глянешь на Сашу Зацепина — не нарадуешься. Парень в армии отслужил, на завод вернулся — ровно не уходил: все помнит, будто и в армии чеканкой занимался. Глаз у него верный, руки толковые, понимающие, крепко держат каслинское искусство».

Прошли годы, и я вновь услышал это имя. Сначала — на областной выставке работ мастеров-умельцев, затем в музее Каслей. Оказалось, речь шла об одном человеке — потомственном каслинском мастере Александре Михайловиче Зацепине. На заводе он с детства. Работал формовщиком, чеканщиком. А теперь один из ведущих модельщиков,

КАСЛИНСКИЙ ЧУГУННЫЙ ПАВИЛЬОН НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ.

ЧЕКАНЩИК А. М. ЗАЦЕПИН.

Создать модель, по которой затем будут долгие годы отливать изделия, — дело ответственное, сложное, требующее терпения, внимания, осторожности. В умелых руках Зацепина бывали модели из разных материалов: гипсовые, бронзовые, чугунные. Он готовит пресс-формы, чеканит. Одно неверное движение, неправильно выбранный чекан — модель может быть погублена.

Перед тем как перевести гипсовую фигурку в бронзовую, Зацепин внимательно изучает оригинал. Он должен ясно понять замысел скульптора, довести его до зрителя теми штрихами, о которых не всегда знает и скульптор, но которые видит модельщик. Он обязан их видеть, ибо они диктуются требованиями будущего материала изделия — чугуна.

Чеканов у А. М. Зацепина около сотни, и все разные. Но они помогают ему оживить металл, внести в изделие частицу души.

Модельщиков в цехе, по существу, трое. Вот рядом работает друг Зацепина — С. В. Кузнецов. Вижу, возится с пресс-формами, что-то отлаживает для новой партии маленьких Дон-Кихотов.

Традиции каслинских умельцев передаются из поколения в поколение. Тут работали отцы, деды и прадеды сегодняшних мастеров. У того же Зацепина отец, старый формовщик, отдал заводу всю жизнь. Он был в числе тех, кто не раз вставал в защиту каслинского художественного литья, когда это неповторимое искусство начинало угасать, боролся за его возрождение. Он был в числе рабочих, подписавших письмо А. М. Горькому в 1934 году. Отец А. М. Зацепина формовал почти все, что выпускалось тогда на заводе.

Еще в начале 50-х годов Александр Зацепин пробует лепить. Тайком от других. Смотрел подолгу на работы опытного мастера П. С. Аникина, советовался с ним, показывал свои пробы в пластилине. Прошло несколько лет, и на одной из выставок в Челябинске одобрительно отзываются о первых работах Зацепина — отлитых в чугуне скульптурах «В. И. Ленин», «Мальчик и девочка».

Позднее я узнал, что Зацепин со своим другом Кузнецовым заканчивают чеканные работы по нержавеющей стали. На одной из

них уральский пейзаж. Гладь озера, березки на берегу, редкие облака.

— С природы брал, — говорит мастер с улыбкой. — Это же озеро Аллаки.

В чеканке по нержавеющей стали каслинцы не применяют ни травления, ни золочения. Работают только чеканками. Это для Каслей дело новое. Много лет назад пригласили на каслинский завод двух граверов из Златоуста: надо было научить каслинцев «доводить» отлитые чугунные изделия. Так и породилось с тех пор мастерство литейщиков Каслей и граверов Златоуста.

Последняя чеканная работа Зацепина «После грозы». На картине — мальчик и девочка. Они в поле, среди цветов и трав. Чистота летнего дня, свежесть, красота природы — вот что отличает ее. С цветка, который мальчик держит в руке, падает ему в ладонь капля воды.

Зацепин показывает пластилиновую модель для ажурной рамочки к чеканной картине.

— Трудно подобрать рисунок, — признается он. — Тут нужно единство, гармония картины и рамоч-

ЛЕНА САМОДЕЛКИНА.

ки. Несколько вариантов выполнил, а все не то... Сейчас, кажется, эту связь нашел. А отливать рамочку хочу из чугуна.

И я подумал, что эту связь он обязательно найдет. Хотя бы потому, что вкладывает в свою работу частицу самого себя.

Чугунная цепочка

Много толковых мастеров-самородков работало в прошлом на заводе в Каслях. В конце прошлого века наибольшей выдумкой и мастерством отличался Афанасий Широков. Он лепил, чеканил, бронзировал. Старый каслинский скульптор М. Канаев, глядя на его поделки, не раз говорил: «Тебя, Афанасий, только бы в академию художеств».

Однажды Широков отлил из чугуна мельчайшую цепочку для карманных часов. Слава об уникальной цепочке из чугуна прошла далеко за пределы Каслей.

Д. И. Менделеев, изучавший железоделательную промышленность Урала и побывавший на кыштымских горных заводах в июле 1899 года, писал:

«Каслинский завод... давно славится своим чугунным литьем. Видал я на выставках это литье не раз, сам купил в Екатеринбурге прекрасные образцы, но то, что увидал... превзошло все мои ожидания... Искусство формовщиков и литейщиков особенно высказалось на мелких брелоках к часам и на часовой цепочке. На ней не только каждое звено формовано и отлито отдельно, так что гибкая цепь образуется рядом друг в

друга продетых колец, но и по концам крючок и колечко свободно вращается в чугунном — прямо отлитом (с присыпкою угля) — охвате, без всякой обточки и опилки. Этот фокус литейного мастерства демонстрирует... ловкость людей, формирующих и отливающих...»

Проходили десятилетия. Старели и сменялись мастера на заводе. При Советской власти в Каслях было организовано ремесленное училище — старые мастера учили ребят секретам формовки, чеканки, литья. Вскоре ребята и сами стали создавать интересные работы.

Зимой 1944 года на заводе прошел слух, что ученица ремесленного училища Лена Самоделкина начала формовку и отливку уникальной цепочки. Она решила повторить опыт старых мастеров.

К задумке Лены трогательно отнеслись старый формовщик И. С. Мочалин, находящийся тогда уже на пенсии, мастер К. И. Чиркин и другие.

«Формовка — дело нелегкое, капризное, — говорил И. С. Мочалин. — Но надо уметь «управлять» мелкозернистыми песками, хорошо разбираться в них...».

Внимательно наблюдал за работой Лены учащийся того же училища А. Гилев, ныне каслинский скульптор. Он вспоминает:

— Формовали цепочку по бронзовым моделям, по звену. Трудность была в том, чтобы не дать сплавиться звеньям. При отливке надо было знать температуру чугуна и свойства отходящих газов, материал присыпок и многое другое.

— Тонкая и сложная это была работа, — продолжает Гилев. — Измучилась Лена. А брак нельзя допустить ни в одном звене цепочки... Мастера наблюдали, подсказывали. Но какой же радостью засветились глаза Лены, как она была счастлива, когда закончила отливку!

Цепочка пошла по рукам рабочих. Даже старые мастера, полюбившись ею, качали головами: ведь цепочка эта тоже не просто кольцо в кольцо, в ней каждое звено — с двумя отверстиями, в них — поворачивающийся стержень следующего звена. И все едино, все из чугуна.

Цепочка эта побывала на различных выставках, смотрели ее и в Москве на ВДНХ.

За этот трудовой подвиг товарищ Лены по училищу — Александр Гилев — тогда же вылепил ее скульптурный портрет, а мастера отлили его в чугуне.

Мастера выдумки

Каслинские мастера не раз показывали чудеса фантазии, выдумки, оригинальности.

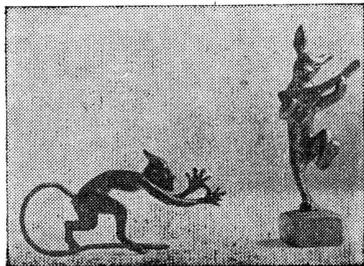
Так много десятков лет назад голубоглазый бородатый мастер Кузьма Дмитриевич Тарасов привез из Парижа, со Всемирной выставки, фигурку маленького чертика. Заинтересовала его фигурка своей забавной формой, миниатюрностью. Попробовал отлить чертика в чугуне. Когда формовал, сомневался: пальчики толщиной со швейную иглу, капиллярной тонкости, пройдет ли чугун?

Прошел, заполнил все части фигурки. Получился чертик, да такой забавный: растопырил пальцы, рука в руке и к носу — дразнится вроде.

И пошел он с тех пор гулять по свету. А с 1950-х годов его стали делать маленьким, величиной поменьше спичечного коробка. На ладони таких фигурок можно около десятка разместить. А если сцепить хвостиками их с полдюжины, да поставить им в противовес черта побольше — каждый улыбнется необычной композиции.

В одном из давних преданий рассказывается о судьбе рода Беспаловых, бывших крепостными у князя Долгорукова в Калужской губернии. Один из Беспаловых слыл неплохим художником. И вот как-то он получил заказ от хозяина — нарисовать портрет дочери. Вскоре портрет был готов, но он оказался с секретом. Если смотреть на него анфас, то на портрете можно увидеть милое девичье лицо, а если смотреть сбоку — рожа черта. Узнал об этом барин и разгневался, приказал отрубить у мастера пальцы на руках и сослать всю семью на Урал. Потому якобы и пошла у них фамилия — Беспаловы...

Правда это или нет, кто знает... Но...

ЧЕРТ И ЗАЯЦ — ПЕРСОНАЖИ ЧУГУННОЙ СКАЗКИ.

СКУЛЬПТУРА П. С. АНИКИНА «МАСТЕРСТВО БЕССМЕРТНО».

Этот рассказ о «портрете с секретом» вспомнился, когда я рассматривал в музее Каслей незаметную, но не менее оригинальную работу местных мастеров — чугунный рельеф с секретом. Что же это за работа?

На чугунной прямоугольной плашке величиной 7 на 12 сантиметров создан рельеф — портрет царя Николая II, последнего из фамилии Романовых. Самодержец представлен с удлиненной головой, в шапочке, с усами и бородой, с суровым лицом. Однако если повернуть рельеф в плоскости на 90 градусов, то увидишь совершенно иное — голову лошади.

Как же и когда создавался каслинскими рабочими этот интересный портрет с секретом?

Имя скульптора установить пока не удалось, хотя по исполнению можно думать, что это работа скульпторов-самоучек. Зато установлено, что музейный экземпляр рельефа формовал и отливал в 1906 году мастер-формовщик А. Дунаев. Дунаевых на заводе работало в разное время много и А. Дунаев был из потомственной фамилии мастеров.

Вероятнее всего, что эта карикатура в чугуне была создана в

связи с событиями 1905 года, и, как предполагают старожилы, не без участия старого революционера И. М. Захарова, которому в Каслях поставлен памятник. Именно в 1905—1907 годах он был организатором многих забастовок в Каслях.

«Уральский следопыт» уже писал о таком же рельефе, хранящемся в одном из народных музеев Пермской области. Он отлит в Каслях в 1889 году мастером Михайловым, а на портрете якобы изображен царь Александр III.

Любопытно, что рельеф «лошадиная голова» значится в печатном каталоге изделий чугунолитейного завода Кыштымского горного округа, выпущенном в С.-Петербурге в 1913 году. И называется это изделие «рельеф-загадка».

Можно предположить, что в разное время, разными мастерами портрет немного изменялся. И получилось: в одном случае это просто городской (поэтому, видимо, он и попал в каталог изделий 1913 г.), в другом — портрет Александра III, в третьем — портрет Николая II.

Ю. ЕЛФИМОВ

ЛЮДИ СУЗЕМЬЯ

Повесть

Анатолий ПЕТУХОВ

Рисунки Н. Мооса

В прошлом году в третьем номере журнала был опубликован рассказ Анатолия Петухова «В синем залесье», получивший хорошие отклики читателей. Тема, намеченная в рассказе, продолжала волновать писателя, рассказ как бы обрстал новым материалом, судьбы героев исследовались полнее, намечались повороты этих судеб — подчас драматические. И так получилось, что «В синем залесье» стало главой новой повести Анатолия Петухова — «Люди суземья», которую мы начинаем печатать с этого номера.

У Тимошкиных случилось ЧП: Герман забрал из института свои документы.

Как только об этом стало известно, глава семейства Василий Кирикович экстренно созвал домашний совет. Мать Германа, Галина Карповна, отпросилась на кафедре и примчалась домой на такси, почти одновременно с нею в личной «Волге» подкатили Светлана с мужем, седовласым профессором медицины.

Собирались в гостиной. Звонили по телефону: что-то уточняли, кому-то приносили извинения, с кем-то договаривались о встречах. Даша, домработница, маленькая пожилая женщина, робко спросила у Галины Карповны, нужно ли что подать на стол, но та лишь махнула рукой, и встревоженная Даша тотчас неслышно удалилась.

Виновник переполоха, юноша с чистым, как у девушки, лицом, смиренно сидел в углу в глубоком кресле и ни малейшего внимания не обращал на всю эту суматоху. Он заранее знал, о чем и как будет вестись разговор, и сожалел, что не успел вовремя исчезнуть из дому. А друзья, как и договаривались, наверно, уже съезжаются к городскому парку, он же опоздает, и этим, конечно, воспользуется Владик, чтобы поволочиться за Розалией...

— ...Я считаю такой поступок беспрецедентным и потому выношу на совместное обсуждение.

Герман взглянул на отца и удивился, что не слышал начала «обвинительной речи». Еще больше удивило, что все четверо уже отошли от телефона и сидели за большим столом, покрытым тяжелой бархатистой скатертью.

— Соизволь нам объяснить, почему ты так поступил? — спросил отец.

Он сидел прямо, положив локти на стол, и в руках держал карандаш. Привычка сидеть вот так, плотно, сохранилась еще с того времени, когда у Василия Кириковича был большой кабинет, а в приемной — неприступная для посетителей секретарша.

— Разве я не имею права на самостоятельные поступки? — усмехнулся Герман.

— Но ты соображаешь, что поставил нас в самое идиотское положение?! — воскликнула мать, сверля сына черными глазами. — Все было продумано, предусмотрено. Тебе гарантировалось прохождение по конкурсу. А теперь что прикажешь делать?

— Ничего. Успокойтесь. Вам же было сказано: в этом году я не намерен учиться. Вы сами отнесли мои документы.

— До будущего года обстановка может измениться, — многозначительно заметила Светлана. Она намекала на то, что в случае удачной защиты диссертации уедет с мужем в Новосибирск и связи могут ослабнуть.

— Дело даже не в этом, — сказал Василий Кирикович. — Если ты не поступишь в институт нынче, то будущей весной угодишь в армию. Мы вполне можем преподнести тебе такой сюрприз.

— Не вижу оснований пугать армией, — возразил профессор. — Насколько я знаю, армия еще никого не испортила.

— Да, но какая потеря времени! — Галина Карповна неодобрительно взглянула на зятя. И сыну: — Куда ты спрятал документы?

— Это мое дело.

— Нет, не твое! — Василий Кирикович стукнул карандашом по столу. — Ты пока на нашем иждивении!

Герман понял, что пора пускать в ход козыри.

— В конце концов, вы можете понять, что я устал?! — выкрикнул он. — Устал! И вы доведете меня, что я плюну на все и уеду.

— Интересно, куда бы ты поехал? — Светлана рассматривала на своих тонких пальцах сверкающие перстни и лишь на мгновение подняла на брата прищуренные глаза.

— Неважно куда. В Норильск, на Сахалин, на Чукотку... Мне все равно. Но учиться не буду. Надело!

— А в общем-то правильные мысли, — кивнул сединой профессор. — Без желания — учиться незачем. Надо работать.

Галина Карповна только руками всплеснула. Василий Кирикович сдвинул брови, провел ладонью по розовой лысине.

Уже не первый раз на семейном совете зять занимал какую-то свою позицию. Не так давно он откасался помочь Герману поступить в институт, а теперь вдруг заговорил о работе.

— Так что же все-таки будем решать? — без прежней твердости спросил Василий Кирикович.

Наступило молчание.

— По-моему, уже все решено, — отозвалась, наконец, Светлана. — Поступление в институт откладывается. Так? — она склонила голову и кокетливо посмотрела в глаза мужу.

— Но вы не думайте, что я дам ему лоботрясничать здесь, в городе, — намурился Василий Кирикович. У него уже давно были продуманы планы на нынешнее лето, и сейчас он твердо решил, что найдет в этих планах место и для непутового сына.

Герман мельком взглянул на часы и с досадой подумал: «Так и есть, опоздал!..»

Их любимое место — маленький столик возле окна — оказалось свободным, и они пошли туда через весь зал.

Все, кто был в ресторане в этот послеобеденный час, невольно обратили на них внимание. Розалия шла по ковровой дорожке нарочито медленно, покачиваясь; русая головка ее была гордо поднята, на груди переливались тяжелые бусы из горного хрусталя, мраморно-белое личико выражало полное безразличие к окружающим.

Герман небрежно поддерживал Розалию за круглый локоток. Рассеянный взгляд его был устремлен в пространство, сквозь официантов, сквозь ряды столов, сквозь стены здания. На расклеванных брюках тихо позвякивали цепочки, длинная клетчатая рубашка навыпуск была расстегнута до середины груди, и под нею виднелась красная майка с замысловатым черным рисунком.

Молодые люди расположились в креслах, многозначительно улыгнувшись друг другу. Розалия помахала ручкой перед своим лицом, взглянула на колыхнувшуюся от ветра штору и сказала:

— Завидую тебе! Вырвать целый год — подумать только! Потрясающе!.. Ты хоть расскажи, как тебе удалось?

— Очень просто, — усмехнулся Герман. — Я вообще не собирался в институт, но мои предки на домсове постановили, чтобы я потрошил лягушек. Если маман и моя сестра со своим стариком — медики, они считают, что и я должен посвятить свою жизнь убогим и хворым людям. Я же предпочитаю иметь дело со здоровыми людьми.

— Но их можно понять. Им легче всего устроить тебя в медицинский.

— На будущий год они обеспечат мне тот институт, который я сам выберу. Сам! А не они. Может я буду философом или писателем. Или я сделаю такое открытие в физике, которое перетрясет весь мир!..

— Как это заманчиво!.. Я ведь тоже могла стать актрисой или балериной, но меня сунули в этот дурацкий педик. Ужасно! За год я, кажется, поглупела. А что будет дальше? Я уже не верю в себя и живу надеждой, что когда-нибудь встречу человека, который будет любить и беречь меня больше, чем мои старики... Ведь правда, я стою этого?

— Разве ты еще не встретила? — Герман выразительно поднял красивые черные брови.

— Не знаю, — жеманно улыбнулась Розалия. — Я боюсь, что когда ты станешь великим, я к тому времени состарюсь...

— Глупости. Настоящий талант всегда проявляется в молодости.

— Но ты же сам говоришь, что до сих пор не открыл себя? А вдруг ты окажешься серединкой, самым обыкновенным человеком?

— Такое невозможно. Ты же должна понимать: если наши предки сумели выйти в элиту, то сама жизнь удержит нас наверху. В этом смысле я глубоко верю в силу генов. А дети неизбежно должны быть способней и талантливей родителей, иначе общество шло бы к деградации...

— Ты красиво говоришь, Гер! Приятно слушать. Ты рассеиваешь мои сомнения.

— Странно, что до сих пор ты в чем-то сомневаешься. Верь мне — мы выжмем из жизни все, что нам захочется... Между прочим, я тебе еще не сказал главную сногшибательную новость...

— Какую?

— Я уезжаю на все лето... к дикарям!

Зеленоватые глаза Розалии вспыхнули изумлением.

— Да, да, представь себе, к дикарям!.. Мой старик решил навестить своих предков и показать мне остатки вымирающего племени. Это где-то за Вологодой, чуть ли не на краю света.

— Дикари?!

— По крайней мере, нечто в этом роде. Так я понял. Старик утверждает, что романтики и экзотики там будет по завязку. А мне хоть к черту на рога, лишь бы не в медицинский!

— Как интересно!..

— Представь, что и мне интересно.

— Как мне будет не хватать тебя, Гер!.. — она туманными глазами смотрела на Германа.

— Да?.. Я думаю, Владик не упустит случая поувиваться...

— Ревнуешь?

— Плевал!.. Я и вчера ему прилично смазал, но если узнаю, что это впрок не пошло, я набью ему капитально!

— Он будет таким, как я захочу. Понял? И давай, не будем...

Большой зал ресторана гудел от голосов. На молодых людей, одиноко сидящих в дальнем конце зала, никто уже не обращал внимания...

3.

Колхозный грузовик еще минуту назад петлял по извилистому проселку в дремучем лесу, и вдруг из-за поворота возникли впереди тесовые и шиферные крыши домов. Лес, вытолкнув машину, равнодушно сомкнулся позади глухой стеной,

и теперь по обе стороны от дороги далеко простиралась поля поспевающей ржи.

Василий Кирикович разволновался, засуетился, снял с головы шляпу, поспешно вытащил из внутреннего кармана пиджака очки, протер стекла носовым платком.

Это была Сарга — последняя деревня перед Ким-ярью. Василий Кирикович смотрел на нее и не узнавал. Ему помнились серые приземистые домишки — в одном из них он много раз ночевал в далекие годы юности, когда учился в педагогическом училище; помнилось, что на окраине деревни, между сараями и дворами, возвышалась выбеленная дождями и солнцем силосная башня. Теперь ничего этого не было — ни серенких домишек, ни сараев, ни башни. Обновленная деревня, выросшая по крайней мере втрое, широко раскинулась по холму. Высокие дома обшиты вагонкой, и почти над каждым домом — телевизионная антенна. На месте силосной башни и сараев — длинные скотные дворы, крытые шифером.

Машина поднялась на холм, пропылила по центральной улице деревни между крашеными избами с резными наличниками, с густыми зарослями черемух в палисадниках, и остановилась возле почты.

Через несколько минут чемоданы, рюкзаки, тюки и ящики были выгружены.

— Вы на почте справьтесь, приехали за вами или нет! — крикнул шофер, отъезжая.

В просторном помещении, со стен которого красочные лозунги и плакаты призывали граждан подписываться на газеты и журналы, за столиком, возле коммутатора, сидела юная девушка с коротенькими, как у школьницы, косичками. Она приветливо улыбнулась Василию Кириковичу ровными белыми зубками, выслушала его и вдруг помрачнела.

— Понимаете, вашу телеграмму не удалось вручить...

— Как? Я подал ее неделю назад!

— Знаю. Но у нас нет связи с Ким-ярью.

— Что значит — нет связи? — вспыхнул Василий Кирикович. — Кто у вас начальник?

— Начальник я, — растерялась девушка, и личико ее вытянулось.

— В таком случае, — Василий Кирикович понизил голос, — будьте любезны объяснить, что все это значит? Держать телеграмму неделю — преступление! Почему не приняли мер к исправлению линии? Сколько времени она не работает?

— Что не работает? — теряясь все больше, спросила девушка.

— Связь! Я, кажется, русским языком спрашиваю!..

— У нас нет связи с Ким-ярью двенадцать лет. Что вы на меня так смотрите? Двенадцать лет нет ни телефона, ни телеграфа, — и она уткнулась в бумаги, лежащие перед нею на столе.

Василий Кирикович почувствовал внезапную слабость. Поглаживая грудь, он вышел на крыльцо. Рука машинально вытащила из кармана склянку с валидолом.

— Зайди ты, поговори... — сказал он Герману. — Я не могу! — и, держась за перила, спустился с крыльца.

Герман сунул руки в карманы модных брюк и нехотя направился на почту.

— Ух ты, какая милая крошка! — воскликнул он, переступая порог.

Девушка смотрела хмуро, чуть исподлобья, темные глаза ее были важными.

— Чем тебя обидел мой невоспитанный предок? Девушка молчала.

— Между прочим, ты, видимо, тоже егошибанула. Валидол сосет...

— Но я же не виновата, что не с кем было отправить вашу телеграмму!

— Усвоил. Телеграмма не вручена. Нас не встретили... Но это же сущий пустяк! Сейчас мы позволим в эту самую... Кимору и вызовем машину. Просто и хорошо.

— Но в Ким-ярь нет телефона!

— Ого! Это уже посерьезней. Да...— Герман на минуту задумался, потом подмигнул девушке:— В таком случае будем искать машину здесь.

— Вы, видно, в самом деле ничего не знаете!.. В Ким-ярь машины не ходят. Туда нет дороги.

— Так,— улыбка сошла с лица Германа.— Тогда я не понимаю, кто и как должен был нас встретить... Сколько туда километров?

— До Лахты тридцать шесть. Вас могут встретить только на лошади. Но чем оттуда вызывать лошадь, лучше взять ее здесь...

Василий Кирикович, ссутулясь, сидел на чемодане, Герман вышел из почты, закурил «столичную», лег на траву и уставился в бездонное июльское небо.

— Выяснил что-нибудь?— спросил отец.

— Выяснил. К твоим предкам нужно добираться на динозаврах.

— Я серьезно спрашиваю!

— А я серьезно отвечаю. Если не найдем динозавра, можно взять копытное животное и катить на телеге. Ни много ни мало— тридцать шесть км. Не знаю, как тебе, а мне эта романтика-экзотика начинает надоедать. Мы уже четвертые сутки в пути, весь шарик за это время можно было объехать...

Василий Кирикович вздохнул и снова побрел на почту.

— Так что же все-таки нам делать?— отрешенно спросил он.

— А вы не расстраивайтесь. Сходите к нашему бригадиру и наймите лошадь.

— Да, но если бы телеграмма была вручена, мне не пришлось бы ни о чем заботиться! Нас встретил бы мой отец.

— Наверяд ли... Куда Кирику Савельевичу в такую дорогу? Старик и дома-то еле бродит.

— Как? Ты знаешь моего отца? Он болен?— востропел Василий Кирикович.

— Болен— не болен, а сами должны понимать— восемьдесят с лишним лет...

— Да, да... Конечно... Я не подумал как-то... Где тут живет бригадир?..

4.

«Еле бродит... Еле бродит...» Казалось, эти слова выстукиваются неровными ударами сердца.

— Ну как?— спросил Герман.— На динозавре поедем или на ишаках?

— Ты отдохни, Гера,— отозвался отец.— Кофе попей— он в большом термосе. А я пойду к бригадиру.

— Валяй! Не все на лимузинах катать, надо и попроще. Для укрепления пищеварения...

«Отец еле бродит...— билье в голове у Василия Кириковича.— Конечно! Тогда ему было сколько? Пятьдесят семь? Да... Прибавить двадцать пять... Нет, все это ужасно!..»— он поморщился.

Дом бригадира, украшенный узорчатой деревянной резьбой, весело смотрел на улицу высокими белыми окнами.

«Ничего себе особнячок!»— отметил Василий Кирикович и отворил незапертую калитку.

На крыльце, запрокинув голову и открыв беззубый сморщенный рот, сидела слепая старуха и без слов тянула незнакомый мотив. Она раскачивалась взад-вперед в такт напеву—убаюкивала на коленях ребенка.

Выждав, когда старуха прервала колыбельную, Василий Кирикович спросил, дома ли бригадир.

— А кто, богородной, его спрашивает?— ожила бабка.

— Я не здешний. Мне надо срочно найти бригадира.

— На пожнях он. Сено кладет. Тут недалеко, за покотиной. Кимьярской-то дорогой поди, дак сразу за мостиком, на левой руке...

Василий Кирикович без труда отыскал эту пожню. Он еще издали услышал шум машин и людской гомон.

Работа была в разгаре. Два трактора «Беларусь»— один с граблями, другой с копновозом— стягивали сено к центру огромной пожни. Там медленно двигался неуклюжий стогометатель. У места стогования сновали женщины, подростки и несколько мужчин.

Василий Кирикович был одет в легкий бежевый костюм, белую шляпу держал в руке и шагал по пожне медленно, с достоинством. Он надеялся, что его заметят издали и бригадир сам выйдет навстречу. И действительно, люди у стогометателя скоро увидели его, заоглядывались, но встречать никто не поспешил. Шагах в десяти от работающих Василий Кирикович остановился, стер со лба пот и густым баритоном крикнул:

— Кто бригадир?

К нему подошел щуплый мужичонка с лоснящейся от пота бронзовой грудью, сказал:

— Я бригадир.

— Я— Тимошкин. Еду в Ким-ярь. Мне срочно нужна хорошая лошадь.

— Все хорошие лошади в работе. Но какую-нибудь найдем.

— Мне нужна не какая-нибудь, а именно хорошая лошадь,— с нажимом произнес Василий Кирикович.— И надежный сопровождающий. Нас двое и порядочно багажа.

Бригадир помолчал, прикидывая что-то в уме, потом обернулся к работающим, позвал:

— Ванько!

Прибежал запыхавшийся подросток лет одиннадцати, такой же сухой и смуглый.

— Придется тебе в Лахту ехать,— по-вепски сказал ему бригадир.— Запряжешь Мальку. Волокуши за конюшней. Слабенькие, но в одну сторону выдержат. Там их бросишь. Обратном приедешь верхом,— и по-русски, обращаясь к Василию Кириковичу:— Подите с ним. Он все сделает. За лошадь на сторону мы берем десять рублей в сутки— так в колхозе постановлено. Ванька квитанцию даст.

— Это что же, он и повезет нас?— Василий Кирикович не понял, что было сказано по-вепски.

— Да.

— Но если в дороге что случится?

— Все будет ладно!— бригадир махнул рукой и направился к стогометателю.

...Спустя полчаса Ваня подъехал к почте.

— Такси эпохи пещерного человека подано!— саркастически усмехнулся Герман.

Белая лошадь— старая мосластая кобыла Малька— была запряжена во что-то несуразное: две длинные жерди, они же и оглобли и полозья с набитыми поперек досками.

Как что-то далекое, виденное в пору детства, вспомнилось Василию Кириковичу, что на таких во-

локушах возили в Ким-ярь во время бездорожья соль, спички, прочие необходимейшие товары и почту.

— Послушай, — обратился Василий Кирикович Ване, — ты хочешь везти нас на этой штуке?

Мальчик приподнял козырек сползающей на глаза кепки и удивленно захлопал серыми глазами.

— Не вас, а вот это! — и показал на гору багжа.

— А мы на чем поедем?

— Ни на чем. Пешком пойдете.

— Да ты что?

Герман затоптал окурки, покачал головой.

— Э-э, экзотика-романтика! А может, здесь ковер-самолет найдется?

— Хауити зубоскалить, — с тоской произнес Василий Кирикович.

Ваня, не обращая на них внимания, разматал длинную веревку, что лежала на волокушах, растелил на досках широченный брезент и начал деловито грузить вещи. Неторопливый, в сером латаном пиджачке, в больших резиновых сапогах и с полевой сумкой на боку, он был похож на маленького мужичка. Совсем мужскими выглядели его темные от загара кисти рук, мозолистые ладони, и только лицо с облупившимся носом было детским.

Когда весь багаж был уложен, Ваня завернул углы брезента наверх и долго и старательно увязывал поклажу веревкой.

— Ну все! — объявил он. — Вот вам квитанция. За лошадь десять рублей.

Василий Кирикович рассчитался. Ваня сбегал на почту, вынес небольшой сверток в целлофановом мешочке, похоже — газеты, еще раз осмотрел повозку, проверил, хорошо ли держится сунутый под багаж топор, и взялся за вожжи.

— Ну чего, поехали? — и тут увидел, что Герман и Василий Кирикович в полуботинках. — У вас разве сапогов нету?

— Сапоги? Есть. В рюкзаке. А что?

— А ничего!.. — и Ваня стал развязывать стянутый веревкой воз: рюкзаки были положены вниз, между чемаданами...

5.

Только в пути Василий Кирикович понял истинное назначение большого брезента на волокушах: без него сберечь вещи от воды и грязи оказалось бы невозможно.

Он никак не мог взять в толк, почему, каким образом наезженная в прошлом торная дорога от Сарги до Ким-яря превратилась в труднопроходимый проселок. Ему всегда представлялось, что всюду, по всей огромной России, необратимо, как время, идет непрерывный процесс превращения тропок в проселки, проселков — в шоссе, шоссе — в автомагистрали. И вдруг он столкнулся с явлением противоположным.

Он хорошо помнил, что по этой дороге ходко ездили колхозники и сельповские заготовители на двухосных телегах, что вдоль дороги тянулись глубокие канавы, что через ручьи были прочные — из тесанных бревен — мосты, что на болотах была гать с высокой подсыпкой гравия и песка.

Но канавы заросли не кустами — лесом, мосты сгнили и рухнули, гать засосало в болотную хлябь.

Василий Кирикович терпеливо сносил муки изнурительного пути, а Герман донимал его:

— Вот она, чудная страна Вепсария!.. Но что-то я не слышу твоих восторгов экзотикой? Наверно,

ты немеешь от счастья. А я бы, между прочим, охотно променял эту экзотику на Черное море.

Но с каждым километром пути и Герман становился молчаливее, пока, наконец, вовсе не умолк: дорога измотала и его.

А Василий Кирикович вспоминал, как в сорок пятом году отец провожал его по этой самой дороге в далекий путь.

Только один месяц прожил в родительском доме возвратившийся с фронта Василий Кирикович. Но этот месяц показался ему годом: в далекой Сибири ждал его фронтовой друг Карп Семенович Деревянко, полковник медицинской службы. Впрочем, только ли друг? У Деревянко была взрослая дочь-красавица, и фотографию ее Василий Кирикович уже давно носил в кармане кителя, у сердца...

Они ехали тогда с отцом на телеге в такой же знойный июльский день. Измороженная работой колхозная лошаденка шла ступью. Это раздражало Василия, но утешало отца: какой-то лишний час он побудет возле сына. В Сарге, прощаясь, отец сказал:

— Хоть письма чаще пиши. Сам-то уж, чую, не приедешь...

Отец волновался, руки его дрожали, и Василий Кирикович, чтобы успокоить, пообещал:

— Что там письма! Сам каждый год в отпуск приезжать буду!..

И приезжал бы, если б был холост. Но он скоро женился и через год стал отцом. А с малышкой в такую даль не поедешь...

Не успела вырасти дочь — появился Герман. Поездку на родину опять пришлось отложить на неопределенное время. А там — заочная учеба в вузе, стремительный взлет по служебной лестнице, учеба жены в ординатуре...

И закрутилось!

Лет десять Василий Кирикович, кажется, вообще не помнил о Ким-ярь и о своей деревне Лахте. Однако связь со стариками поддерживал: слал им на праздники поздравительные открытки, а на Новый год непременно отправлял посылку или деньги.

Из Лахты, тоже очень редко, приходили коротенькие письма, написанные рукой соседки Нюры Маркеловой, поскольку отец и мать были неграмотны. Кроме обычных поклонов, в этих письмах перечислялось, кто приезжал в Ким-ярь в отпуск да кто еще собирается, понаслышке, навеститься в родные места. О себе старики сообщали неизменно одно и то же: «Мы покуда, слава богу, живы-здоровы, и дома все ладно».

Так прошло целых двадцать пять лет!..

Мысль навестить родину пришла Василию Кириковичу в прошлом году, когда он вышел на персональную пенсию. Точнее, это была не мысль, а неожиданно вспыхнувший зов совести. Оказавшись без дела, Василий Кирикович от избытка досуга стал вспоминать родину детства.

Воспоминания эти первоначально были скудны: деревня Лахта — большая, центр Кимьярского сельсовета, дворов полсотни, не меньше, дома вытанулись по высокому берегу озера в две линии; лес за деревней густой и темный — ельник.

Постепенно в памяти, как из редящего тумана, стали вырисовываться подробности: родной дом огромный, стоит на бугре лицом к озеру; берег озера напротив деревни песчаный, чистый, мелкий — там хорошо было купаться...

Все чаще и чаще он вспоминал отца и мать. Сам Кирик — мужик кряжистый, широкоплечий; Акулина — под стать мужу, румяная, крепкая, бойкая, всю войну за плугом ходила...

Но с тех пор прошло четверть века!

6.

На двадцатом километре пути Василий Кирикович заявил, что дальше идти не может.

В мокрой от пота рубашке, с воспаленными глазами на раскаленном лице, он в изнеможении опустился на мшистую кочку и привалился спиной к дереву. Руки бессильно упали на колени и нервно вздрагивали.

— Итак, мой предок выдохся! — Герман скривил в усмешке тонкие губы. — Между прочим, я — тоже! — и свалился в траву.

— Крикни этому, как его... Ваньке! А то ведь уедет, оставит нас, — пробормотал Василий Кирикович.

Герман привстал и звонко на весь лес крикнул:

— Эй, извозчик, гони сюда!..

Ваня прибежал минут через пять.

— Вы чего? — он в недоумении смотрел то на Василия Кириковича, то на Германа. — Ноги стерли?

— Будем отдыхать... — Василий Кирикович закрыл глаза.

— Дак ведь только что отдыхали! Километр от того места прошли, не больше.

— Нет... Отдохнем по-настоящему. Часика три-четыре...

Выгоревшие брови Вани полезли на лоб.

— Да вы чего? За четыре-то часа дома будете!

— Заворачивай лошадь. И костер сделай. Кофе надо пить.

— Здесь и воды нету. Через два километра ручей будет. Там бы уж...

— Делай, что тебе сказано! — рявкнул Василий Кирикович.

— Мецамизь тийдь откаха, йёугатомидь!¹ — в сердцах выругался Ваня и пошел к лошади.

— Поговори у меня! — бросил вслед ему Василий Кирикович. — Деньги тебе уплачены, и будешь делать что скажем.

Герман закурил, сказал:

— Да... Чтобы с аборигенами ладить, надо знать их язык. Или возить переводчика...

Василий Кирикович молчал. Он не раз думал о том, что в сущности не знает своего сына.

Дома, оказываясь наедине с ним, он тяготился тем, что не мог придумать, о чем разговаривать с сыном. И сейчас он тоже не понял, смеется над ним Герман или сочувствует.

Подъехал Ваня. Лицо насуплено, губы плотно сжаты, брови сдвинуты. Распряг лошадь, снял хомут, смотал на руку вожжи.

— Дак сколько тут сидеть-то будете? — спросил хмуро.

— Тебе уже было сказано.

Ваня вскочил на лошадь, тронул повод.

— Стой! Ты куда?

— На ручей. Там пожня есть, хоть Мальку накормлю. Солнце сядет — приеду.

— Погоди! А огонь? Сначала сделай огонь и принеси воды, а потом можешь ехать хоть за ручей!

— Спички у вас есть, топор на волоках. Сами управитесь! — Ваня взмахнул смотанными вожжами, и лошадь затрусила по узкой дороге тяжелой старческой рысью.

— Вот так! — заключил Герман. — Попили черного кофе с коньячком!

А Василий Кирикович смотрел вслед Ване и гневно бормотал:

— Дикарь! Никакого уважения. Что будет, когда

он вырастет?.. — потом повернулся к Герману: — Придется тебе костром заняться, а то нас зает мошкара.

— Ты веточками отмахивайся, как я.

— Но кофе-то надо сварить!

— Надо. Только я не добрый джин и без воды кофе варить не умею.

— Верно, воды-то нет. Вот какой идиот! Ничего не сделал и уехал, — он помолчал. — Может, плащи достать? Что-то прохладно...

— Плащи в рюкзаке, а рюкзак, сам знаешь... Опять надо все развязывать, разбирать...

— Ну и черт с ними! Полежим так, — Василий Кирикович выбрал место посуше, наломал ольховых веток и лег, отмахиваясь от комаров и мошек. — Угразило меня в такой глуши родиться...

— Романтика!

— Чем зубы точить, достал бы коньяку. Из черного чемодана.

— Это — пожалуйста!

Герман долго развязывал веревку, потом выложил багаж на дорогу, благо место сухое, заодно вытащил из рюкзака плащи, а из хозяйственной сумки — полиэтиленовые стаканчики, два апельсина, кусок корейки.

— Корейки не надо, а то пить захочется.

— Как вашей душе угодно!

Выпили по полстакана, закусили апельсинами и улеглись, завернувшись в плащи.

— Постарайся уснуть, — посоветовал Василий Кирикович. — Сон хорошо снимает усталость.

Он опять стал думать о сыне, вспоминал вечера, когда по телевидению передавались хоккейные матчи. Оба, и отец и сын, болели дружно, бесследно исчезала атмосфера натянутости и отчужденности между ними. Казалось, что отец и сын — самые большие друзья на свете. Но как мало было таких вечеров!..

Втайне Василий Кирикович надеялся, что поездка в Ким-ярь, жизнь в деревне, лишенная привычного комфорта, рыбалка, ночевка у костра — все это сблизит их и сдружит по-настоящему, по-мужски. И к радости своей он чувствовал, что Герман проявляет к путешествию искренний интерес. Но после Сарги сын опять стал дерзок и язвитель.

«Это из-за дороги, — думал Василий Кирикович. — Слишком тяжела дорога: трое суток в поезде, потом целый день в душном автобусе да на тряской машине, а теперь пешком... Вот и сдают нервы...»

7.

Ваня возвратился от ручья, когда в вершинах самых высоких деревьев погас последний солнечный луч. Стало сумеречно и прохладно. С низины, от болота, потянуло сырью.

На обочине, завернувшись в легкие плащи и скрючившись, спали отец и сын. Весь багаж был беспорядочно вывален на дорогу.

«Плащи доставали, — догадался Ваня. — Хоть бы хвоя нарубили, а то легли на три веточки...»

Он осторожно слез с лошади. В большой берестяной коробке плескалась вода. Ваня бережно поставил коробок в сторонку, под дерево, привязал лошадь, взял с волокуши топор.

Он отошел дальше, чтобы стук топора не разбудил спящих, выбрал нетолстую сухую осину, свалил ее, разрубил на чурки.

Скоро возле дороги запылал костер.

В полевой сумке у Вани было десятка полтора

¹ — Возьми вас лесной дух, безногих! (Вепсск.)

грибов, которые он собрал дорогой да по окрайку пожни, у ручья. Он решил испечь их. Нагреб углей, вырезал перочинным ножом несколько березовых прутьшков, очистил от коры, заострил и, как шашлык на шпажку, нанизал на них плотные шляпки подберезовиков и подосиновиков.

Когда грибы на углях отмякли и увлажнились, он посыпал их мелкой солью из бутылочки и снова положил в жар. А пока грибы пеклись, вырубил шестик и рогульку для котелка, чтобы сразу, как только Тимошкины проснутся, можно было поставить воду кипятиться. Он хотел еще уложить на волокуши багаж, но передумал: вдруг опять понадобится что-нибудь доставать из рюкзаков и чемоданов?

Перевернул грибы, подгреб свежих угольков, постоял над костром в задумчивости, потом огляделся по сторонам, отыскал глазами подходящую березу, подошел к ней, ладонями стер тонкие, как луковая шелуха, берестяные пленочки, уже отслоившиеся и отмершие, сделал ножом, несильно нажимая, прямой разрез и аккуратно содрал влажную желтую пластину.

— Ну вот! — произнес удовлетворенно и вернулся к костру.

Грибы к той поре испеклись. Ваня присел на корточки и стал снимать их с прутьшков. Сосредоточенно и внимательно осматривал каждый грибок. Четыре шляпки, чуть подгоревшие, положил на колени, остальные кучкой сложил на бересту. Теперь можно и перекусить!..

Выезжая из Сарги, он надеялся вернуться домой ночью, по холодку. Когда же в пути выяснилось, что Тимошкины — ходоки никудышные, когда

пришлось через каждый час останавливаться на отдых, Ваня расстроился: он понял, что раньше утра в Ким-ярь не попасть. Обратного тоже придется ехать в зной и идти на сенокос неспавшим.

Но он уже смирился с тем, что поездка получилась непутевой. Ничего не поделаешь. Тимошкины тоже не виноваты, что идти не могут: городские, они на ходьбу слабые. Плохо только, что хлеба взял мало...

Тревожно и неожиданно громко в тишине вечернего леса захрапела Малька.

Василий Кирикович порывисто сел.

— А?! Что случилось? — спросил он испуганно, сиплым со сна голосом.

— Ничего. Лошади стоят надоело.

Василий Кирикович поднес к глазам часы.

— Ого, половина одиннадцатого? Ничего себе!..

— Дайте котелок! Я воды-то принес, дак чай можно кипятить.

— О, это хорошо! Мы не чай — кофе сварим, — Василий Кирикович тяжело поднялся. — А ноги-то болят. Раньше, бывало, по шестьдесят километров в день хаживал, а теперь...

Ваня наполнил котелок водой и повесил его на шестик над огнем.

— Вы вот грибов поешьте, — он придвинул Василию Кириковичу бересту с горкой печеных грибов, — пока не остыли.

— Грибы? Где ты их взял? Мы ни одного гриба не видели.

— Да к я впереди шел. Вот и собрал. Да там, у ручья...

Василий Кирикович осторожно, двумя пальцами, взял грибок и долго разглядывал его.

— А ты хорошо смотрел? Он не червивый?

— Я ведь не корова, чтобы всякий гриб брать.

Снова захрапела лошадь и рванулась от дерева, к которому была привязана.

— Чего она так? — забеспокоился Василий Кирикович.

— Говорю — стоять надоело, вот и шарашится... Вы ежели ничего не будете из мешков да чемоданов доставать, дак я запрягу да начну складывать.

— Да, да, складывай. Плащи мы на себя наденем.

Василий Кирикович разбудил Германа. Они достали из сумки снесь и принялись за ужин.

— Ты, Гера, грибочков, грибочков покушай! — потчевал отец. — Мы, помню, в детстве тоже так пекли, на угольках... Это бесподобно! Ни в одном ресторане таких не отведаешь...

Скоро вскипела вода в котелке. Пряно и сильно запахло кофе.

8.

Утренний туман был настолько плотен, что очертания лошади растворились в двадцати шагах. И хотя вокруг ничего не было видно, кроме сплошной белой завесы, Василий Кирикович уже знал, что слева от дороги простирается приболоть, поросшая голубикой и чахлыми сосенками, справа, за луговиной — озеро Ким-ярь, а впереди — высокая гора Кюндл-мяги. Потом дорога опять нырнет в ложбину с бурным ручьем Киви-ся, вновь потянется в гору и выведет в Лахту, которая стоит на самом берегу озера.

Серые мрачные силуэты домов вынырнули из тумана неожиданно. В первое мгновение они показались огромными — туман, стелющийся понизу, как бы раздвигал и приподнимал их над землей.

На протяжении всего пути Василий Кирикович многократно представлял, как въедет в родную деревню, как женщины, пораженные его появлением, по старому вепсскому обычаю будут низко кланяться, а мужики степенно здороваться за руку и поздравлять с приездом, а вокруг будет суетиться босоногая шумливая детвора. Так было, когда он вернулся с войны.

Еще представлялось: сзади устремятся деревенские собаки, и хозяйва будут окликать бесполоквых псов, попутно делясь друг с другом впечатлениями о неожиданных гостях; и говорить будут только хорошее и громко, чтобы приезжие слышали те похвальные слова.

Но Лахта встретила безлюдьем и злобным лаем одинокого пса.

Из всех домов деревни резко выделялся высокий особняк со множеством пристроек во дворе. Дом этот стоял возле берез, белел крашеными окнами и был крыт шифером.

«Это не наш!» — сразу понял Василий Кирикович. Он хорошо помнил, что изба отца была обращена фасадом к озеру, никаких деревьев возле нее не было.

На мгновение ему показалось, что родного дома вообще нет, все избы, кроме крайней развалюхи, вытяннулись вдоль берега. Да, да, кроме той, крайней, с маленькими окошками, широкой и приземистой, припавшей на один угол.

Он не сводил с нее глаз. Память услужливо подсказала: по левой стене было четыре окна. И тут четыре. Впрочем, эти внешние признаки уже не имели никакого значения. Василий Кирикович знал, он был уверен, что именно крайняя изба есть тот просторный пятистенки, в котором он родился и рос и в котором сейчас живут отец и мать.

В огороде возле дома с шиферной крышей копошилась женщина — то ли пошла, то ли рыхлила землю на грядах. Она прикрикнула на собаку, гремющую цепью на задворках, проводила любопытным взглядом тучного низкорослого человека за волокушей, мельком глянула на смуглого, не по-дорожному одетого парня и снова склонилась над работой — мало ли какие туристы приезжают в этот красивый обезлюдивший край!

А Василий Кирикович с трепетным волнением ждал от нее приветствия! Нет, он не узнал в этой полной женщине хохотушку и плясунью Нюру, вышедшую замуж за Ивана Маркелова. Но он так хотел услышать еще не забытое «войтэйк!». И не услышал. И будто стал еще ниже ростом.

Ваня направил лошадь к крайнему дому.

Может, там, в этом доме, увидели, что подвода направляется к ним, или случайно так получилось, но на крыльце вдруг появился тощий сгорбленный старик в холщовых кальсонах и в длинной исподней рубахе.

«Отец? — вздрогнул Василий Кирикович и весь напрягся внутренне. — Не может быть!..»

Опираясь сухой рукой о дверной косяк, старик подслеповато усталился на подвезающую лошадь, потом перевел взгляд на Василия Кириковича, на Германа, подпернул левой рукой спадающие кальсоны, вздохнул тяжело и стал ждать. Лицо его, сморщенное, серое, поросшее седыми волосами, осталось равнодушным. Оно было чужим.

У Василия Кириковича отлегло от сердца: отец и мать всегда отличались добротой, и ничего удивительного, что они пригрели этого дряхлого, может, совсем одинокого старца.

Подъехали к крыльцу, остановились.

— Кедак жо, Ванийхут, тойдь? ¹ — спросил старик.

Ваня, привязывая лошадь к изгороди, весело отозвался:

— Ёсэ ичийж пойгад эд тундиштанд? ²

Дед вздрогнул, часто-часто заморгал слезящими подслеповатыми глазами, силясь отыскать в лице тучного незнакомого человека родные черты...

9.

В доме царило смятение. Кирик Савельевич сидел на лавке, умильно смотрел на сына и, размазывая по лицу слезы, бессвязно восклицал по-вепски:

— Пришел! На родимый берег пришел... Дай-ко на тебя посмотреть-то! Господи! Думал, забыл,

¹ — Кого же, Ванюшка, привез?

² — Неужели своего сына не узнал?

ждать устал, а ты... Вспомнил, пришел. Теперь с легким сердцем помру... Этакая радость! Да как же ты надумал-то? И не написал, что собираешься... Господи! А я-то, видишь, какой стал? Только в гроб класть. Ой, Васенька, жить охота стало!..

Мать, Акулина, сухая высокая старуха, металась по избе, причитая в голос. Она кидалась то к сыну, то к внуку, жесткими несгибающимися пальцами поворачивала к себе их лица, пыталась разглядеть, но слезы мешали. Она терла покрасневшие глаза платком, сморкалась и бежала в передний угол, где висела икона.

— Господи, царица небесная, матушка!.. — шептала сморщенным ртом и широко крестилась.

Наконец, будто опомнившись, схватила самовар и метнулась на крыльцо. Долго гремела там и наконец побежала за озерной водой.

А Василий Кирикович, бледный и разом вспотевший, не мигая смотрел на землистое отцовское лицо, на котором уже не осталось ничего от того, что запечатлелось в памяти, и скупая слезинка медленно ползла по его холеной щеке.

Герман как сел у порога на табуретку, так и сидел там, пораженный и оглушенный.

Ни дома, ни в пути он не утруждал свое воображение экзотическими картинками отцовской родины, и деда с бабкой он совершенно не знал. Но в нем жило как-то само по себе сложившееся представление о том, что такое вообще дедушка и бабушка. Пусть иноплемменные, иноязычные, но все равно непременно невысоконосые, опрятненькие, седенькие, с румяными улыбающимися лицами, с ласковыми, чуть хитроватыми глазами; на уме у них одни шутки да прибаутки, и в домике они живут маленьком, светлом, уютном...

Со страхом и невольной брезгливостью смотрел Герман на костявого, с бельмом в левом глазу старика, одетого в серые холщовые подштаники и длинную, почти до колен, грязную рубаху с замусоленными тесемками на вороте. Он боялся взглянуть, но все равно видел его сморщенный блеклый рот с длинным желтым зубом, видел тонкую, серую от морщин шею, отросшие, спутанные на голове космы неопределенного пепельного цвета.

Не менее тяжкое впечатление производила на него и изба. Огромная, с низенькими оконцами, она напоминала пустой сарай. Стены, оклеенные рыжими, изъеденными мышами газетами, голы, некрашенный пол неровен и темен от грязи, половицы — одна выше, другая ниже. На коричневом потолке широкие щели, и из них висят какие-то тряпки. Огромная печь, занимающая четверть избы, облупилась, осела, продавив пол.

Длинные, во всю избу, лавки вдоль стен, старинный стол грубой работы, такой же древний без дверок шкаф, зияющий темной пустотой, ржавая, перевязанная проволокой железная кровать в углу да три табуретки с прожженными сиденьями — вот и вся мебель. В довершение всего — тяжелый дух нежили...

Герман вытащил из кармана сигареты и, шатаясь, вышел на крыльцо.

От озера на крутой берег, охая и что-то шепча, поднималась с ведрами бабка Акулина. Ваня сгруджал с повозки багаж.

Герман сел на верхнюю ступеньку прогнившего крыльца, закурил. На душе было гадко.

Пока грелся самовар, старики понемногу приходили в себя. Савельевич нарядился в новые хлопчатобумажные штаны в полоску и в синюю сатиновую рубаху — это был неприкосновенный наряд для погребения, но по такому случаю он нарушил

древний обычай. Акулина тоже надела неносенный цветастый сарафан, повязала на голову повойник, подмела пол, выскребла и вымыла столешницу. Герман и Ваня снесли в избу чемоданы, рюкзаки.

— Дак как вы там живете-то? Как Галюшка-то? Чего же ее-то не привезли? Хоть бы я на невестку-то поглядела! — по-своему говорила Акулина.

— Ты бы, мать, по-русски! — заметил ей Василий Кирикович.

— Ой, дура я старая!.. Ты, поди, и говорить-то по-нашему не знаешь. Женку-то, говорю, чего не взяли сюды?

— Куда ей в такую дорогу!

— А и правда... А внученька-то, Светушка-то, поди, большая?

— Светлана замужем.

— Ой-ой-ой!.. Поди-ко ты — замужем!

— А ты сам-то на старой работе али где? — спросил отец.

— С прошлого года на пенсии.

— На пенсии? А чего так? Али уж годы вышли?

— Вышли. Для меня вышли.

— Дак велика ли пенсия-то? — спросила мать.

— Не обижусь. Персональная.

— Ну! Неужто как у Митрия?

— У какого Митрия?

— Да у Маркелова-то, у Иванкиного-то отца!

— Я не знаю, какая у него пенсия, — сдержанно сказал Василий Кирикович. — У меня союзного значения.

— Вот, вот, вот! — закивал головой старик. — И у Митрия такая. Ведь Митрий-то всю революцию прошел, царя спехивал, с самим Лениным беседовал! Как об ъм бумаги в Москве нашли, так и пенсию дали, большую пенсию!..

Акулина не без труда подняла на стол латунный самовар, тусклый, с прозелью возле ручек и крапа, достала из шкафа три граненых стакана, поставила посреди стола блюдечко с мелко-мелко наколотым сахаром, внесла из кухни половинку ржаного хлеба.

Василий Кирикович спохватился, стал открывать чемоданы.

— Дай-ка, мать, тарелок!

— Тарелок? — Акулина растерянно остановилась посреди избы. — Дак нету тарелок!

— Блюдо, блюдо неси! — подсказал Савельевич.

Акулина метнулась в кухню, вылила из алюминиевой миски вчерашний картофельный суп в чугунок, сполоснула миску, вытерла передником и поспешно подала сыну. Василий Кирикович насыпал в нее шоколадных конфет, сверху положил несколько желтых антоновских яблок.

— Ты поди-ко да позови Маркелов, — сказал Савельевич жене. — Заодно стаканов попроси, вилок да ложек... Тарелок бы еще... — он обернулся к сыну и виновато добавил: — Нету посуды-то!

— Никуда не ходи, — бросил матери Василий Кирикович. — И сегодня же я куплю вам всю посуду. А Маркеловых пригласим вечером.

Савельевич оторопел.

— Это где ты ладишь ее купить? Посуду-то...

— Есть же в магазине какая-нибудь посуда!

— Дак ведь магазин-то нету! — воскликнула мать. — В Сарге ближняя магазина.

— Как в Сарге? — поразился Василий Кирикович.

— Вот так, — развела руками мать.

— И в Сарь-ярь нет магазина?

— Какая магазина, ежели людей нету? В Сарь-ярь один Степка Кагачев с Наташкой живет, а боле никого нету.

— Ничего не понимаю! Сарга почему-то отстроилась, теперь там целый поселок, а здесь — наоборот. Куда девались люди?

— Дак ведь в Сарге-то все мелконькие деревни в одно место собраны, — ответил Савельевич. — А наши-то с Хийм-ярь объединились, в этакую даль и уехали... Давно уж дело было, дак ты, поди, забыл, а мы письмо тебе послали, что переселенье будет. Сама Нюрка писала...

Василий Кирикович вспомнил, что вроде бы действительно было такое письмо, и не стал больше ничего выяснять: нет людей, и не надо, важно, что отец с матерью живы-здоровы.

— Ой, а где же Ванюшка-то? — вдруг встрепнулась Акулина. — Только что у порога стоял!.. — Она выглянула в окно. — Ведь уехал! Ой, как худо-то!.. Ой, как неловко... Эдакую радость привез, а мы-то... Надо было парня на дорогу хоть чаем напоить...

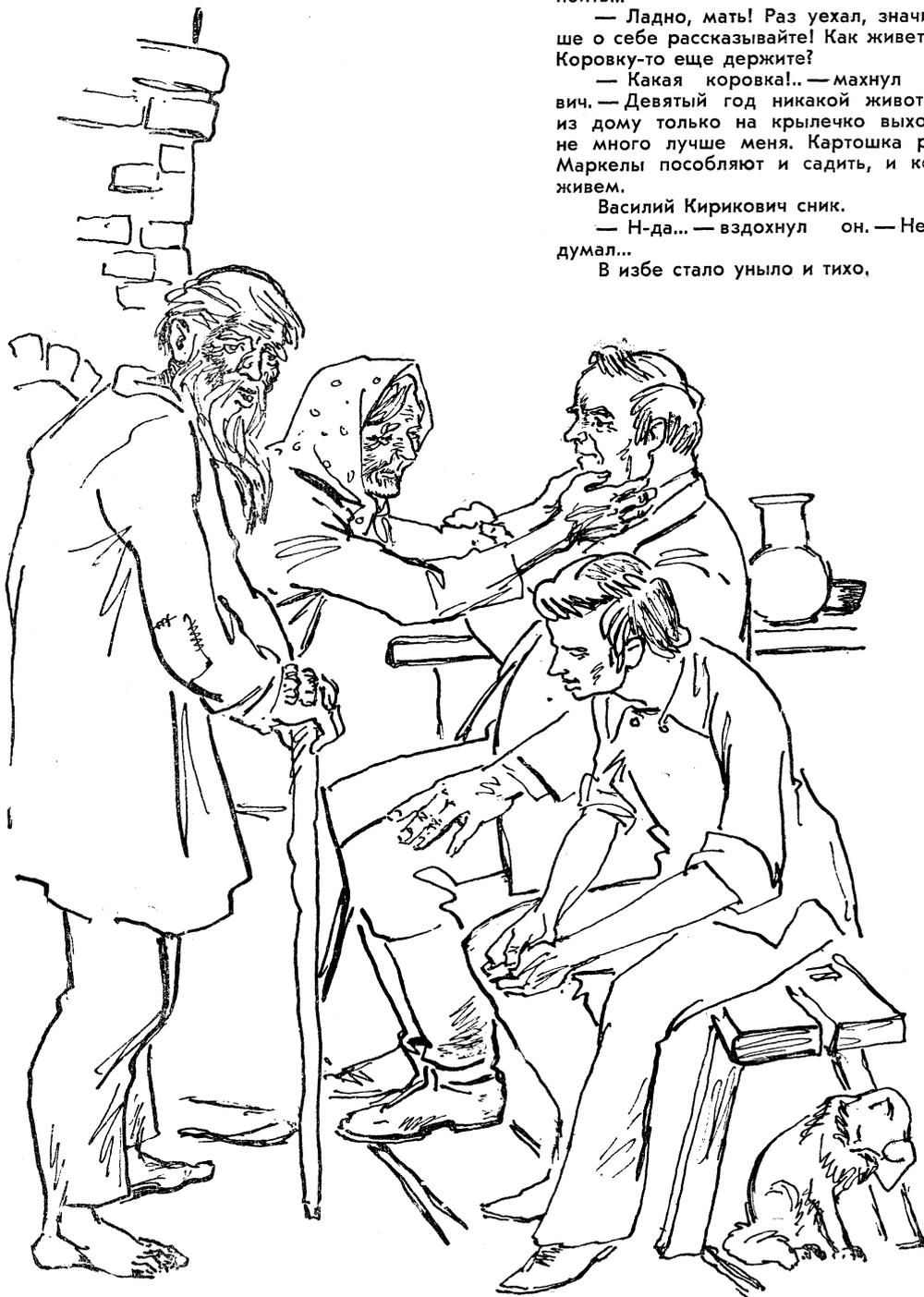
— Ладно, мать! Раз уехал, значит уехал. Вы лучше о себе рассказывайте! Как живет-то вам здесь? Коровку-то еще держите?

— Какая коровка!.. — махнул рукой Савельевич. — Девятый год никакой животинки. Я, считай, из дому только на крылечко выхожу, да и matka не много лучше меня. Картошка растет, дак и ту Маркелы пособляют и садить, и копать. Так вот и живем.

Василий Кирикович сник.

— Н-да... — вздохнул он. — Не ожидал. Не думал...

В избе стало уныло и тихо.

Двенадцать лет назад, когда началось переселение кимьярских колхозников, со всех концов потянулись в край детства те, которые уже давно жили в городах и рабочих поселках и приезжали к своим отцам и матерям лишь летом, в гости. Теперь они увозили стариков с собой, навсегда прощаясь с родиной.

Заметались, будто попавшие в мышеловку, Кирик и Акулина Тимошкины. Они тоже ждали Василия, но не дождались, знать, не дошла до сыновнего сердца тревога отца-матери. И тогда с горя Тимошкины тоже решили покинуть Лахту. Но тут выяснилось, что объединенный колхоз перевезет на новое место только те семьи, в которых есть трудоспособные.

Кое-кто из однопоселенцев, жалея стариков, готовы были принять их под свой кров. Однако в тот ноябрьский день, когда в Ким-ярь по санному пути пришли трактора за последними семьями колхозников, Кирик Савельевич прибежал к Маркелову.

— Что делать-то, Иванко? Скажи, ради бога, умное слово!.. Хозяйство мое невеликое — коровенка да десяток куриц, барахлишко все в один сундук влезет, а остальное пусть идет в тартарары вместе с хороминкой... Может, уехать нам? Мир не без добрых людей. Вот только помереть охота бы не в чужих краях, а на родимой земелюшке.

— Ежели и ехать, дак поезжайте к своему Ваське, — жестко сказал Иван.

— Да ведь и пути-то туда, к нему, мы не знаем, — растерялся старик. — Да и не до нас Василью. Он на большой службе, на письмо и то время нету!

— Совести нету!

— Не обижай, ради Христа, — старик заплакал.

— Вот что, — сказал Иван подумав. — На ваше-го Ваську надежда, как на вечный лед. По людям мотаться — тоже не патока... Живи тут. В беде не оставлю.

Так Акулина и Кирик остались в Лахте.

Первые три года Маркеловы и Тимошкины жили одним хозяйством. Кирик даже помогал Митрию и Ивану в пастьбе телят, а Акулина ходила на сенокос. Но доля стариков Тимошкиных в совместном труде быстро таяла: силы иссякали. На четвертый год Савельевич не выдержал.

— Я больше так не могу: совестно, — сказал он Ивану. — Мы ведь твой хлеб едим. И корова вашим сеном сыта.

Тогда Иван согнал корову Тимошкиных в Саргу и продал. Старикам отдал все деньги. С тех пор соседи жили каждый своим домом. Но Иван по-прежнему по весне пахал Тимошкиным огород, за «спасибо» обеспечивал их дровами, рыбой. Когда Маркеловы ездили в Саргу за продуктами и товарами, они непременно привозили Тимошкиным все, что те заказывали. Но и эти заказы год от года становились все скромнее: жизнь для стариков теряла смысл.

Наконец, лишившись всякой надежды когда-нибудь свидеться с сыном и чувствуя свою ненужность для него, Акулина и Кирик вовсе утратили интерес к жизни, махнули на все рукой, пустили свой дом на самотек и быстро одряхлели. Они стали жить, как говорится, одним днем, безразличные и равнодушные ко всему на свете.

Бывало, истопит Нюра баню, зайдет к Тимошкиным, скажет:

— Сходите-ко помойтесь да попарьтесь, а я той порой хоть в избе у вас вымою да приберу!

— А зачем? — уныло ответит Савельевич. — Нам и так ладно. Ты уж, Нюра, не тревожь нас...

...И вот теперь, когда Василий Кирикович и Герман усталые и разбитые спали на сарае, старики в избе держали совет.

— Не поглянулось Василию дома, — тоскливо говорил расстроенный Савельевич.

— Не поглянулось, — вздыхала Акулина.

— Что-то надо делать...

— Надо... Пол-то я вымою и самовар почищу.

— Всю избу перемыть надо и печку выбелить.

— Все-то не сделать. Буду Люську у Нюрки просить.

— Во! Беги, пока они на покос не ушли, — вступился старик. — Растолкуй Нюрке — поймет. На вечер позови, не забудь. Да посуды-то спроси. И вот ище что сделать-то надо: закажи материи. Люська в Саргу поедет, дак пусть-ко материи купит, мне на рубахи, на штаны и тебе на сарафан и на платье. Нюрка и Катька сошьют.

— Надо бы, я уж думала, да ведь времени шить у них сейчас нету.

— Не сейчас — потом сошьют! И потихоньку, чтобы Висилий не узнал, а то неловко...

Акулина прошла за печку, покопалась в сундуке, достала старинную жестяную банку, в которой хранились стариковские сбережения.

— Посуды бы еще заказать, да Люське-то, поди, все не привезти.

— Сколь-то-нибудь привезет. Станов да тарелок каких...

— Ладно. А материи и на исподнее пусть купят, и на простыни тоже... Ты отдай сразу сотню, дак Нюрка распорядится. Она знает, чего нам надо...

Акулина ушла.

Оставшись один, Савельевич долго оглядывал свое жилище. Он давно привык к этим стенам с изгрызенными желтыми газетами, привык к серому полу с неровными половицами, привык к облупленной освешенной печке с закопченным челом, к тряпкам, свисающим из потолочных щелей, к тусклому, с прозеленью, самовару. Вернее, он не замечал ничего этого, как не замечал, что левый глаз темен. И вдруг будто и правое око его заболело — он увидел всю убогость своего жилья.

В углах на печи, на поллицах он увидел груды пыльного хлама, который копился годами, поскольку ничто отжившее свой век не выносилось из избы, а рассовывалось куда попало.

И теперь он думал о том, что для обновления жилого духу прежде всего надо выгрести и выкинуть из избы все лишнее, истлевшее, источенное мышами.

Савельевич принес из сарая плетеный кустер, поставил его посреди избы и с радостным остервенением принялся выгрести десятилетиями копившийся хлам.

...К вечеру изба Тимошкиных преобразилась — посветлела, и даже низкий потолок будто стал выше. Нашлись и занавески на окна, и домотканый половик к порогу, и стекло к десятилинейной лампе. У печки, обмазанной белой глиной, жаром блестел самовар.

Савельевич, удовлетворенный этим обновлением, сидел у окна и аппетитно курил самокрутку. Акулина жарила на тагане рыбу.

С прошлого лета старик не ходил к соседу — был слаб, а тут почувствовал силу и мучительно думал, какое бы найти заделье, чтобы наведаться к Маркеловым и поделиться с ними радостью, которая распирала душу. Конечно, через час-полтора

Маркеловы сами придут в гости, да это ведь больно долго ждать. До той поры еще в баню надо сходить. И вдруг старика осенило.

— Придется мне, матка, до Маркеловой идти, — сказал он озабоченно.

— Почто?

— Пусть-ко Митрий волосье постригет. А то неловко, оброс, как батюшко. Перед баней-то как раз бы ладно.

— Да как же не дойдешь!

— А я помаленьку...

Акулина поняла тайное желание мужа.

— Ладно, сходи уж. Смотри, помаленьку.

— Да уж я тихонюшко, — обрадовался Савельевич уступчивости и понятливости жены.

11.

Стол в доме Тимошкиных ломился от закусок. Акулина, чуть охмелевшая, уже в третий раз рассказывала Нюре Маркеловой, дорожной крупной женщине с добродушным широким лицом, о том, как накануне молилась за сына и его семейство и как утром, едва затопила печку, уголь «так и скошил прямо в подол».

— А это уж верная примета, что гости будут, — забываясь, говорила она по-вепсски.

Савельевич же рассказывал Митрию Маркелову, маленькому старичку с ясными, как у ребенка, глазами, недавно виденный сон: будто он, Кирик, выйдя на крыльцо, увидел на озере большой белый пароход, и будто этот пароход плыл прямехонько к лахтинскому берегу, и много света было от него вокруг.

— Я уж и не знаю теперь, — говорил Савельевич, — сон ли то был, а может, видение? Я еще все думал: перед какой такой радостью, перед каким счастьем эдакже привиделось? А на-ко вот, сын приехал!

Василий Кирикович постучал ложкой по стакану.

— Еще раз прошу все разговоры вести по-русски. Герман же не понимает вашего языка.

Нюра виновато опустила глаза, Савельевич и Акулина пришибленно сникли. А дед Митрий зыркнул светлыми глазками на Германа, сказал:

— Хочь по-русски, хочь по-татарски, а молодому со стариками сидеть, что с нелюбой под венцом стоять.

«Не у тебя ли мне спрашивать, где сидеть и что делать?» — уязвленно подумал Герман.

Наступило неловкое молчание. Все сидели по-нуро, и лишь Иван Маркелов, муж Нюры, ширококостный и большерукий, с медным от загара скуластым лицом, невозмутимо хлебал деревянной ложкой уху. Он вообще был молчун и любил поесть плотно, по-мужицки.

— Странно все-таки устроен человек, — заговорил Василий Кирикович, чтобы разрядить напряженность и безмолвие. — Здесь же настоящие курортные места! Столько озер, богатейший лес. А воздух!.. И люди не стали жить. Уму непостижимо. Зачем уехали? Непонятно.

— А помнится, после войны ты, Васька, первым из Лахты уехал, — с расстановкой сказал дед Митрий. — Бесповоротно уехал.

Савельевич закашлял, Акулина и Нюра неодобрительно глянули на задирчивого старика.

— Я — иное дело. В Сибири меня ждала большая работа.

— Эдак, эдак!.. В Лахте, где бабы, да вот и твоя матка землю на себе пахали, работы не нашлось.

По лицу Василия Кириковича волной прошла краска.

— Нечего старое поминать, — хмуро сказал Иван. — Все, кто мог, уезжали.

— Правда, правда, — закивал сединой Савельевич. — У всех всяко пожито.

Митрий вдруг взмахнул руками и звонко, мальчишеским тенорком запел:

Мецан тага, мяген тага
Егор коки карбхэйжен!

Все, кроме Василия Кириковича и Германа, разом подхватили:

Хэй, хэй, любо да люли,¹
Егор коки карбхэйжен!..

Дрогнули стекла в окнах, замигала над столом десятилинейная лампа.

Герман вышел на крыльцо.

Догорала вечерняя заря над лесом. В небе густой россыпью светились звезды, над озером стлался туман.

Герман спустился по шатким ступенькам крыльца и побрел на берег. Песня в открытые окна дома лилась разудало, напористо, вольно. Она раздражала. Герман ускорил шаг.

Без тропки, напрямик он спустился к воде. Под ногами закрипела галька. Остановился. Теряясь в мрачной, седой от тумана дали, перед ним простиралось озеро. Чужое. Таинственное. С непонятным и странным названием Ким-ярь. А за спиной горстка людей. Тоже чужих и тоже непонятных, поющих на неизвестном языке.

Герман представил на мгновение, что вокруг на много, много километров нет ни души, нет никого, кроме диких зверей в дебрях лесов, и ему стало одиноко и неприятно под этим небом... Он закурил.

«А Розка сейчас с Владиком. Где-нибудь в ресторане, — ревниво подумал он. — Или в саду...» Он настолько отчетливо представил, как она липнет к этому нахальному самовлюбленному удачнику, который может сорить деньгами направо и налево, который умеет на удивление легко и ловко завлекать девчонок и с наименьшей ловкостью порывать с ними, что ему стало вдвойне тоскливо.

«А вообще-то она — дрянь, — заключил Герман. — Подмазывается ко всякому, лишь бы у того денег побольше. Истрепалась вся...»

Он медленно шел вдоль берега. Ему хотелось уйти от песни, хотелось окунуться в мертвую тишину ночи. Зачем? Он не знал этого.

Чем дальше он уходил, чем слабей звучал в деревне чужой мотив, тем отчетливей раздавались в прибрежных кустах свист, щебетанье и дробь неутомимых соловьев. Но Герман и не предполагал, что это поют именно соловьи, ибо никогда раньше не слышал их.

Неожиданно из-под ног с хлопаньем крыльев и отчаянным криком ринулась в озеро дикая утка с выводком. Не поняв, что это такое, Герман отскочил и, подгоняемый страхом, опрометью бросился обратно.

Когда он подбежал к дому, песня уже смолкла и в избе наперебой звучали голоса. Герман прислушался. Старики опять говорили на своем языке.

«А мне-то не все ли равно?» — без всякого раздражения подумал он и, отдышавшись, стал медленно подниматься на крыльцо. В избу идти не хотелось, но и на улице, в мире таинственных пугающих звуков, оставаться тоже было страшно. Он шагнул в сени.

¹ — За лесом, за горой
Долбил лодку Егор! (Вепсск.)

Под окнами, развесив на изгороди старые сети, копошился Савельевич. Он пытался из отживших век снастей соорудить нечто пригодное для рыбной ловли. Василий Кирикович в полосатой пижаме и мягких тапках прохаживался возле отца вдоль сети и подсказывал:

— Этот поплавок легковат, — он дотрагивался коротким пальцем до бурой берестяной трубочки. — Не забудь сменить. А здесь грузило тяжелое... И вообще грузила и поплавки надо привести в соответствие, иначе рыба в сеть не пойдет.

— Надо, все надо... — вздыхал старик и непослушными пальцами протеревал в ячеи суровую нитку. — Какие уж это сети? Отслужили. Хоть бы на ущичу рыбешки попадало...

От колодца с ведрами воды тихо брела Акулина. Василий Кирикович посторонился, давая ей дорогу, заметил:

— Зачем такие полные носишь? Тяжело. Лучше по половинке, да лишний раз сходить.

— Чего уж там... Привыкшая я.

Герман бросил в крапиву недокуренную сигарету и подался на берег: скучно.

Сияло полуденное солнце, мерцающим светом рябило разомлевшее от зноя озеро, лениво кружили в недвижной сини желтоклювые чайки.

«Эх, Розку бы сюда!.. — мечтательно подумал Герман. Но вспомнил, как ревностно оберегает Розалия свое личико от солнца, и безнадежно махнул рукой. — Вот в Ялте были девчонки — это да! Целыми днями на песке жарились...»

Он снял рубаху, надетую на голое, не тронутое загаром тело, связал ее руками вокруг пояса и, ощутив непривычную легкость, принялся бесцельно швырять камешки в прибрежные кусты. Дрозды, потревоженные столь бесцеремонным вторжением, с ошалелыми криками стали вылетать из густой зелени, взвивались в вышину, потом снова ныряли в кусты и еще долго гомонили, отрывисто перекликаясь между собой.

Вдали, на песчаной косе, снежно белея, отдыхали чайки. Герман набрал горсть камней и стал осторожно подбираться к ним. Но птицы, заподозрив недоброе, одна за другой начали взлетать.

— Тоже соображают! — Герман бросил камни в воду.

Коса, которой оканчивался тупой мыс, узким клином врезалась далеко в озеро. Ноги вязли в горячем мелком песке. Герман скинул туфли, разделся до плавок и с наслаждением лег, подставив солнцу белую спину. Знать бы, что придется здесь жить среди стариков, уговорил бы кого-нибудь из друзей составить компанию. А впрочем, какой толк? Все друзья, как и он сам, тоже до мозга костей городские. С ними хорошо лазить по темным закоулкам парков, толкаться на танцплощадках, сидеть в ресторанах. А здесь? Тоска зеленая...

Что-то прохладное и мокрое шлепнулось между лопаток. От неожиданности Герман вскочил, превел рукой по спине. На пальцах осталась склизкая беловатая кашица. Он поднял голову. Вверху, распластав крылья, невинно парила чайка. Герман погрозил ей кулаком и поспешил в воду...

Отсюда, с мыса, Лахта уже не была видна, но взору открывалась широким сияющим разливом южная часть озера. И по всему берегу, насколько хватало глаз, ложбины, поросшие лесом, перемежались с проплешинами лугов и полей.

Герман не удивился, когда из-за деревни вдруг показалось большое пестрое стадо. Живой рекой

устремилось оно по крутому склону к озеру. Скоро на береговом гребне появился пастух в длинной белой одежде. Он остановился на яру, глянул вниз, где сморенная жарой скотина разбрелась по мелководью, и растянулся на траве.

Герман далеко стороной обошел стадо — кто знает, что может прийти в голову рогатой скотине? — и поднялся к пастуху. К величайшему своему разочарованию он увидел, что пастух есть не кто иной, как Митрий Маркелов, этот язвительный и насмешливый старикашка, который вечером порядком испортил настроение всей компании. Но отступить было уже поздно. Митрий сощурил в улыбку свои голубые детские глаза и воскликнул:

— Вот те ёрш!.. Бог гостя послал. Здоровушко, Герман! — и хлопнул ладонью возле себя. — Садись-ко рядком да поговорим ладком!.. Пока мои робятишка купаются.

Герман недоуменно глянул на озеро.

— Какие ребятишки?

— Да пестряки-то! Ишь полощутся! А другие есть — плавать любят, как лоси, дай волю, за озеро уплывут.

— На ту сторону?

— А чего же! Под год было семь штук туда разлились. Вот страху-то натерпелся! А не потонули, выплыли... Ну как тебе здешняя санатория — нравится?

— Ничего... Только скучно, — и закурил. — Людей тут почти нет. Тогда чьи же это коровы?

— То не коровы, а бычки да телушки, — уточнил Митрий. — Они колхозные. Издалё-ока пригнаты!.. — старик был настроен весьма доброжелательно, ему хотелось поговорить; он сел, вытащил из кармана полотняного балахона кисет. — Когда колхозы-то слились, когда народ стал собираться отсюда уезжать, Иванко-то мой и сказал: грех, говорит, дедовские земли без пользы бросать, раз уж, говорит, пахать нельзя, не с руки, давайте хоть скотину здесь пасты, на мясо. Все вроде бы с ним согласные, а оставаться никому неохота. Судили да рядили, да нас и оставили пастухами. А мы — чего? Мы — не пропадем! С той поры каждый год, как летушко-то начинается, колхоз и пригоняет сюда молодяшек. Кормина хорошая, чего же не пасты? А осенью мы скотину обратно угоняем. Двенадцатый год пасем! Через наши руки, считай, много тысяч голов прошло. Не шулка!..

Герман слушал старика и не мог понять ни его оптимизма — «мы — не пропадем!», ни его радости — «через наши руки много тысяч голов прошло».

— Но ведь скучно же так жить, без людей, — сказал он.

— Э-э, парень! — усмехнулся Митрий и покачал головой. — С работой скучать некогда. Поговори-ко с Петькой, дак он скажет.

— С каким Петькой?

— Да с нашим-то, с внуком-то моим. Ему другой раз и суток не хватает.

— А я и не знал, что у вас есть внук...

— Не знал, так надо знать, раз уж в соседях оказался. У меня внуков много. Всех-то одиннадцать душ, а здесь, Ванькиных-то робятишек, — четверо. Петька-то ой головастый! Наш век, считай, прошел, а что мы знали о своем Ким-ярь? Да ничего! Сказывали старики, что житье здесь спокон веку ведется, что против монгольских ханов наши чухари выстояли, в смутное время поляков посекали, а как это было, правда ли это — толком никто не знал. И вот Петька доколулся. Погоди, он тебе всякого расскажет.

— А где он сейчас?

— Петька-то? — старик удивленно глянул на Германа. — Он ведь на покосе. Вишь, погода-то какая стоит! Самое время сено класть, — он повернул голову, глянул на берег и вдруг отрывисто и громко закричал: — Куды потянулись, мокрохвостые? А ну, вертайте! Вот я вам!.. — и погрозил костлявым кулачком.

Стадо, растянувшись по мелководью, продолжало медленно двигаться вдоль берега в направлении песчаной косы.

— Буржуй!.. Вертай обратно! — завопил старик срывающимся голосом.

Пегий бычок, который брел по брюхо впереди стада, заметно прибавил шагу.

— Вот и всегда так!.. — вздохнул Митрий и встал. — И до чего вреден! Настоящий буржуй. Ведь знает, что ему кричат, понимает, что велат ворочаться, дак он пуще прет. Придется бежать.

— А чего, пускай они идут! Никуда не денутся.

— Да ведь в Лахту утянутся! Весь домашний берег и всю деревню своими лепехами заляпают. Для того мы и выгородку для них подальше сделали, чтобы в деревне смороду не было! Ты погоди тут, я их сейчас заверну!.. — и Митрий шустро, только полы балахона затепались, побежал под откос.

Герман не стал ждать, пока старик обойдет стадо. Ему хотелось двигаться, хотелось куда-то идти. А куда? Зачем? Но что-то манило его, звало, и он пошел берегом озера дальше. Может быть, он надеялся вот так же случайно встретить внуков деда Митрия, которые где-то сенокосничают? Но он же ничего о них не знал, об этих внуках, кроме того, что Петька — «головастый» и до чего-то там «доколупался». Или его увлекало ощущение окружающей новизны, желание взглянуть: а что же там, вон за тем мысочком, за тем березовым перелеском, который светло зеленеет на взгорке за ложбиной?..

Берег был сплошь истоптан скотом. В застоявшемся воздухе пахло навозом, роилась мошकारа, летали большие зеленые мухи. Герман свернул в безрезняк, но и там не было свежести, трава помята, молодая поросль объедена, видно, бычки и телочки очень любили этот прибрежный светлый лесок.

За березовой рощей путь преградил ручей. Он был широк, но мелок: с обрывистого берега хорошо просматривалось дно, устланное галькой и обкатанным камешником; то тут, то там сверкали на солнце отшлифованными лысынами большие валуны. Но и здесь тоже пахло скотом и в изобилии вилась мошकारа.

За ручьем, в отдалении, окруженная высокими темными елями, белела церковь. Если бы Герман знал, что выше через ручей есть мост и к церкви ведет проселочная дорога, он бы непременно сходил туда, но он не знал этого и потому повернул обратно. Ему захотелось свежести, захотелось возвратиться на чистый и нетоптанный лахтинский берег...

13.

Вдоль изгороди, у которой возился дед Кирик со своей сетью, по тропке к озеру шли двое. Он — высокий, поджарый, в синем спортивном костюме, она — статная, крепконогая, в белом платье и в босоножках; толстая каштановая коса свисала ниже пояса и змеей плавно изгибалась на спине при каждом шаге.

— Бабка, это кто? — спросил Герман, ошеломленный внезапным появлением молодых людей.

Акулина приблизилась к окну и из-под руки,

заслоняя глаза от вечернего солнца, посмотрела на улицу.

— Дак это Петька да Катька Маркеловские. Брат с сестреницей.

— Такие... взрослые? — удивился Герман. Когда старик Маркелов говорил ему о своих внуках, Герману почему-то представлялись эти внуки ребятами, от силы — подростками.

— Дак ведь Иванко-то одного году с твоим батьком, — охотно пояснила Акулина, радуясь возможности поговорить с молчаливым внуком. — Один сын у него, первый-то, Мишка, уж и армию давно отслужил. А Петька второй будет. Он в Петрозаводском учится, а Катька — третья. Она в Чудрине училась.

— Вот как... Куда это они отправились? Купаться, что ли?

— Не! На лодке плавать. Он каждый вечер катается. Хочь ветрено, хочь дождь, разденется и катается. Удалой парень! А ежели сестреница слободная, дак они вместе ходят...

Герман смотрел, как Петр и Катерина подошли к лодке, столкнули ее и уселись — он за весла, она — на корму. Греб он размеренно и сильно. Весла, отражая закатное солнце, то вспыхивали огненными крылышками, то гасли, погружаясь в воду.

Странная улыбка блуждала на лице Германа. Ему казалось нелепостью — кататься девчонке с братом, и он уже видел себя в лодке гребцом, и на душе от этого становилось томно и сладко.

Лодка маячила на озере не менее часа. Герман, наблюдавший из окна, видел, что Петр купался. Пока он плавал, а плывал он долго, Катерина сидела за веслами, изредка подгребая, и лодка стояла неподвижно, будто вмерзшая. Когда дощаник взял курс к берегу, Герман вышел на крыльцо.

С равнодушно-скучающим видом он уселся на верхнюю ступеньку и закурил. Старик глянул на внука, сказал:

— Вот почино сетку, и будете вы с батьком рыбицу ловить. Ушицу из свеженькой рыбки страсть как люблю.

— Свежая рыба — это вещь, — согласился Герман. — Но я бы сейчас и лососевого балычка с удовольствием поел.

— Барычок-то у нас не водится, — вздохнул старик. — Хоть бы окунишек да плотиц положить...

Герману стало весело.

— Неужели балычок не водится? А я думал в вашем крае и заливная осетрина есть!

— Не-ет, нету, — серьезно ответил дед. — Сетрины тоже нету. Не слыхал даже этакой рыбы. Она, поди, в морях...

— Жаль, — сказал Герман, кося глазами на Катерину и Петра, которые поднимались по тропке.

— А я разумею, — продолжал дед, — что лучше нашей озерной рыбицы нигде нету. С окуньев-то, которые с лапоть, ох и добрая уха... А щука жареная, которая мелконьякая-то, — м-м-м! — он потряс головой.

Поравнявшись с домом Тимошкиных, Петр направился к Герману, а Катерина пошла дальше, мимо колодца, к своей избе.

«Ишь ты какая! Даже голову не повернула!» — отметил про себя Герман и поднялся навстречу Петру.

Знакомясь, Петр сильно жамкнул руку Германа и при этом улыбнулся так, будто незначай встретил старого друга.

— Загораем?

— А что делать? — пожал плечами Герман. — Тишина, покой.

— Да, у нас тихо. Наверно, непривычно после города?

— Нет, ничего. Я вообще люблю тишину, люблю смотреть, как угасает день, как отдыхает природа. В городе никогда не увидишь таких чистых красок, такого великолепия...

— Да, да, — кивал Петр.

Он был выше и плечистее Германа; черты лица

его были грубее — нос крупный, глаза расставлены широко, надбровные дуги бугристы, чисто бритый подбородок тяжел, скулы выступали. Но это лицо, которое отнюдь нельзя было назвать красивым, производило неожиданно приятное впечатление, в нем сочетались черты мужественности и добродушия, особенно заметного в открытом взгляде светло-серых, с голубизной, глаз.

— Я никогда еще не бывал в деревне и вижу — много потерял. Стыдно сказать, но я только здесь увидел, как над туманами всходит солнце и как оно медленно садится.

Герман чувствовал, что говорит не своими словами чьи-то чужие мысли, которые странным образом перемешиваются с его личными впечатлениями.

— Знаешь что, Гера? — прервал его Петр. — Махнем-ка утречком на рыбалку! Ты, наверно, никогда не ловил щук дорожками?

— О, на рыбалку — с удовольствием!

Когда Петр ушел, дед Кирик сказал:

— Ходовый парень. И работающий. В отца.

14.

Утро было прохладно. Плотный туман росой оседал на одежду, мелкой пылью струился над лодкой, которая, казалось, не плывет — летит над черной бездной. Герман пожегся: как в океане!..

Он сидел на корме притихший, все для него было непривычно и ново в этом неземном зыбком мире, в котором, кажется, никого и ничего больше нет, кроме их двоих да верткой, странно оснащенной лодки. Два можжевельных прута с колокольчиками на вершинках торчали по бортам мачтами-коротышками, лесы дорожек таинственными антеннами тянулись от этих мачт в холодную загадочную глубь рыбьего царства; и где-то там, сзади, почти у дна, стремительно скользили блесны. И все представлялось: вот-вот какая-нибудь большая рыба, обманутая блеском полированного металла, ринется вдогонку или наперерез блесне и схватит ее зубастой пастью. И тогда враз натянется антенна-леса, вздрогнет мачта-коротышка, звякнет колокольчик: не зевай, рыбаки!..

— Люблю с дорожками плавать! — говорил Петр улыбаясь. — И представляешь, как в прошлое лето мучился? Погода — ну будто специально для рыбалки: пасмурная, теплая, с ветерком, а я — за книжками. На озеро взглянуть боюсь — подальше от соблазна. Знал, что конкурс в университет большой, вот и корпел. Зато уж нынче чуть не в каждое утро рыбачу...

По оживленному лицу Петра было видно, что эта рыбалка действительно доставляет ему большую радость. И греб он с каким-то особенным наслаждением, играючи, весла погружались в воду без всплеска и так же неслышно взмывали вверх.

— А еще мне нравится тяпалкой ловить. Тоже, наверно, не знаешь?

— Представления не имею.

— Интереснейшая штука! На крюк насаживаешь рыбежку и вот тяпаешь где-нибудь на речке по омутам или на лесном озере с глубокими берегами. Щука налетает торпедой! Цап — и ходу вглубь, если крупная, а помельче — под берег, куда-нибудь под кусты или в траву. А то за рыбешкой прямо из воды выскакивает...

На левом борту дзинькнул колокольчик. Герман вздрогнул, схватился рукой за леску, медленно потянул.

— Тащи, тащи! Окунишка попался. Саженками, на полный мах выбирай!

Герман торопливо и неловко заработал руками. Желтобрюхий окунь, резко выдернутый из воды, ударился боком о борт и, сбитый с крючка, плюхнулся в озеро.

— Бывает! — ничуть не огорчился Петр. — А в другой раз аккуратнее, плавно поднимай.

Герман спустил дорожку, и леса опять стала уходить в темную воду. Глядя на белые руки Германа, на его длинные и тонкие пальцы, Петр, спросил:

— Ты в каком институте?

— Я?.. Еще не решил, куда поступать. Нынче школу кончил. Хочу годик отдохнуть.

— Роскошно! — то ли позавидовал, то ли не одобрил Петр. — Но ведь поступать будет труднее: многое забудется. Конечно, за год можно и подготовиться...

Герман скромно заметил:

— Мне что готовиться? У меня медаль. Один экзамен сдам — и порядок.

— О, это здорово!.. — и в глазах, и в голосе Петра теперь была нескрытая зависть.

Желая переменить тему, Герман сказал:

— Послушай, почему ты не пришел к нам в тот вечер, когда мы приехали? Мог бы и сестренку прихватить. Коньячок был. Знаешь, как хорошо посидели бы! Могли бы и отколоться, чтобы не скучать со стариками.

— У меня дело было, — не сразу ответил Петр.

— Дело? Какое?

— Читал.

— А-а, понятно! — кивнул Герман, хотя такой ответ показался ему странным: как можно предпочесть чтение праздничной компании?!

Резко и требовательно зазвенел колокольчик. Можжевельный прут на правом борту согнулся в дугу. Герман схватил леску. Лодка качнулась.

— Не горячись. Эта рыба серьезная.

Туго натянутая леса раз, другой скользнула в руках. Герман стал наматывать ее на руку.

— Не наматывай! — строго предупредил Петр. — Пальцами сжимай. И не давай слабину.

Неожиданно рыба пошла легко, и саженой пять Герман едва успевал выбирать лесу.

— Сошла?

— Нет... Кажется, нет.

Рыба метнулась вбок. Жилка со свистом заскользила в воду. Герман машинально обвернул ее вокруг ладони и в следующее мгновение чуть не слетел за борт. Петля лесы глубоко врезалась в руку.

— Спокойно, Гера, спокойно. Сними петлю и больше леску не захлестывай. Тащи плавно, учишь крупную рыбу выводить!..

На верхней губе Германа выступили капельки пота. Выбирая упругую лесу, он явственно ощущал, как в глуби, упираясь, неохотно плывет неведомая рыба, большая рыба, потому что в ладонях едва хватает сил удерживать скользкую жилку.

Тащить осталось не более десятка метров, когда рыба вдруг взвилась свечой и почти полностью выскочила из воды. Это была очень крупная щука. Она судорожно тряхнула головой, и блесна, сверкнув, вылетела из широко раскрытой пасти. Щука грузно ухнула в воду.

— Эх!.. — выдохнул Петр.

А Герман, побледневший и растерянный, смотрел в то место, где скрылась рыба, и смятенно бормотал:

— Как она вымахнула!.. А пасть-то! Вот это — рыба!..

Взошло солнце. Порозовел и пришел в движение туман над озером, с юга подул слабый ветер.

Плыли молча. Герман все еще находился под впечатлением пережитого, и Петр не хотел отвлекать его: он понимал, что именно в такие минуты рождается рыба.

В полосатой пижаме, в мягких домашних туфлях и в широкополой белой шляпе Василий Кирикович медленно прогуливался по Лахте. Унылый вид осиротевших домов, обвалившихся сараев и заброшенных колодезев уже не вызывал в его душе неприятных ощущений: в былые времена целые города исчезали с лица земли. Для отдыха это даже лучше, рассуждал Василий Кирикович, ни шуму, ни пыли. С виду — деревня, а на деле — натуральная природа в своем первобытном естестве... И очень хорошо, что нет любопытных взглядов, нет надоедливых вопросов и никому не надо объяснять, почему он так долго не навещал родной край. Да и ходить по деревне, по этой чистой мягкой траве вот так, по-домашнему — одно удовольствие.

Напротив дома Маркеловых Василий Кирикович остановился. Уверенный в том, что все Маркеловы на работе и его никто не может видеть, он с откровенным любопытством рассматривал усадьбу Ивана.

Дом что надо — высокий, просторный, на цементированном каменном фундаменте. Матерые бревна подрубки из трех венцов, сделанной, видимо, прошлый год, просмолены, крыша из аккуратного подогнанного шифера. Под общей крышей сарай, тоже просторный и прочный, с обновленным въездом для лошади. Близ сарая — амбар, баня, колодец с воротом. Тут же телега, две волокуши; к стене прислонены сани и подсанки. А на задворье, на скользящей цепи — большой серый пес.

«Хозяйство — что прежде у кулака, — подумал Василий Кирикович. — На что ему цивилизация? Живет, как на курорте...»

Он хотел было двинуться дальше, но в это время дверь дома Маркеловых неожиданно отворилась и на крыльцо вышел дед Митрий.

— Войди, Кирикович! — поклонился старик и спросил по-вепски: — Чего же издали смотришь, не зайдешь?

Василий Кирикович, будто его застigli за непристойным делом, смутился и, забыв поздороваться, ответил:

— Вот смотрю — хороший у вас дом. Не то что наша развалюха.

— В старопрежние-то времена по дому да по упряжи хозяина судили.

«Ему по-русски, а он — по-своему гнет!» — раздраженно подумал Василий Кирикович и сказал:

— Иван — хозяйственный мужик, да и в силе.

— Да ты заходи на беседу-то! Чего через двор кричать? Один я...

С пятого на десятое Василий Кирикович понял последнюю фразу деда Митрия.

Этот щуплый старикашка был неприятен ему, но отвергнуть приглашение он не решился. Сели на крыльцо, в тени. Дед зачал самokrуткой и перешел на русскую речь.

— Не знаю, управятся ли наши с сеном. Три стога надо метать, а я вот захворал, к скотине ребяташек пришлось отправить... — он потрогал заскорузлыми пальцами пижаму Василия Кириковича. — Вот те ерш!.. Раньше постельники полосатые ткали, а теперь одежду этакую делают.

Василий Кирикович неопределенно хмыкнул. Митрий взглянул на него — и как вбухом по лбу:

— Потерянный ты человек, Васька!

— Как? — оторопел Василий Кирикович.

— Да так. Исстари говорится: человек, который забыл родную мать, — для роду потерянный, а который забыл свой язык, — для народу потерянный.

— Послушай, — понизив голос, сказал Василий Кирикович, — что ты все подкусываешь меня? Что ты портишь мне нервы?

— Эхе-хе!.. Нервы. У нас, конечно, нервов нету.

— Я сюда отдыхать приехал и прошу тебя: оставь меня в покое.

— Отдыхай, Васенька, отдыхай. А то от большой-то работы, вишь, все волосье с головы повывлазило, да и брюхо эвон какое стало. Поди, и ходить тяжело?

— Да знаешь ли ты, кем я работал?! — вскричал Василий Кирикович, багровея. — Мне персональную пенсию не за красивые глаза дали!

— Али на пенсии? — изумился старик. — Господи, а я-то думал...

— Что думал? Ты ничего не думал! Ты вообще не способен думать! — Василий Кирикович вскочил и пошел прочь.

— Ай-я-яй!.. — качал головой старик. — Не только для своего роду потерянный — для всех лишний. Такого молодого — и на пенсию. А может, дешевле пенсией откупиться, чтобы другому кому — поспособнее кто да почеловечнее — дорогу не застил?.. Ай-я-яй!.. Уже наработался, отжил...

Василий Кирикович быстро шагнул к отцовскому дому. Внутри все кипело.

Кто он, этот стоящий одной ногой в могиле старикашка, чтобы упрекать его, Василия Кириковича Тимошкина? Какое он имеет право глумиться? всю жизнь, как червяк, ковырялся в земле... Участвовал в революции? Это еще надо проверить...

Савельевич все так же копошился возле своих сетей. От помощи сына он отказался — латать снасти тоже надо умеючи — и сам занимался этим делом лишь в те немногие часы, когда поблизости не было Василия Кириковича, которому казалось, что отец все делает не так, как надо.

— Лесовик безголовый! — ругал себя старик. — Что бы сетки-то на гвоздь повесить, на вышку, дак я их на сарай бросил, на корм мышам! Теперь бы, глядишь, на зиму рыбы насушили, приварок был бы свой... А ума-то нет, так...

Он не слышал, как подошел Василий Кирикович.

— И тебе трудно по-человечески говорить? Я же просил!..

Старик круто обернулся, дрожащей рукой протер здоровый глаз.

— Прости, Васенька! Не видел, что ты тут. Не сердись!..

Василий Кирикович, не взглянув на отца, прошел к сараю.

Снова и снова вспоминал Герман, как Катерина спускалась к озеру и как при этом покачивалась и изгибалась на ее спине длинная тяжелая коса. Он хорошо запомнил ее смуглые стройные ноги, запомнил походку — легкую, плавную. А вот лицо не успел рассмотреть...

Он знал, что Маркеловы всей семьей, кроме старика, который пасет скот, с утра уходят на сенокос и возвращаются поздно. Значит, Катерину можно увидеть только вечером. Когда она с братом отправится кататься на лодке, надо выйти на крыльцо. Катерина и Петр пойдут мимо и, конечно, пригласят его с собой. Но до вечера еще так далеко!..

Не зная, как скоротать время, Герман послонялся по берегу и опять побрел туда, где старик Маркелов пас своих бычков и телочек.

День был не знойный, с ветерком, и стадо мирно отдыхало в березовой рощице близ ручья. К удивлению Германа, пастухом была Люська Маркелова, длинноногая девочка-подросток, которую он раза два мельком видел в деревне и которая, по словам бабки, часто ездит одна верхом на лошади в Саргу за продуктами.

— Вы что же скотину по графику пасете?

Люська с недоумением и не без робости вытаращила на Германа большие серые глаза.

Была она в полинялом и выгоревшем платье неопределенного серовато-сиреневого цвета, слишком просторном по ее сухой и угловатой фигурке, и Герман догадался, что это платье, должно быть, когда-то носила Катерина.

— Ты что же молчишь?

— Так.

— Интересно, — усмехнулся Герман. — А ты не боишься, что рогатая скотина тебя забодает?

Что-то похожее на улыбку тенью мелькнуло по загорелому скуластому лицу девочки и тотчас растаяло.

— Понятно. Ты не желаешь со мной разговаривать. Печально, но что поделаешь, — Герман пригнул к земле тонкую березку, сел на нее и стал закуривать.

Люська продолжала стоять, склонив голову, и исподлобья диковато наблюдала за ним. Герман закинул ногу на ногу, качнулся, усаживаясь удобнее, корни березки затрещали.

— Зачем ломаешь? — хмуро сказала Люська.

— Виноват! — Герман встал, распрямил деревце. — Невесело тут у вас. Старички мои от радости чокнулись, на цирлах вокруг своего отпрыска ходят, слово не знают как сказать. На меня нуль внимания. И ты молчишь. А вот твой дедушка поговорить любит. Мы разок с ним здесь так мило посидели...

— Люсь-коо!.. — вдруг раздалось у ручья.

Но девочка и ухом не повела.

— Кто это тебя зовет?

— Колька.

— Чего же ты не откликаешься?

— Так.

Герман глянул в сторону ручья и увидел, что там, над кустами, курится дымок.

— Ладно. Паси свою рогатую скотину, а я к Кольке пойду. У него, кажется, и костришко есть... Гут бай!..

«Совсем дикая. Людей не видала», — заключил Герман.

На берегу ручья на ровной площадке с чудом уцелевшей нетоптанной травой у крохотного костерка сидел белоголовый худенький мальчишка лет девяти. Он вскинул на Германа синие глаза и улыбнулся. Что-то располагающее и поразительно знакомое было в этой доверчивой улыбке и в широко расставленных ясных глазах.

— Здорово, мужик! — весело приветствовал его Герман. — Ты что же сегодня не на сенокосе?

— Скотину пасу. С Люськой. Дедушко заболел, дак мы и пасем, — он взял палку и стал ворошить в костерке.

Герман увидел, что в углях лежали три окуня с обгоревшими плавниками.

— Ты зачем рыбу в костер бросил?

— Я не бросил. Я пеку.

— А-а... Сам, что ли, наловил? — Герман присел к костру на корточки.

— Ага... А на Кривом колене щуку тащил. Здоровую!.. Да леска лопнула... Там ведь глубоко. Петьку и то скроет.

Колька выгреб из костерка одного окуня, перекидывая его с руки на руку, потом сточенным лезвием железного складешка поскреб обгоревшую чешую и вопросительно посмотрел на Германа.

— Хочешь?

— Давай. За компанию.

Герман взял рыбу и лег на траву.

— Хлеба надо?

— Нет. Я так попробую.

— Я печеную тоже без хлеба ем.

— Ты, наверно, Люську на окуней звал?

— Звал, да не идет... Сытая, — Колька вздохнул. — На пожне все равно лучше работать. Пасти скучно... А там хорошо! И обратно на Орлике. Ка-ак дашь вицей, дак он все скоком, все скоком, до самого дому.

Печеный окунь оказался весьма вкусным, слегка отдавал дымком, и Герман невольно взглянул на тех двух окуней, что лежали на дотлевающих углях.

— Бери, бери! — сказал Колька, перехватив этот взгляд. — Я ведь уже третий раз пеку. И Люська ела. Сегодня не жарко, дак скотина не бегаёт, хоть весь день удь да пеки, — он вытер ладони о траву. — Поглядеть, сколько еще пасти-то! — и засушил левый рукав до плеча.

Герман расхохотался: на руке мальчишки выше локтя, были пристегнуты часы.

— Чудак, кто же так часы носит?

— Они Петькины, часы-то, — ничуть не растерялся Колька. — У его рука толстущая, а у меня, вишь, как тут тонко, — и обхватил пальцами коричневое от загара запястье. — Через два часа папка приедет.

— Зачем он приедет? За тобой?

— Дак ведь стадо-то в ночную загороду перегнать надо. Потом уж домой.

Герман не понял, что это за ночная загорода и почему Колька и Люська сами не могут перегнать туда телят, но выяснять ничего не стал и только спросил, не пасет ли стадо Катерина.

— Не, счас не пасет, — покрутил белой головой Колька. — Пока не косили, дак ночью пасла. И то не в каждую ночь.

Германа аж передернуло.

— А ночью-то зачем пасти?

— Дак ведь как же! Днем надо и ночью надо.

— Но теперь-то вы не пасете ночью.

— Дак в загороде-то скотина сама пасется! — удивляясь непонятности Германа, воскликнул Колька. — Для того и загорода сделана. Там трава хорошая. До сенокосу мы туда телят не пускали. И теперь днем не пускаем, только ночью. А раньше и ночью там не пасли.

— О, да ты, оказывается, опытный пастух, все тонкости своего дела знаешь, — улыбнулся Герман.

— Я еще в то лето начал пасти. Как Сашка потонул, так я и стал вместо его.

— Какой Сашка?

— Братик. Он старше Люськи был, — и Колька вздохнул глубоко и протяжно.

— Как же это получилось? — с сочувствием спросил Герман.

— А так... Сети были спущены, а дедушка хворал. Сашка и пошел их поднимать. Он всегда сетки смотрел, если дедушко не мог. А ветрено было. Вот и потонул.

— Он не умел плавать?

— Сашка-то?! — вскинул голову Колька. — Да он с Петькой и Каткой через все озеро плавал, вот!

— Тогда почему же не выплыл?

— Да ведь он в сетку запутался. Сшибло его волной, он под сетку-то и попал... — Колька обхватил руками колени, сжался в комок, будто ему стало зябко, и уставился на кострище.

Что-то нежное шевельнулось в душе Германа к этому сухонькому ясноглазому мальчишке, пережившему гибель своего брата. Взгляд Германа упал на Колькин складешок.

«Я ему подарю свой!» — решил Герман и вытащил из кармана шикарный ножичек с перламутровой ручкой.

— Держи! — он протянул ножичек Кольке.

Тот удивленно расширил глаза.

— Лови! За угощение.

Мальчик ловко поймал подкинутый нож, повертел его в руках и возвратил Герману.

— На что мне два? — сказал он тихо.

— Но этот лучше!

Колька неопределенно пожал плечами.

— Тогда давай меняться, — предложил Герман. — Ты бери мой, а я твой. На память.

— Не... — Колька поднял с земли складешок, пошоркал о штаны и спрятал в карман. — Этот ножичек Сашкин. Мне папка его отдал... — Помолчав, спросил: — Да не будешь окуней-то есть?.. Тогда я их Люське унесу.

Он спустился к ручью, зачерпнул картузом воды и стал заливать угли...

Продолжение следует

КОМСОМОЛЬСКИЙ ПОЛК

1942 году в Москве по решению ЦК ВЛКСМ формировался комсомольский полк. Но в его строй встали и жители других городов и областей нашей Родины: А. А. Носич — с Украины, Долости Метревели — из Грузии, Василий Тебельдеев — из далекой Хакасии, Виктор Новиков — из Свердловска. Это его, Виктора Новикова, смелого и инициативного командира, любимца гвардейцев, называли «Капитан Вперед». Это о нем ветеран полка А. Ф. Кучеров, бывший командир батареи, писал: «Командира дивизиона Виктора Новикова помнит каждый солдат и офицер полка. Я вспоминаю время, когда формировался наш комсомольский полк. Приходили в него обстрелянные и необстрелянные. Виктор Новиков был в числе обстрелянных. Его грудь уже тогда украшали гвардейский значок и орден Красного Знамени, полученные за мужество и храбрость в боях за город Ельню Смоленской области. Он покорял всех своей находчивостью, умением и смекалкой».

...Шел бой за один из населенных пунктов. Фашисты, получив подкрепление, поддержанные артиллерийским огнем, несколько раз переходили в контратаку. Наши пехотинцы залегли в трехстах метрах от траншей врага и не могли сдвинуться с места.

Нужно было немедленно помочь пехоте. Но как это сделать — враг рядом, и у него большое численное и огневое превосходство?

Командир дивизиона Виктор Новиков приказал дежурному связисту:

— Передай «хозяину» — иду прямой наводкой! — И тут же прозвучала команда:

— Батареям выдвинуться и открыть огонь по правому флангу противника с открытых позиций.

Это было смелое и неожиданное решение — прямая наводка в гвардейской минометной части не применялась. Обычно установки вели огонь с закрытых позиций, которых враг не видел.

С грозным гулом выскакивали из укрытий боевые машины. А через несколько минут батареи дивизиона на глазах у ошеломленных фашистов развернулись и обрушили на них огненный ливень. Наша пехота поднялась в атаку...

Но обо всем этом следопыты московской школы № 36 узнали позднее. Все началось с дружинного сбора. Приблизился День артиллерии, и ребята обсуждали, как интереснее провести сбор.

— Между прочим, — сказал звеньевой Виль Фунтиков, — минометчики тоже артиллеристы. Вот бы узнать историю знамени!

Все знали: в школе хранится знамя 85-го гвардейского комсомольского полка. На нем изображена пионерская эмблема. Почему? Было известно совсем немного: это знамя вручено дружине в 1945 году, как победительнице смотра военно-спортивной подготовки школ Москвы.

27 апреля 1947 года в Москве в Колонном зале

Дома Союзов собрались делегаты XIII слета пионеров. Здесь было объявлено, что знамя 85-го комсомольского минометного полка снова завоевали пионеры 11-й дружины школы № 36. Радостные возвращались пионеры со слета. Товарищи забороздили их вопросами: кто вручал знамя? Почему знамя пионерское? Где сражался полк? Кто его герои? Из всех вопросов делегаты смогли ответить лишь на один — «Знамя пионерам вручал Герой Советского Союза Родионов».

С тех пор прошло много лет. Узнать историю знамени? Это, конечно, заманчиво. Но как? Много было споров, размышлений. Наконец совет дружины решил: будем искать. В разные концы столицы отправились пионерские звенья и отряды. У всех одна задача: что-то разузнать о комсомольском полке.

Следопыты побывали в музеях Советской Армии, Историческом, музее Революции, в городских и Центральном комитетах комсомола, в редакциях газет.

И вот им стало известно, что на выставке «Комсомол в Отечественной войне» есть архив и картотека героев. Решили с ней познакомиться. Просматривая карточки, натолкнулись на знакомую фамилию «Родионов». Не тот ли это Родионов, который вручал дружине знамя? Но, к сожалению, они не знали его имени. Через десяток карточек еще раз мелькнула эта фамилия, потом еще и еще... Который же из них?

— Вас, говорят, 85-й полк интересует, — заговорила со следопытами незнакомая женщина, когда они (в который раз!) осматривали выставку «Комсомол в Отечественной войне». — Материалы о нем есть в архиве.

И вот перед ребятами рукописный журнал комсомольского полка, фотографии. Одну за другой

читают они незнакомые фамилии: Аверьянов, Гук, Горб, Новиков...

Итак, след найден.

А через несколько дней в школу позвонили из редакции «Пионерской правды».

В горьком комсомола работает Юрий Горб, он сейчас в командировке. Его отец — бывший политработник комсомольского полка, может, вашего. Живет под Москвой, в Ступино.

И вот следопыты в Ступине. Разыскать председателя исполкома горсовета Терентия Моисеевича Горба оказалось совсем нетрудно. Высокий пожилой человек с седой головой и добрыми улыбающимися глазами радостно шагнул им навстречу: «Да, я был политработником 85-го комсомольского полка».

От Терентия Моисеевича пионеры впервые узнали историю части. В 1942 году комсомольцы-добровольцы обучались в лагерях под Москвой, овладевали гвардейскими минометами «катушами». Здесь полку и были вручены боевое знамя, знамя ЦК ВЛКСМ и пионерское знамя. 15 сентября 1942 года под Воронежем полк получил боевое крещение. С этого дня комсомольцы-минометчики прошли с тяжелыми боями тысячи километров. На головной машине рядом с гвардейским знаменем находилось и знамя пионеров. Во время боев оно передавалось лучшему орудийному расчету.

За успешные боевые действия под Сталинградом полк был награжден орденом Красного Знамени. А летом 1943 года участвовал в жестоких боях под Орлом. За освобождение латышского города Даугавпилс (Двинск) 27 апреля 1944 года полку присвоили наименование «Двинский». Полк участвовал в ликвидации «Курляндского котла» и в разгроме японских империалистов.

Сбор дружины, посвященный Дню артиллерии, прошел очень интересно. Но это было лишь начало поиска.

На сборе Терентий Моисеевич Горб показал ребятам газету Брянского фронта «На разгром врага!» от 30 июля 1943 года. Просматривая газету, они обратили внимание на фамилию Шелковин. Она упоминалась и в передовой статье, и в письме пехотинцев, благодаривших артиллеристов за поддержку, и в заметке «Батарея отважных».

«В бою под Мценском, — писала газета, — был случай, когда гитлеровские танки неожиданно двинулись в контратаку и вражеская пехота шла, прикрываясь их броней. По нашим позициям ударили пушки. В воздухе появилась авиация противника. В этом трудном положении успех боя решил командир батареи Шелковин... Он выдвинул батарею вперед и направил сокрушительный огонь по фашистским огневым точкам. В боях под Мценском батарея Шелковина сожгла 4 танка и уничтожила свыше тысячи гитлеровцев».

Следопыты разыскали его адрес.

Через несколько дней Владимир Николаевич пришел в школу.

— Родился я в городе Мценске, — начал рассказ В. Н. Шелковин, — и вот много лет спустя пришлось мне снова оказаться здесь. Был я тогда командиром батареи. Шли мы с боями, не давая фашистам закрепиться. Мценск был уже так близко, что наши разведчики видели город в стереотрубу. Однажды наблюдатели донесли: в городском саду по вечерам фашистские офицеры устраивают гулянья. Пошел я тогда к своему командиру Пануеву, доложил все и попросил: «Разрешите по гитлеровцам ударить». «Разрешаю, — ответил тот, — только одной установкой».

Воскресным вечером, когда гулянье в городском саду было в самом разгаре, «катуша», которой командовал гвардии сержант Лохман, открыла огонь. Один за другим полетели в цель снаряды. Дорого обошлось тогда фашистам гулянье.

Следующая интересная встреча состоялась в штабе Московского военного округа. Здесь следопыты нашли Героя Советского Союза Михаила Белявского. Но оказалось, что он был в полку только в период формирования, а воевать ему пришлось с другой частью. Зато он сказал ребятам, что комиссаром полка был Петр Петрович Гук, который работает преподавателем в Военной академии имени Ленина.

Полковник Гук принес следопытам объемистую потертую тетрадь: «Вел с первого дня формирования полка. Тут и дневниковые записи и фронтовые фотографии», — пояснил Петр Петрович. На одной из страниц ребята прочитали:

«Август 1942 года. В зеленой чаще подмосковного леса белеют ряды палаток. Между деревьями проглядывают рамы гвардейских минометов. Голос военной трубы разорвал лесную тишину. На поляну со всех сторон выбегают бойцы. Звучит команда: — Смирно! Равнение направо!

На правом фланге строя показалась колонна пионеров. Ветер развеивал над головами ребят алое знамя. Колонна остановилась. Вперед вышли двое — мальчик и девочка.

— Пионеры Москвы, — сказала девочка, — поручили нам передать это знамя вам, воинам Московского комсомольского полка. Бейте врага! Возвращайтесь домой с победой.

Знамя пионеров передавалось в лучший дивизион, чаще всего в дивизион капитана Новикова».

Ежедневно почтальон приносит в школу пачки писем. «Свердловчанин Виктор Новиков навсегда останется в нашей памяти, как исключительно смелый и талантливый командир, — писал ветеран полка Н. Г. Мельников. — Помню такой случай: вскоре после взятия Орла наш дивизион переправился через Оку. «Катуши» остановились на обочине дороги у огромного поля пшеницы. Ничто не предвещало беды. Бойцы отдыхали. Вдруг появился Новиков. Он немедленно поднял дивизион по тревоге, и буквально

за 2—3 минуты по его команде «катюши» и машины со снарядами снялись с места и прямо полем уехали на несколько километров в сторону. Наша машина взвода управления была отправлена в тыл с ранеными, поэтому мы вынуждены были остаться на месте со своим имуществом. Кое-кто начал иронизировать по поводу такой непонятной спешки. Но не прошло и пяти минут, как над нами появилось более 50 фашистских бомбардировщиков. Только тогда мы поняли, почему командир так был взволнован. Он сумел правильно оценить обстановку и, можно прямо сказать, спас дивизион».

«Здравствуйте, дорогие мои сыны и дочери!— писала школьникам Лидия Сидоровна Маланова.— Спасибо большое за письма мне и, главное, за присвоение вашему отряду имени моего сына Пети. Как мне приятно слышать, что не я одна помню его».

Идут и идут письма со словами признательности. Вот еще одно: «Пишет вам дочка Иконникова А. И. Меня очень взволновало, что так далеко в Москве знают моего папу. Папа всю войну воевал с гитлеровскими захватчиками. С фронта возвратился больной и вот уже год как умер. Он часто рассказывал нам про фронт, про «катюшу», из которой он бил фашистов. Если бы папа был жив, он бы обязательно приехал на ваш сбор и многое бы вам рассказал. Я посылаю вам карточку моего отца. С приветом Надя и мама».

За многолетнюю работу по изучению истории 85-го комсомольского полка решением бюро РК ВЛКСМ пионерской дружине школы было присвоено имя Виктора Новикова.

Пожалуй, не было ни одного ветерана, приезжавшего или писавшего в школу, кто бы не вспомнил о Викторе Новикове. Погиб отважный командир в 1943 году где-то на Брянском фронте. Но, к сожалению, никто из его боевых товарищей точно не знал, где именно. Называли Орел, Карачев, Бежицу.

Члены штаба написали пионерам и комсомольцам Свердловска. И вот пришел долгожданный ответ от следопытов школы № 4:

«Дорогие друзья! Вашу просьбу выполнили. Сообщаем адрес родных Виктора Михайловича... Мы встретились с его матерью, посылаем ее рассказ. У нас в школе учится племянник Виктора. Жена и дочь Новикова живут в нашем городе».

А через несколько дней ребята читали такое письмо:

«Дорогие мои друзья! Это пишет вам Новикова Света— дочка Виктора Михайловича. С радостью я узнала, что ваша дружина носит имя моего любимого папы. Я горжусь своим отцом, который честно прожил свою короткую жизнь. Ребята, напишите все, что знаете о моем отце и его дивизионе. С комсомольским приветом». Светлана сообщила, что отец погиб на Орловщине и похоронен в деревне Образцово. Следопыты связались со школьниками деревни Образцово, и те прислали рассказ очевидцев о гибели Новикова и фотографии братской могилы, где он похоронен.

Большую радость у ребят вызвало письмо матери Виктора Михайловича. «Дорогие ребята!— писала она.— Виктор учился в школе № 14 имени Горсовета, ныне школа № 45 города Свердловска. После окончания школы закончил железнодорожную школу ФЗО. Работал на транспорте поездным мастером, где неоднократно за хорошую работу был премирован денежными премиями и значками отличника транспорта. В 1935 году сын закончил вечерний комвуз. В 1936 году был призван в Советскую Армию, в которой остался до конца своей жизни. Он

был комсомольцем с 1929 года, потом стал членом нашей Коммунистической партии.

Дорогие ребята! Убедительно прошу вас передать однополчанам моего любимого сына Виктора большой материнский привет и попросите их, чтобы кто-нибудь написал подробности о смерти Виктора. Ирина Яковлевна Новикова»

Когда следопыты собрали достаточно материалов о ветеранах комсомольского полка, было решено пройти по местам боев. Первый маршрут похода лежал в Сталинградском направлении.

В поход отряд взял с собой пионерское знамя, то знамя, с которым под Сталинградом воевали гвардейцы.

Двести пятьдесят трудных километров прошли следопыты по пути полка: хутор Калмыковский— хутор Перелазовский— Калач— хутор Мариновка— Волгоград. Они записали рассказы местных жителей о событиях войны, сфотографировали места боев, сделали зарисовки.

В Москве комиссар полка П. П. Гук просил следопытов разыскать в Калаче Славу Деревенскую, который когда-то помог полку. Но в Калаче Славу найти не удалось, поэтому в Волгограде группа продолжила поиски. Они увенчались успехом.

Вот что узнали ребята.

Продвигаясь с боями к осажденному Сталинграду, полк был вынужден задержаться в Калаче, так как кончилось горючее, а цистерны опаздывали. И тогда на выручку гвардейцам пришел второклассник Слава Деревенсков. Он видел, где фашисты зарыли бочки с горючим, и указал это место комиссару полка. Водители заправили машины, и полк двинулся дальше— на Сталинград.

Три раза в году в школе проходят линейки с участием ветеранов полка: 19 ноября— в День артиллерии, 23 февраля— в годовщину Советской Армии и 9 мая— в День Победы.

9 мая 1972 года следопыты и ветераны отмечали 30-летие комсомольского полка. На торжественный сбор дружины собралось около 100 бывших воинов.

На здании школы мемориальная доска, на которой выбиты фамилии погибших воинов.

Л. РОТШТЕЙН

Рисунки В. Сыскова

АЛТАЙСКИЕ МАСТЕРА

Старый кожевник Георгий Иванович Латышев сказал: — Обо мне писать не интересно. Да и кожевник я не ахти какой. Уж точно, что не чета прежним мастерам. Вместе с ним мы гуляли по Барнаулу. Я и не предполагал тогда, что вместо очерка о нем напишу, вернее, запишу рассказ Георгия Ивановича об алтайских мастерах, давних и нынешних. А началось все с того, что я показал Латышеву письмо, обнаруженное мной в Центральном государственном архиве Октябрьской революции:

«Алтайским делегатам X съезда т.т. Пайкину и Правда.

3-й дом Сов. № 24

20/XII

По поручению Владимира Ильича прошу вас передать рабочим Государственного Барнаульского кожевенного завода № 1 — его благодарность за приветствие и подарок и пожелание всяческого успеха в дальнейшем развитии работы.

Уп. Дел.

Сов. Нар. Ком-в (Горбунов)х.

— О каком подарке здесь идет речь? — спросил я.

— Побудем здесь, — остановил меня Георгий Иванович, когда мы поднялись почти до самой вершины Клубной горы, и спросил в свою очередь: — Разве вы не знаете о нашем подарке? Хотя откуда вам знать. О сапогах с усам только молва и осталась, как о прошлом нашем достижении. За них-то и благодарил нас Ильич. Не мастак я на истории, ну да уж как выйдет...

СКАЗ О САПОГАХ С УСАМИ

аботали у нас в ту пору мастера по сапожной части — Николай Новиков и Александр Шипунов. По тем временам — лучшие на Алтае. Николай Степаныч тогда уже в годах был. Мужик башковитый, угрюмый, неразговорчивый. С лица — худой, жилистый, а силы — неслыханной. Вытяжки делал — залюбуешься. Вытяжка — это перед и голенище сапога, сработанные из одного куска кожи. Если уж Степаныч сделает вытяжку, то лошадьми ее растягивай, а она все равно форму сапога возьмет.

Не было у нас более мастеров, кроме Степаныча

и Сашки, которые бы так о красоте сапога заботились.

У Степаныча, однако, была забота особенная, с его нравом схожая. Жил в нем природный талант, талант строгий, щепетильный. Поэтому, наверное, Степаныч никогда не выдерживал похвал. Скажут ему, бывало, другие мастера доброе слово за вытяжку, а он вдруг насупит рыжие брови, замкнется вовсе и долго так смотрит на свою работу, будто оплошал в чем-то, будто на душу ему камень положили. Потом повернется к мастерам, с отчаянием бросит:

— Не то! Опять не то...

И начнет снова с такой таинственной хлопотливостью колдовать над вытяжкой, что другие мастера только диву даются:

— Неумный талант у тебя, Степаныч.

У Сашки Шипунова нрав другой был. Веселый, озорной, так радостью и пышет. Этому похвала — в радость. От доброго слова у него душа пела. И работал-то он легко, весело. Навесит, бывало, на губу с дюжину шпилек, и летят они будто сами в сапог быстрее пули. А Сашка под стук молотка приговаривает:

— Дождусь, дождусь, когда Степаныч свои заветные вытяжки смастерит, и сошью из них сапоги с усам. Золотой ниткой шить буду.

Я тогда рассылным при конторе работал. Частенько забегал в шех Сашкиной работой полюбоваться. И вот захожу однажды и вижу, что Степаныч совсем посуровел, еще больше в себя ушел, хлопочет над вытяжкой, на руках жилы в натуге бугрятся.

Сашка в необычном волнении на Степаныча поглядывает. Переживает, видно, за него. Меж мастеров разговор идет:

— Степаныч заветные сапоги ладит. Охотничьи. Для Ленина.

К вечеру отошел Степаныч в сторону от вытяжек, завернул козью ножку, потеплел в лице и сказал:

— Теперь, Александр, твой черед. Весь свой талант сумей в них выразить.

С песней нашивал Сашка усы на подперед, широкой, раздольной стежкой шел по ним, чтобы узором искусным играла окантовочка. Лихо нить золотил, полировал сапоги до зеркального блеска.

Все мастера любовались потом сапогами, трогали внутреннюю подклейку из мягкого желтого опойка, приговаривали: «Что руки-то человеческие сделать могут!»

Сашка принимал похвалу с заразительной улыбкой, пояснял, растирая на руках витки от ниток:

— Старались, чтобы, значит, наш край Ленину в лучшем виде показать.

Только Степаныч, как всегда, задумчиво сидел в стороне и со своим прежним отчаянием соображал, не оплошал ли в чем-нибудь. А может, в тот момент какая-то другая потаенная дума изводила его душу. Только встал он вдруг и проворчал хмуро:

— Зачем ты так возликовал, Александр, будто мы само солнце смастерили?

— Да чем же сапоги плохи? — не сдавался Сашка.

— Красота в них живет, это верно, — сказал Степаныч, — да вот плохо, что это сапоги.

— Чем богаты... — ответил Сашка. — Солнце мы с тобой не смастерим.

Степаныч понурил голову:

— Потому и горько. О солнце я, конечно, к слову сказал. А ведь будут, Сашка, мастерить... Ей-богу, будут. Народятся в наших краях мастера — не нам чета.

... — Вот так, — закончил свой рассказ Георгий Иванович Латышев. — Вскоре алтайцы, делегаты Десятого съезда Советов, увезли сапоги Ленину. Потом и ответ пришел, тот, что мы сейчас читали. А молва о сапогах с усами да о мастерах наших по сей день жива. И, видно, потому жива, что живучи оказались слова Степаныча о мастерах, которые народятся в наших краях.

ДЕНЬ ПРОШЛЫЙ И НЫНЕШНИЙ

былись мечты старого мастера. Давно уже Барнаул, как и весь Алтай, славен не сапогами и жерновами, не теми 304 школами первой ступени и 227 пунктами ликвидации неграмотности, где начинали путь к знаниям отцы нынешних архитекторов, химиков, сталеваров, станкостроителей.

Сегодня дети и внуки кожевников, пимокатов и мукомолов делают полуавтоматы для плазменнодуговой резки металла, тысячи тракторов-богатырей «Т-4», мощные моторы, паровые котлы, варят сталь первой категории.

Сегодня гордость барнаульцев — котельный завод, головное предприятие страны по производству тягодутьевых машин. Его продукция идет во многие страны мира. Он выполняет заказы строящихся в нашей стране теплоэлектростанций для энергоблоков в 300, 500, 800 тысяч и в миллион киловатт.

Электрические тали, конструкция которых создавалась и совершенствовалась на Барнаульском ордена Ленина станкостроительном заводе, выдержали конкурс с электроталиями известных зарубежных фирм «Бейл» (США) и «Демаг» (ФРГ).

Георгий Иванович Латышев вел меня мимо этих гигантов, той самой дорогой, по которой когда-то бывший директор кожевенного завода Петр Михайлович Сычев вез в город на буланой лошади сшитые для Ильича сапоги.

Не утерпел Латышев, завел меня на один из заводов, где, по его мнению, научились и «солнце» мастерить.

Секретарь парткома котельного завода Виктор Васильевич Теренин назвал нам десятки имен заводских чародеев, а потом сказал:

— Есть у нас и настоящие мастера «солнечных» дел. Сегодня как раз работает бригада нашего лучшего сталевара Григория Александровича Тихомирова.

Цех встретил нас жаром электропечей. Над каж-

дой из них механическая рука держала по три раскаленных добела электрода, похожих на гигантские заточенные карандаши. Через такие «карандаши» проходит ток в шесть тысяч вольт, образуя между шихтой и фантастическим трезубцем электродов электрическую дугу в четыре тысячи градусов. Это всего лишь на тысячу семьсот градусов меньше температуры солнечной поверхности.

Автоматика регулирует до миллиметров расстояние между шихтой и электродами, чтобы варилась самая высокосортная сталь, высокожароупорная. Но сталевару здесь отведена далеко не последняя роль. Как бы ни была умна автоматика, без опыта и знаний сталевара, без таинств его таланта не родится в печи чудо-сталь.

Латышев легонько тронул меня локтем, сказал:

— Присмотрись к сталевару, когда плавка подходит к концу. Заметь, как чутко прислушивается он к непонятному для тебя реву электрической дуги. Он понимает «язык» этой дуги, она подсказывает ему, готова ли сталь.

Я вижу, как, выслушав «донесение» стали, Григорий Александрович дает знак подручному Алексею Васильевичу Савельеву: «Пора брать пробу». Вижу, как он устал за смену возле огнедышащей печи. Изпод фуражки упала на лоб взмокнувшая прядь русых волос. Лицо хранит жар печи. Словоная алая заря оставила на этом лице свои краски. А в глазах лучится живая, вдумчивая искорка. Им надо прочитать сейчас тайную грамоту стали. Снял лопатой шлак со стали, зачерпнутой из печи. Хлынула раскаленная струя. Подсек Григорий Александрович эту струю, и на лопате осталась тонкая металлическая елочка. Отлетели в сторону мелкие искры и взорвались, рассыпались фейерверком. Для постороннего человека — это красивое зрелище. Для Григория Александровича и в этом фейерверке своя грамота. «Рано. Много еще углерода в стали».

Не ошибся сталевар. Химический анализ елочки, отправленной в лабораторию, подтвердил мысль Григория Александровича.

И вот команда: «Пора!» Пробита летка, и сталь хлынула в многотонный ковш, озарив потолок цеха и стены сполохами, похожими на северное сияние.

Старый мастер Новиков, говоря о солнце, выдел те безграничные способности народа, которые обязательно должны были раскрыться во всей полноте, во всем многообразии. Именно в эти способности и возможности верил Владимир Ильич в самые трудные дни для Советской власти, когда говорил: «У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

А. ЧЕРНЯЕВ

Всего лишь за несколько лет до основания в 1723 году Екатеринбург-Свердловска русская картография пережила настоящую техническую революцию: во все концы России, в том числе на Урал и Сибирь, по приказу Петра I были отправлены первые геодезисты, научившиеся определять широты и составлять на математической основе географические карты. Воздавая должное плеяде петровских геодезистов, все же стоит помнить и о работах тех ранних русских «чертежников», которые без астролябий и других геодезических приборов умели «на глазок» составлять (да еще как!) подробные географические чертежи отдельных рек Урала, Сибири, Дальнего Востока и сводные чертежи «всей Сибири».

Путевые чертежи рек в глубокой древности чаще всего «писались» летом. Делалось это обычно так: плыли служилые люди — казаки да их «начальные люди» — вниз по реке и на длинных полотнах бумаги («столбцах») посередине изображали толстой жирной «кишкой» реку, по которой плыли. Реку рисовали пошире, чтобы можно было на ней изобразить отдельные острова, пороги, перекаты и броды. По сторонам реки «писали угодя» — различные леса, пашни и другие места хозяйственной деятельности. Особо выделяли притоки («сторонние реки»), озера, волоки, населенные пункты — города, деревни, заимки, кочевья.

Все «стороннее» старались изображать подробно. Притоки порою умудрялись вмещать в чертеж от самых вершин со всеми селениями и малыми «сторонними речками» (притоками притоков). Поэтому полоса самого путевого чертежа чаще всего оказывалась довольно широкой. Многие в чертежах делалось очень схематично, о точном отражении всех береговых изгибов озер и малых рек не заботились. Главное — установить само наличие этих озер и речек, а какую точную форму они имели, это уже считалось не столь важным.

За весь XVII век таких путевых чертежей было составлено бесчисленное множество, но до нас дошли лишь единицы. Одни уничтожались как устаревшие, неточные, другие погибали во время частых пожаров как в городах Сибири,

З Я Г Я Д К И СТАРЫХ КАРТ

так и в Москве. Поэтому, к сожалению, восстановить полностью раннюю историю картографирования Урала, Сибири и Дальнего Востока невозможно. Однако в наших архивах, особенно в московском Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), сохранилось множество документов XVII века, из которых можно извлечь немало новых сведений по истории древней русской картографии. В связи с 250-летием Екатеринбург-Свердловска интересно вспомнить о самых ранних русских чертежах того района верхней Исети, где в 1723 году возникла будущая столица Урала.

И С Е Т Ь НА ВОСЬМИ ЛИСТАХ

Этот чертеж верхней Исети, сделанный в 1697 году, очень примитивен. До сих пор в нашей печати он еще не воспроизводился. Да и увидеть его советские исследователи смогли немногим более десяти лет назад (о том, почему и как это получилось, рассказано в очерке историка Е. А. Князечкой в № 1 «Уральского следопыта» за 1973 г.). Поэтому до сих пор чертеж никто подробно не изучал. Между тем для уральских следопытов он, несмотря на свою примитивность, — сущий клад. Его только надо правильно понять. Каких только подробностей нет на нем! Но об этом позже. Сперва же необходимо рассказать историю его возникновения.

...В январе 1696 года московский Сибирский приказ, ведавший тогда русскими землями от Урала до Тихого океана, направил во все концы Сибири распоряжение срочно приступить к составлению подробных чертежей всех вое-

водств этого края. В Тобольске вести эти работы поручили бывалому живописцу-чертежнику Семену Ульяновичу Ремезову. Чтобы чертеж воеводства был сделан с наибольшей точностью, Ремезов сам отправился «писать многие реки» воеводства и, в первую очередь, еще недостаточно хорошо известные реки центральной части Урала, которыми тогда ведал Тобольск.

В конце октября Ремезову вручили «наказную память» (инструкцию), которая гласила: «И ему, Семену, приехав Тобольского уезду во остроги и слободы по Исети и по Нице и по Пышме и по Тоболу и по Миясу и по Туре и по Тавде рекам те остроги и слободы и деревни и ясные волости описать со всякими урочищи и с малыми речками и озерами и написать все на чертеже».

Исполняя этот наказ, Семен Ремезов зимой 1696—1697 гг. и появился на реке Исети. И именно тогда он смог побывать на месте будущего Екатеринбург-Свердловска. Исеть он изобразил на восьми листах!

Тобольские власти остались довольны работой Ремезова. И уже летом 1697 года все чертежи Исети и других рек Урала были включены в специально сделанный для Москвы атлас — «Чертежную книгу части Сибири» (Урал в те времена считался частью Сибири). Вместе с большим сводным чертежом «части Сибири» осенью того же года атлас послали Петру I. В Тобольске же Ремезов оставил у себя копии отправленных чертежей, среди них и тот самый чертеж верхней Исети, о котором пойдет речь.

Поскольку здесь невозможно воспроизвести все восемь чертежей Исети, рассмотрим тот из них, на котором изображен район буду-

шего Екатеринбург-Свердловска. Он позволяет получить достаточно ясное представление о том, что же здесь было еще за четверть века до основания города.

В самой вершине Исети видны хорошо известные свердловчанам озера «Половинное» и «Дикое», они уже так именовались в XVII веке!¹ Из них вытекают реки, впадающие в озеро «Глухое», из которого, в свою очередь, течет река «Черная», впадающая в озеро «Исецкое». А далее есть еще одно озеро, названное уже так: «О. Исетское». Между ними течет река «Исеть». В верховьях Исети надпись: «Ход зимою день» (слово «ход» по традиции той эпохи давалось одной буквой «х»). А около Исетского озера несколько неожиданный надпись: «От слободы 6 чумкасов». Что означает эта таинственная надпись? Какая такая слобода была тут на расстоянии 6 чумкасов (забытая ныне зырянская мера длины, которая приблизительно была равна 5 русским верстам)? На карте ее нет.

Сбоку в озеро «Исетское» впадала река «Язевка», берущая начало из озера «Вшатъ». Это, несомненно, озеро Вашты, но, быть может, в старину оно называлось «Вшатъ»?

В озеро «Вшатъ» впадает речка, вытекающая из озера «Шиты» (Шитовское). А рядом надпись: «О(зером) владели мурцины». «Мурцины», очевидно, местные жители, по которым и получило позднее свое название село «Мурзинка», возникшее в 1760 году. Но пока нам не ясно, кто же были «мурцины» — татары или представители какой-то другой народности.

Вот и ниже устья реки «Сарыж», впадающей в Исеть, справа стоит надпись «Брод татарской». Следовательно, в тот период здесь встречались татары. Затем, с левой стороны на изгибах реки стоит слово «Баярди» — вероятно, это название рода местных жителей, может быть тех же татар.

Еще ниже в Исеть справа впадала река «Иптуз», а далее вниз по течению из болот течет река, на которой показаны три селения: деревня «Боляшкина», «Уптуз» и «Нижний Уптус». Вероятно, это река Уктус (современная Патрушиха), давшая название поселку.

Говорят, что слово «тус» на языке манси означало «устье», а «Ук» или «Ух» — собственное имя. Таково мнение краеведов А. Ф. Теплоухова и А. А. Анфиногенова. Есть утверждения, что название произошло от башкирского выра-

жения «иок тус» («соли нет»), но это мало правдоподобно. А что в ином случае означает часть слова — «уп»? Может быть, именно оно поможет раскрыть тайну имени?

Кстати, вблизи селения «Нижний Уптус» пунктиром или, как в старину говорили, «крапинами» обведен «Крутой лог». Это, несомненно, древнейшее изображение ныне известных всем спортсменам Уктусских гор.

Далее на чертеже можно встретить названия, знакомые нам и сегодня: река «Источки» (современный Исток), «Слобода Арамилска» (она особо выделена Ремезовым как крупное селение), деревня «Емелина», названная так по имени ее основателя, большая река «Арамилка», на которой показаны сверху вниз: на правом берегу — деревни «Лугова», «Седельникова», «Омелина» и «Темная», на левом — еще две деревни без названий. Значит, все эти селения гораздо старше Свердловска!

Загадочно название деревни «Ислани чюсви». Видимо, «чюсви» — это этноним или название какого-то народа. Вероятнее всего, именно от этого этнонима и возникло название реки Чусовой, которая в старину чаще именовалась «Чюсовой». «Ислани чюсви», возможно, когда-то был особым «выселком» рода или народности, жившей в прошлом на берегах Чусовой.

В опубликованной в Голландии «Чертежной книге» С. У. Ремезова имеется еще два чертежа реки Исети. Они тоже представляют интерес для краеведов Урала.

ПО ЗАКАЗУ ВОЕВОДЫ ГОДУНОВА

Ремезовские чертежи Исети были не самыми ранними. Уже давно исследователям известно, что еще на чертеже Сибири 1667 года, составленном под руководством известного тобольского воеводы П. И. Годунова, было уделено немало внимания реке Исети. В росписи этого чертежа описанию реки посвящены даже две специальные статьи: частично «четвертая» и полностью «пятая».

Из текста этих статей видно, что тобольский воевода использовал новый чертеж для того, чтобы определить по нему, как следует разместить отряды русских

драгун на Исети для обороны Урала и Сибири от грабительских набегов башкирских феодалов. Уже тогда П. И. Годунов планировал создание одной из русских крепостей — на берегу... «озера Исети». Здесь он хотел создать «острог» (селение, окруженное высоким забором из заостренных кольев — «острожин») и поставить целую роту драгун.

Если бы этот план тогда осуществился, то сейчас мы бы праздновали 300-летие Свердловска! Годунов надеялся поставить острог в начале 70-х годов, но вскоре был оклеветан и устранен со своего поста. Остался лишь чертеж, помеченный датой 15 ноября 1667 года, на котором подробно показана река Исеть с намеченными к строительству новыми русскими крепостями.

Но каково было удивление исследователей, когда лет 70 назад нашлись пять копий общих чертежей Сибири 1667 года и на них вообще не оказалось никаких изображений крепостей-острогов, задуманных Годуновым. Сама же Исеть была на них изображена очень примитивно, без тех подробностей, которые перечислялись в тексте росписи.

Но ведь «роспись» — это опись того, что обязательно должно быть на самом чертеже! Как же так? Ведь сам воевода Годунов и в других своих «отписках» не раз утверждал, что он на своем чертеже Сибири 1667 года показал все места, на которых он собирался поставить новые русские крепости!

Сомнения еще более возросли после того, как в самом конце XIX века архивист Н. Н. Оглоблин впервые установил, что на чертеже Сибири 1667 года применялись особые условные знаки — «Знаки, по чему узнавать в чертежу горды и остроги, и слободы, и реки, и озера, и волости, и зимовья, и кочевья: «в» — волость, «г» — город, «з» — зимовье, «к» — кочевье, «м» — монастырь, «о» — острог, «р» — река, «с» — слобода».

Однако на найденных схематичных копиях чертежа 1667 года вообще не было изображений во-

¹ Здесь и далее названия в кавычках взяты с «чертежа».

лостей, зимовьев, кочевьев и иных подобных подробностей!

В чем же дело?

Тайну этих странных несоответствий между текстом росписи и общими чертежами Сибири 1667 года помог раскрыть один из чертежей Исети С. У. Ремезова (рис. 1).

Присмотритесь к нему: у него тоже даны условные обозначения в виде отдельных букв. Но эти обозначения Ремезов употреблял лишь на подробных чертежах рек, которые были сделаны для так называемой «Хорографической чертежной книги», выполненной в качестве приложения к общему «Чертежу части Сибири». А сам Ремезов указывал, что тобольский общий чертеж Сибири 1667 года был сделан «без прилогов селищ и волостей и немирных землиц».

Эта странная оговорка долгое время оставалась непонятой. И лишь теперь стало ясно, что в старину общие чертежи часто делались с особыми «прилогами» в виде особой чертежной книги (атласа), куда включались различные дополнительные чертежи и росписи.

Перечень отсутствующих «прилогов», сделанный Ремезовым, явно говорит за то, что у чертежа Сибири 1667 года были какие-то другие «прилоги». Если в «Хорографической книге» 1697 года, сделанной явно по образцу ранее существовавших аналогичных чертежей, оказалось множество подробных чертежей отдельных сибирских рек, то невольно напрашивается вывод, что и общий чертеж Сибири 1667 года располагал множеством таких же подробных чертежей отдельных рек.

В архивах удалось разыскать документы, восстанавливающие основные моменты в истории создания в 1667 году отдельных чертежей Исети!

В одном из тобольских документов, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов, составленном 5 июля 1667 года, оказалась следующая запись: «А по чертежу и по скаске знатцов мочно от Китайского острогу до Тоболу реки ездю на трех днищах построить засеки и вал и острожки и приходу де воинским на слободы Тобольского, Тюменского, Туринского, Верхотурского уездов отнюдь не будет и ис тех деревень, где солдаты были от слобод в разных местах поселить драгунов в одном месте у крепостей, где поделаны будут меж слобод и деревень крепости. И тех мест послано высмотреть и сметить и описать...»

Эта запись, во-первых, говорит о том, что еще до 5 июля 1667 года в распоряжении тобольского воеводы П. И. Годунова был какой-то ранний чертеж реки Исети, по которому он уже высказал некоторые свои соображения относительно строительства на Исети военных укреплений.

Во-вторых, выясняется, что еще до этого дня воевода послал кого-то из служилых людей произвести новый осмотр района Исети, который они должны были «высмотреть и сметить и описать», а значит, составить новый подробный чертеж всей реки. По этому новому чертежу П. И. Годунов и принял свое окончательное решение о строительстве военных укреплений на Исети. И этот чертеж, а он, вероятно, состоял из нескольких листов, П. И. Годунов в ноябре 1667 года и включил в особую чертежную книгу, которая была приложена к общему схематическому чертежу Сибири 1667 года.

Так все встало на свое место, и все недоумения, которые раньше мучили исследователей, были разрешены. И сейчас можно только удивляться, как это не случилось раньше. Ведь еще сам Ремезов, восхищаясь чертежом Сибири 1667 года, особо подчеркивал, что по нему можно получить самые подробнейшие сведения по географии Сибири, даже о селениях, расположенных на очень близком расстоянии, скажем, в пять верст и меньше! Очевидно, что на общих чертежах Сибири все эти подробности установить было невозможно.

К сожалению, чертежи Исети, сделанные в 1667 году, не дошли

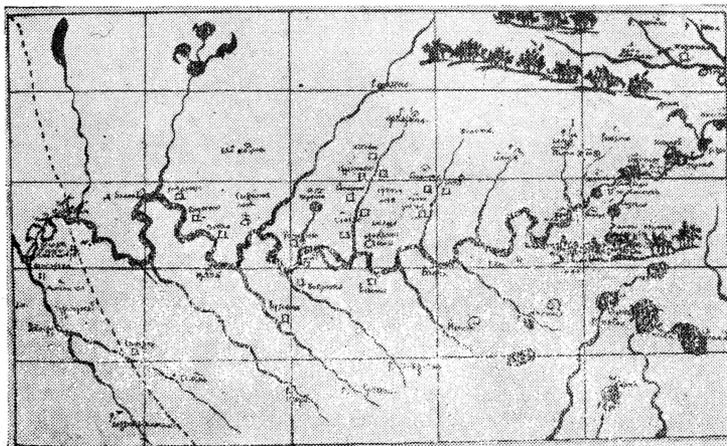
до нас. Возможно, их уничтожили те новые воеводы Тобольска, которые по распоряжению царя Алексея Михайловича весьма рьяно принялись исправлять «ошибки» П. И. Годунова. Могли уничтожить эти чертежи как «устарелые» и несколько позже, когда появились новые.

Сравнительно недавно (только в 1966 году) историкам стало известно, что еще один подробный чертеж Исети был составлен в 1671 году. По архивным документам выяснилось, что весной того года тобольский воевода И. Б. Репнин вызвал к себе служилого человека Самойла Блудова «да приказной избы подъячего» и приказал им «с вершины Исети реки до устья тех крепостей, которые преж сего построены и где доведетца вновь построить досмотрети и чертеж учинить...»

30 августа, как гласят документы: «Самойло Блудов в Тобольск приехал и подал роспись и чертеж».

По новому чертежу видно, что Блудов предлагал «вновь поставить острожков от Китайского острожку до Чюсовой реки в пяти местех». И опять одним из таких мест был намечен район Исети. Но воевода И. Б. Репнин вскоре покинул Тобольск и новые воеводы предали этот план забвению.

Чертеж Исети Самойлы Блудова также не дошел до нас. Лишь недавно выяснилось, что какой-то ранний русский подробный чертеж Исети еще в конце XVII века попал в далекую Голландию.

Верхняя Исеть.

И С Е Т Ь НА КАРТЕ ВИТСЕНА

Исследователи давно уже установили, что самой первой иностранной географической картой, на которой дано относительно достоверное изображение всей Сибири, была знаменитая карта «Северной и Восточной Татарии» голландского ученого Николая Витсена, формально датированная 1687 годом, а фактически изданная в Амстердаме в 1690 году.

Во всем мире сейчас сохранилось всего лишь несколько экземпляров этой уникальной карты, и один из них хранится в ленинградской Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Река Исеть здесь изображается вытекающей из Исетского озера («Jset lacus»). С левой стороны дан приток Каменка, в верховьях которого показан поселок «Koptzedal». Так искажено уральское название «Колчедан», которое именно тогда впервые было закреплено в названии известного минерала. Витсен знал, что это название у местного населения означало «огненный камень».

Вблизи Исети на карте четко показана легендарная «Ермакова гора», где согласно легенде Ермак прятал свои вывезенные из Сибири богатства. На самом же деле эта гора была местом вре-

менного лагеря Ермака во время его похода вверх по Чусовой и далее на восток через Серебрянку, которая, кстати сказать, тоже изображена на карте.

Особый интерес имеет изображение знаменитой Аралтовой, или Улотовой горы «Oergalske sive Oelotova Montes». Это подтверждает догадки тех исследователей, которые указывали, что название «Урал» возникло от имени этой горы.

Интересно отметить, что именно Н. Витсен первый ввел в западноевропейскую географическую литературу название «Уральская». Даже в самой России Уральский хребет называли тогда просто «Камнем» или «Каменным поясом!» И уже тогда Витсен первым из иностранцев указал на своей карте на горные богатства Урала: «В этой горе находят железо, хрусталь, «русское стекло» и нечистые гранаты».

Несомненно, что все эти подробности Витсен заимствовал из какого-то русского географического чертежа. Но какого именно?

Сам Николай * Витсен утверждал, что он положил в основу своей карты чертеж Сибири 1667 года и его «прилоги».

При этом Витсен сетовал на то, что он не смог на своей карте нанести некоторые притоки реки Исети и некоторые исетские поселения. Он даже часть из них перечислил. Их стоит привести — это важно для ураловедов.

Вот подлинные слова самого Витсена: «...Исеть это река в Сибири, у которой есть притоки, которые в виду недостатка места не были нанесены на мою карту...» Далее шло перечисление таких названий как «Moes» (видимо, Миасс), «Kamieska» (Каменка), «Torsok» (конечно, Терсюк), «Kisilbas» (очевидно, это «Кысылбаска» старинных чертежей Исети), «Jetskien» (Ичкина), «Moslenka» (Маслянка) и другие.

Но кроме этих, легко поддающихся расшифровке, названий встречаются и такие, над которыми современному географу и историку приходится задуматься. Что значат такие, например, как «Potozsa», «Kasiewani», «Kadoska», «Rosazgha» — нам пока неясно (вот интересная задача для уральских краеведов — разгадать это!).

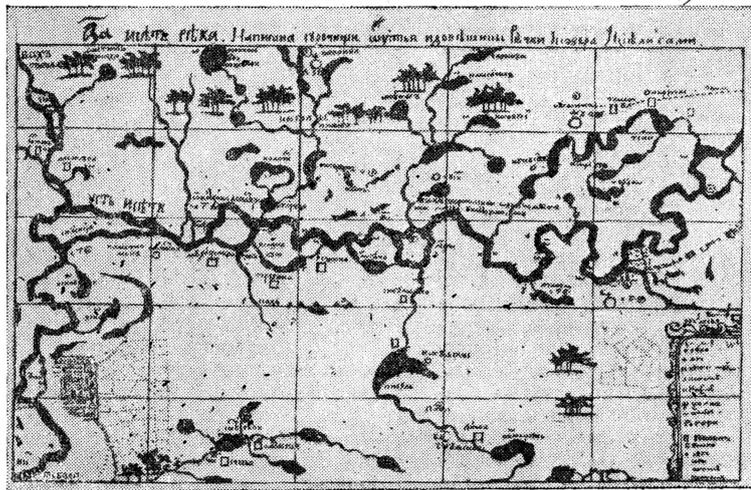
И все же некоторые из них можно предположительно раскрыть. Вот, например, на карте два загадочных названия: «Kaга» и «Oelania». По отдельности они ничего не говорят. Но стоит их соединить вместе, как они дадут... реку «Караульню» (как это получилось, расскажем ниже). Или еще такое: «Tzafriensko». Из текста самой книги Витсена выяснилось, что так он называл... Шадринск.

Исторической загадкой, заданной Витсеном, можно считать приведенные им «Калмыцкое мольбище» на Исети (как калмыки появились на этой реке?) и «Миасский монастырь» (о таком историки не слыхали).

Подробное изучение истории создания карты Николая Витсена позволило установить достоверно, что основную часть своей карты, в том числе и район всего Урала, он смог закончить уже к 1680 году, а это означает, что Витсен пользовался при этом русскими географическими чертежами, созданными более чем за 40 лет до основания Екатеринбурга-Свердловска.

Заманчиво было бы разыскать эти древние чертежи, но, видимо, они давно уже погибли. Витсен умер в 1717 году бездетным, и весь его обширный архив был распродан с аукциона. Неизвестно, нашлись ли в Амстердаме покупатели на рукописные русские чертежи отдельных рек Сибири. Скорее всего уже тогда их выбросили «за ненадобностью»...

Но даже не располагая этими чертежами, по некоторым ошибкам Витсена сейчас можно опре-

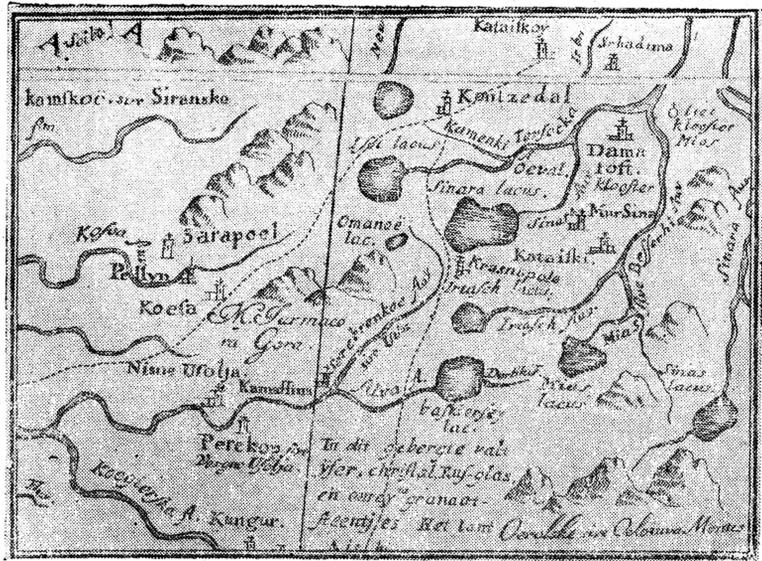
Нижняя Исеть. Чертежи С. У. Ремезова, 1697 год.

делить особенности иных надписей на том не дошедшем до нас русском чертеже Исети, которым пользовался Витсен. Вспомните, как курьезно он разбил название реки Караульни — «Кара» и «Ульня». Можно уверенно сказать, что это название было на русском чертеже написано «ле-сенкой»: сверху «Кара» и ниже «Ульня». Точно так же, вероятно, выглядело на русском чертеже и название Мурзинки, потому-то у Витсена и появилось странное название: «Mir Sina». Не случайно и «Долматов монастырь» на его карте превратился в «Даматофф». В те времена в России существовали так называемые «выносные согласные»: их писали над строкой и всегда небольшого размера. Буква «л» в названии «Долматов» была явно вынесена над строкой, а Витсен ее не заметил!

Изучая изображение района Исети на карте Витсена, не надо забывать, что кое-какие подробности голландский картограф мог внести и по имевшимся у него географическим описаниям, часть которых он опубликовал в своем знаменитом труде «Северная и Восточная Татария» — невероятно большой книге, объемом в 123 печатных листа!

Сибирская часть этой книги теперь готовится к печати. В ней оказалось немало интереснейших сведений и об Урале, в том числе и о районе современного Свердловска. Так, Витсен писал: «От устья Синары до устья верхней Каменки — 60 верст. Оттуда до озера Исетского — 30 верст. Эти места граничат с башкирскими татарами. Они укреплены и снабжены военным гарнизоном из опасения, что (башкиры) начнут влину с ними». В другом случае встречаем: «Арамилъ — поселок на реке Исети, где находят много железной руды и магнитного камня, в особенности на расстоянии восьми миль отсюда». И, конечно, отдельные такие сведения Витсен использовал при уточнении своей знаменитой карты, благодаря которой уже весь мир смог узнать впервые и о существовании реки Исети, на берегах которой впоследствии выросла столица Урала — город Екатеринбург-Свердловск.

Карта Витсена подтвердила существование подробных русских чертежей Исети, созданных еще в 60—70-х годах XVII века. Естественно возникает вопрос: но когда же был создан самый ранний из них?

Часть «Карты Татарии» Н. Витсена (1690 год) с изображением верхнего Приисетья.

САМЫЙ РАННИЙ

К сожалению, до сих пор историки не могут дать определенного ответа на этот вопрос. Можно лишь поделиться некоторыми более или менее правдоподобными догадками на сей счет и, кто знает, быть может, именно эти соображения впоследствии помогут уральским историкам-следопытам достоверно решить вопрос.

...Еще при Борисе Годунове, в 1598 году, в Зауралье — «за Камень» — были посланы служилые люди, некий Дьяков и его товарищи, чтобы собрать сведения по географии «закаменных новых земель» для составления достоверного чертежа этих далеких восточных районов. Уже тогда русским «чертежникам» удалось нанести на бумагу первые примитивные изображения рек Туры, Ницы и даже «реки Пыш» (Пышмы!) Но об Исети, которая расположена так недалеко от Пышмы, тогда еще не удалось ничего узнать.

В 1626 году после большого пожара в московском кремле, когда в огне погибли многие документы, в том числе и ранние русские чертежи восточных земель, в Тобольск была направлена «наказная память», которая обязывала тобольского воеводу А. Хованского провести широкие картографические работы по всей тогда известной части Сибири. Но и на этот раз река Исеть оказалась

вне внимания сибирских «чертежников».

Нет ее и на составленной в 1633 году особой «Росписи сибирским городам и острогам, которой город или острог, над которою рекою стоит...»

Конечно, все это объяснялось тем, что русские стали заселять Исеть сравнительно поздно.

Дореволюционные историки чаще всего связывали начало заселения русскими реки Исети с именем легендарного инока Долмата — основателя известного Долматова монастыря. И относили это событие обычно к 1650 году. Однако новейшие исследования советских историков, в первую очередь А. А. Кондрашенкова, показали, что все эти сведения неточны.

Во-первых, документально установлено, что Долматов монастырь возник еще в 1644 году, а, во-вторых, инок Долмат (в прошлом бывалый казак Дмитрий Иванович Мокринский) пришел на Исеть, когда там уже жили первые русские крестьяне, которые заселили эти земли без ведома русских властей, но с согласия владельца этих земель татарского мурзы Илегея (уж не от этого ли мурзы возникло название Мурзинка?). Первыми здесь поселились выходцы из Ирбита и Невьянска. Благодаря исследованиям А. А. Кондрашенкова имена двух из них стали известны нам: Королев и Шипицын. Уже в 1646 году Д. И. Мокринский смог завладеть некоторыми землями русских посе-

ленцев и тем самым расширить владения Долматова монастыря.

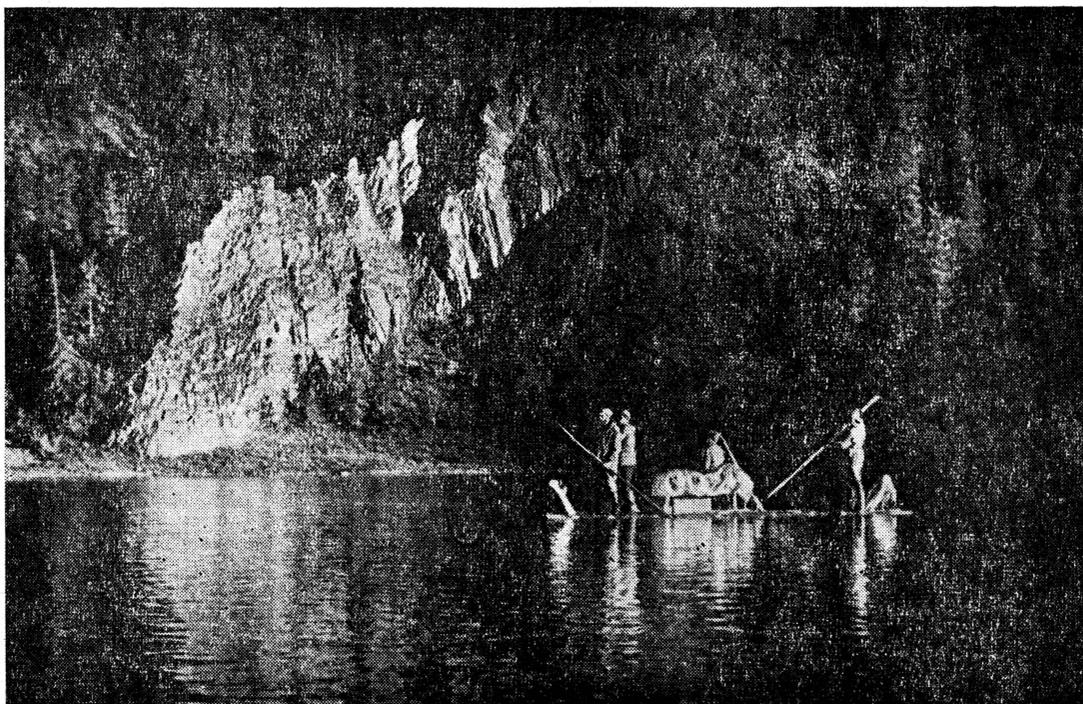
С конца 40-х годов XVII века русские крестьяне стали все чаще и чаще самовольно переселяться на берега Исети. В 1650 году казак Давыд Андреев основал самое крупное русское поселение на нижней Исети во второй половине XVII века — Исетский острог. Спустя пять лет появился еще один крупный острог — Китайский (уже

в верховьях реки). Наконец, в 1662 году «на Шадрине заимке», то есть у заимки, принадлежавшей тобольчанину Ефиму Шадре, был основан город Шадринск.

В XVII веке в Сибири существовал порядок: при начале освоения той или иной реки обязательно составлять ее чертеж. При основании новых острогов также делались новые чертежи самого острога и прилегающих к нему земель.

Все это позволяет уверенно сказать, что в 40—50-х годах XVII века уже должны были появиться первые чертежи Исети. К сожалению, документальных сведений о них пока еще не обнаружено.

Возникает вопрос: можно ли надеяться на находку таких сведений в будущем? Опыт работы в архивах говорит за то, что такое вполне возможно.

НА СЕВЕРНОМ УРАЛЕ

Фото В. Малахова (г. Тула)

алеко не каждый кружок юных археологов получает право на самостоятельные раскопки. А вот члены клуба «Легенда» Дворца пионеров города Волгограда пользуются доверием Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции Института археологии Академии наук СССР. Только во время последней экспедиции ребята с одобрения ученых обследовали 21 курган погребений древнего человека.

Могилы сарматских воинов и сарматской знати сохранили множество уникальных вещей: костяные поделки, украшения, предметы обихода, сосуды. Даже в курганах, разграбленных в давние времена золотоискателями, юным археологам удалось найти украшения и драгоценности.

О древней истории родного края ребята рассказывают колхозникам, механизаторам, школьникам окрестных сел.

ионерской дружине школы № 238 города Ленинграда присвоено имя героев Ораниенбаумского плацдарма. На торжественной линейке, посвященной этому событию, присутствовали ветераны дважды Краснознаменного Балтийского флота и ордена Ленина Ленинградского военного округа. Они поделились с ребятами своими воспоминаниями.

Право называться дружиной имени героев Ораниенбаумского плацдарма школьники заслужили благодаря большому поиску. В результате этого поиска в школе был создан музей боевой славы защитников «пятакка», с которого 29 лет назад началось полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады.

ного лет учащиеся Солигаличской средней школы Костромской области изучают историю целебных источников, расположенных на территории их района, по притокам реки Костромы — Светице и Сельме. Ребята нашли документы, в которых указывалось, когда проводилась первая проба воды для лечебных целей.

Особенно интересные материалы собрали следопыты о выдающемся ученом, профессоре химии и знаменитом композиторе Александре Порфирьевиче Бородине. Летом 1858 года он приехал из Петербурга в Солигалич, исследовал состав минеральных вод, наблюдал за лечением больных. Результаты своих наблюдений ученый опубликовал в специальной работе «Солигаличские соляно-минеральные ванны».

А через сто лет построенному здесь санаторию было присвоено имя А. П. Бородина.

ксперимент «Поиск» проводят учащиеся Троицкой средней школы Сахалинской области. Цель его — ответить на вопрос: как влияет облучение на урожайность сельскохозяйственных культур, семян деревьев и кустарников. Задача нелегкая, требующая терпения и специальных знаний. Вместе с членами школьного лесничества ребята высадили облученные семена и сейчас ведут наблюдения за их ростом.

Участники эксперимента «Поиск» побывали на Курилах и в Приморье, много километров прошли по острову Сахалину. В походах они собирали лекарственные растения, образцы дальневосточных древесных пород, коллекции обитателей Александровского моря: морских звезд, ежей, ракушек.

Дмитрий БИЛЕНКИН

Рисунки Е. Стерлиговой

— Его состояние?

— Делаем, что можем, — уклончиво ответил главврач.

Он с сомнением разглядывал посетителей. Кто они такие? Тот, что постарше, с сединой в висках и благодушными манерами, хорошо смотрелся бы за столиком ресторана. А вот молодой производил впечатление рашпиля, — таким жестким и колючим было его лицо. Похоже, не друзья и, конечно, не родственники больного, хотя оба возбуждены. Еще какой-то футляр у левой ноги молодого посетителя, громоздкий, почти квадратный, никто с таким в больницу не ходит. Сундук-то зачем?

— Думаю, пора объясниться, — старший посмотрел на молодого. Тот кивнул. — Разрешите представиться: профессор кибернетики Саркизов Иван Семенович. Мой друг, — легкий наклон головы в сторону, — Чикин Артур Сергеевич. Кандидат наук, литературовед. Дело у нас к вам сугубо научное и не совсем обычное.

— Так, так, — сказал главврач.

— Нам известно, что положение Илляшевского безнадежно.

— Безнадежна только смерть, — возразил главврач.

— Допустим, допустим! — округло взмахнул рукой кибернетик.

— Но надежда либо есть, либо ее нет. Тон и смысл ваших слов заставляют предположить...

— Что вам нужно?

— Это не так просто объяснить, — профессор смущенно поерзал. — Илляшевский — писатель, возможно, вы читали его книги.

— Нет.

— Неважно. Писатель он некрупный, но настоящий. То есть у него было свое видение мира, свой стиль, и работал он честно, причем не обольщался размерами своего дарования. Что ж, литературе необходим и скромный талант, если он уникален. Так было с Илляшевским. Это достойная жизнь, которая вплетается, может быть, малозаметной, но добротной нитью...

— Очень любопытно, — прервал его главврач. — К сожалению, мое время ограничено.

— И наше, — голос у «рашпиля», как и ожидал главврач, оказался грубый. — Но вы ошибаетесь, если думаете, что мы его тратим зря. Объясните ему напрямик, Иван Семенович!

— Терпение, немножко терпения! — адресованная главврачу улыбка содержала извинение. — Нами разработана методика, которая позволяет — как бы это получше сказать? — выделить, выявить, получить еще не созданные, но зреющие в сознании произведения искусства.

— Что?

— Я выразился, конечно, не совсем удачно, вы уж простите,— улыбка стала почти сконфуженной.— Но тонкости метода, теория, принцип— это действительно отнимет много времени, которого нет ни у вас, ни у нас и еще меньше у Илляшевского. Так ведь?

— Так, — вырвалось у главврача.

— Он без сознания?

— Да. Но я по-прежнему не понимаю...

— Сейчас, сейчас,— заторопился профессор.— Вам, очевидно, лучше, чем нам, известно, что память можно пробудить введением электродов в соответствующие участки мозга. Наш метод, как мы надеемся, даст неизмеримо больше. У человека, который живет творчеством, возникают стойкие образы будущих произведений. Мы уверены, что нам удастся их выделить из подсознания и...

— Вы хотите, чтобы я сделал трепанацию черепа умирающему?! Вы с ума сошли!

— Нет, нет, вы не так нас поняли! Никакой трепанации! Вы же снимаете энцефалограмму?

— Конечно.

— Вот! Наш аппарат столь же безвреден. Надо лишь наложить датчики, этого достаточно. Согласитесь, что датчики не могут повредить Илляшевскому.

— Которому все равно нечего терять,— рубанул Чикин.

Первым желанием главврача после этих слов было выгнать обоих. Возмутила его не техника эксперимента, даже не его содержание, которое он представлял еще смутно. Дело было в самом факте опыта на умирающем. Вот именно: опыт на умирающем!

Он стиснул пальцы так, что они побелели.

— Никто не имеет права,— проговорил он размеренно,— ставить какой-либо эксперимент на человеке без особого его на то согласия.

— Согласие есть,— тихо проговорил профессор.— Вот,— он положил на стол бумагу. Главврач уставился на нее.— Илляшевский знал о наших работах. Знал и доверял. Документ зафиксирован нотариусом, можете убедиться.

— Не надо,— сказал главврач, отодвигая бумагу.— Есть еще долг врача.

— У нас имеются официальные отношения наших институтов! — кибернетик поспешно извлек их.

— Уберите! Может, я отстал и чего-то не понимаю, но я тут хозяин и мне ваша затея не нравится.

— Научное значение эксперимента...

— Возможно. Но есть еще этика и мораль.

Кибернетик отчаянно всплеснул руками.

— Этика и мораль, говорите? — голос литературоведа ворвался, как боевая труба.— Может, еще простая человечность? Тогда ответьте, что вас обязывает бороться за жизнь безнадежно больного человека до последней секунды? Использовать для этого все средства?

— Какое это имеет отношение? — не выдержал главврач.— Кто вы, собственно, такой? Как вы можете сравнивать, вы...

— Сухарь, может, стервятник, да? — Чикин вскочил, дрожа от возбуждения.— Поймите же, наконец, вы, вы поймите, что у нас та же забота, что и у вас! Вы хотите продлить жизнь Илляшевского, и мы хотим того же, только мы можем, а вы нет. Можем другими средствами, неужели неясно? Да разве жизнь человека только функционирование его сердца, почек, желез внутренней секреции? Разве физическим существованием исчерпы-

вается все и вся? Есть дела, мысли, чувства, которые не обязательно кончаются с гибелью тела, а продолжают человека вплоть до бессмертия! Почему, как вы думаете, Илляшевский согласился на опыт? Он верил, верил, что нам удастся продлить его духовное существование! Что ж, он без сознания, почти мертв, губите своей «гуманностью» то, чему он хотел, но не успел дать жизнь. Будьте его...

— Помолчите, ради бога, помолчите! — кибернетика точно подбросила пружина.

Но главврач уже разгадал смысл произнесенного слова. «Будьте его убийцей...». Страшное слово его не смутило, даже не задело, поскольку было несправедливым. Его смутила неподдельная страсть обвинителя. Впервые главврач ощутил в себе неуверенность. Что, если его позиция всего лишь поза заскорузлого профессионала, возмущенного вторжением в привычную сферу чего-то нового, чуждого ему, небывалого? Небывалого, вот в чем, пожалуй, дело...

— Сядьте! — сказал он резко.— Вы видите одну сторону, я другую, а кто прав — неизвестно. Дайте план опыта, публикации, что еще там у вас...

Он погрузился в чтение, немного гордясь своей способностью возвыситься над собственным мнением. Минуты две был слышен только шелест страниц, и главврач чувствовал растущее напряжение тех двоих. Перебарывая себя, он с треском захлопнул папку.

— У вас все готово для эксперимента?

Давно он не слышал такого облегченного вздоха...

Они поднялись на третий этаж, миновали длинный больничный коридор с его тягостной белозной и стойким запахом лекарств. Главврач толкнул стеклянную дверь и жестом пригласил своих спутников войти.

В первый момент он не понял, отчего так позеленели и осунулись лица обоих, даже стал озираться, ища причину испуга. Затем понял, и это вызвало в нем сумбурные чувства.

Полуприкрытое простыней тело Илляшевского казалось плоским, лицо было гипсовым. Бросалось в глаза, что лежачий человек жив лишь благодаря машинам, которые дышали за него, за него качали кровь и очищали тело. Сам человек выглядел мертвым придатком машин,— зрелище, для медика привычное, не вызывающее лишней эмоций, а для постороннего, конечно, удручающее.

Да, раньше умирали иначе...

— Действуйте,— коротко бросил главврач.— Чем-нибудь помочь?

— Спасибо, мы справимся,— едва шевеля губами, ответил Чикин.

«Так-то, приятель,— не отказал себе в удовольствии подумать главврач.— Это тебе не теории, не слова о духе... Какая странная, однако, пара! Напористый, жесткий гуманист и мягкий, весь на шарме, техник. Быть может, дело в возрасте и престиже профессий? Одному еще надо доказывать себя, а у другого под ногами уже ковер».

То, что делали оба, было главврачу не совсем понятно, однако он не вмешивался, машинально следя, не будет ли от всех этих датчиков, оплеток, хитроумных штук электронике какого-нибудь вреда больному, хотя прекрасно сознавал, что тому уже ничто не может ни повредить, ни помочь. Беспокоиться тем более не стоило, что дежурная медсестра, чье безмолвное присутствие едва замечалось, была настороже. И все-таки он тревожился.

Оснований для беспокойства, однако, не было.

— Конечно, я не специалист,— неожиданно для себя заговорил главврач.— Но как можете вы надеяться извлечь из мозга незаконченную повесть или даже крохотный рассказ? Это же не камни в почке!

— Разумеется, нам это не удастся,— буркнул Чикин. Наладка аппаратуры, вытеснив все остальное, вернула его в прежнее колючее состояние. — В лучшем случае мы сможем выделить отдельные образы, сцены... Это-то и важно — заглянуть внутрь творческой лаборатории.

— Ах, так! — язвительно протянул главврач.— Значит, я неверно вас понял, когда вы что-то там говорили о продлении духовной сущности.

— Никакого обмана, уверяю вас! — поспешил вмешаться кибернетик.— Вы убедитесь сами, когда все увидите и услышите.

— Увижу?

— На этом экране.

— А что, если...

— Нет, нет, никаких предсмертных образов! Когда человек без сознания, каскадные фильтры работают надежно.

Главврач с сомнением покачал головой. Ему снова было не по себе, и он сожалел, что разрешил этот опыт. «Вот так же, вероятно, чувствует себя посторонний,— мелькнула мысль,— когда я скальпелем вторгаюсь в чей-нибудь мозг. Неужели это вызывает такой же протест?»

На маленьком экране меж тем возникли какие-то ровные полосы, их сменили размытые пятна лилового. Раздался скрежещущий звук. Главврач вздрогнул.

Сидя на корточках перед замысловатой аппаратурой, экспериментаторы перебрасывались короткими фразами.

— Прибавь потенциал.

— Уже.

— Развертка?

— В норме.

— Может, биоумножитель? Покрути.

— Даю.

— Кажется, лучше.

— Вхожу в контакт. Ага, что-то есть!..

На экране смутно обозначилась наполненная людьми комната. Изображение выглядело странно. И люди, и предметы состояли как бы из намеков. Стол — одна лишь лакированная плоскость с туманными чашечками кофе на ней; ножки стола едва угадывались. Иной человек выглядел тенью, но на мутном лице тени вдруг отчетливо выделялся полуоткрытый, влажно блестящий рот. Эти детали были живые. Главврач даже узнал зажигалку, которой постукивали о стол чьи-то волосатые с кривыми ногтями пальцы,— «Ронсон». Все неоформленное точно искало облик и место. Какой-нибудь стул вместе с человеком неожиданно сдвигался, попутно становясь креслом, чья обивка никак не могла обрести цвет. Губы некоторых людей шевелились, но слов нельзя было разобрать — стоял невнятный шум. То там, то здесь хаотично вырисовывались новые отчетливые детали, как будто изображение обегал какой-то творящий луч.

— Это он так видит! — выдохнул Чикин.— Сначала только детали... Никак не может обрести центр...

Внезапно выделилось лицо женщины лет сорока, умное, чуть ироническое. Когда она заговорила, вздрогнул не только главврач.

— Быть может, вы обратили внимание на одно любопытное обстоятельство,— карие глаза женщины искали в комнате невидимого собеседника.—

Человек из отпуска, подышал свежим воздухом, отдохнул, окреп — и что же? Большинство чаще простужается именно после отпуска, чем до. Должно, казалось бы, быть наоборот. У меня такое впечатление, что организм горожанина сопротивляется всему, что выводит его из равновесия, из сродства с городскими условиями. Возможно, я ошибаюсь, но я замечала это по себе, своим друзьям...

Изображение поплыло. Проступили очертания зимней улицы, но только на мгновение: экран ни с того, ни с сего заняла потная лысина, над которой кружились три мухи. Затем последовал совсем уж бесформенный наплыв. Из шума выделился картавый голос: «Мы зовем его Иди. Сокращение от «идиота...».

— Плохо,— вздохнул кибернетик.— Нет стойких образов или аппарат их не держит. Попробую смежную зону.

— Наоборот, очень, очень интересно,— шепотом отозвался литературовед.— Видел, как формируются образы? А вот с диалогом хуже... Диалог всегда был у Илльшевского слабее описаний.

— Да откуда вы знаете,— раздраженно спросил главврач,— что это образы творчества, а не воспоминания?

Оба подняли головы, точно увидев его впервые. С губ Чикина, казалось, готов был сорваться не слишком дружелюбный ответ, но он тут же забыл о своем намерении — из динамика, набирая силу, донесся мягкий, чуть застенчивый голос:

Когда сошлись лед и пламень,

Что получилось из того?

Ни холодна, ни горяча стекла водича,

Да только и всего.

Так пустота берет...

Голос стал удаляться.

— Настройка! — зашипел Чикин. Кибернетик лихорадочно вращал верньер, и ему, наконец, удалось ухватить обрывок.

...Так пустота берет начало там.

Где спор кипит, слепых страстей катя

за валом вал...

Экспериментаторы обезумели.

— Стихи! — ликующе кричал Чикин.— Но Илльшевский никогда не писал стихов, как же это?!

— А его ли?

— ЕгО! Таких нет в литературе! Ищи же, ищи! Постой, постой...

Пауза оказалась короткой. «Я жизнью пьян...», — неуверенно начал голос. Он окреп. Я жизнью пьян.

Я пью и не могу напиться —

Ее вином.

Меня дразнит и манит океан

Моих желаний...

Тут голос пресекался. Исчез, будто его и не было, сколько ни терзали аппарат.

Главврач помотал головой. Этот голос... Он стоял в ушах. «Я жизнью пьян...». Захотелось крикнуть: да остановитесь же!

Поздно. Остановить этих двоих уже не могли никакие заклинания. Да и сам главврач теперь не мог оторваться, он тоже ждал... Чего? Иногда до него доходили обрывки фраз, которыми взволнованно перебрасывались экспериментаторы.

— Он утаил от нас, что пишет стихи! И в журналы не отдавал. Почему?

— Может, стыдился их несовершенства...

— Положим, в них что-то есть... Хотя... Но аппарат-то, аппарат, а?

— С прозой, похоже, неудача.

— Ну, первая попытка... У нас еще есть время. Доктор... как он там?

Вопрос с трудом проник в сознание главврача. Нахмурившись, он оценил показания контролирующих приборов. Пульс, ритм мозга...

— Можете продолжать,— сказал он.— И не кричите! Здесь вам не...

Он махнул рукой и вышел. Зачем? Дела... К черту дела, сегодня нет ничего срочного. Тогда почему же он вышел? Бешено хотелось курить, но это же не причина...

Человек, почти из могилы читающий едва ли не самые сокровенные свои строчки,— вот что. Вторжение в столь интимное,— с благими намерениями, конечно,— такое может доконать. «А если бы ты создал эту методику, то поставил бы опыт?» — спросил ехидный голос. Да, поставил! Главврачу как бы вдруг и только сейчас открылась вся глубина того, что происходит. Смело, величественно... и страшно. Но подобное уже бывало в науке не раз. И будет. Страшно, потому что ново. И до самозабвения, до ужаса — интересно.

Окурок обжег губы.

Тишина, которая встретила главврача, когда он вернулся, подсказала, что за время его отсутствия что-то произошло. Видны были только напряженные спины экспериментаторов. Главврач тоже наклонился, слегка раздвинув — они этого не заметили — их одеревенелые плечи.

На экране было изображение совсем другого рода, чем вначале. Оно оставалось стойким, по нему не сновали «пятна резкости», звук отсутствовал. Вглядевшись, главврач едва подавил возглас.

...Сумрачный свет огромного собора мерцал кровавым, словно от наваленных внизу трупов поднимались багровые испарения смерти. Весь пласт трупов казался единым запекшимся сгустком с кое-где белеющими пятнами лиц, рук и ног. В кровавых подтеках были стены, сам воздух, и сквозь эту жуткую мглу со сводов пронзительно смотрели черные, как уголь, глаза святых. А посредине собора, на отпрянувшем, с ощеренными зубами, коне, опустив руку с обнаженной саблей, задумчиво и угрюмо на все глядел всадник в чалме.

Главврач совсем растерялся, когда заметил в углу экрана крохотную надпись: «Во имя идеи».

— Что... что это такое?

— Картина,— ответ был дан шепотом.— Взятие Византии султаном Мухамедом. Это его въезд в Святую Софию, храм легко узнать.

— Сцена из ненаписанной повести?

— Нет же! Картина. Живопись. Тут были другие... «Затерт льдами» — там колорит еще лучше. «Потому что еретик». Лицо человека, которого сжигают на костре. Смотрите, вот...

Щелкнул переключатель. Сначала главврач увидел лицо. Запрокинутое, искаженное; такая в нем была мука, что главврач отпрянул. Потом он заметил, что отблеск костра странно высветляет черты лица, сообщая ему что-то помимо муки. И тут он понял главное. Ракурс был взят снизу, так, что наклонен-

ный столб и прикованный к нему человек взлетали в крутящихся языках пламени. Они уходили, взмывали в небо, туда, где в черном просвете дыма распахивалась бездна далеких звезд.

— Так он был еще и художником! Таким художником! — ахнул главврач.

— Был,— последовал ответ.— И не был, потому что не умел рисовать.

— Не умел? — главврачу показалось, что он ослышался.

— Чего-то не хватило. Жизненной энергии? Уверенности? Или кто-то высмеял его первые попытки? Бесполезно гадать. Что не сбылось, то не сбылось.

Главврач с трудом заставил себя перевести взгляд на безжизненное лицо Илляшевского. Вот, значит, как! Скромный литератор. Работяга, обычный человек. Поэт в душе, о чем никто не знал. Автор неосуществленных, быть может, гениальных полотен. Кем он был еще, кем мог стать? «А кем мог стать ты? — устало подумал главврач.— Тоже, вероятно, мог. Могу... Нет, поздно, колея засосала. Все сбывшееся в нас только часть возможного».

— А ваша аппаратура,— спросил он внезапно и с надеждой.— Она не может запечатлеть эти... ну... образы?

Кибернетик кивнул.

— Сами видите, однако, что это лишь заявка, эскиз, мысленный черновик,— он безнадежно махнул рукой.

— Минуточку,— прервал его главврач, заметив поспешные знаки медсестры.

Он быстро подошел к ней, выслушал, дернувшись, метнул взгляд на ленты самописцев. Его плечи медленно приподнялись. Экспериментаторы разом вскочили.

— Слушайте,— главврач обернулся.— Этого не могло, не должно быть, нельзя поверить, но его состояние...

— Лучше! —

— Да!.. Срочно бригаду,— кинул он сестре.— Я сам... Что с вами?

Кибернетик издал звук, похожий и на рыдание, и на смех.

— Ничего,— проговорил он, беря себя в руки.— Ничего. Просто мы на это втайне рассчитывали.

— Рассчитывали?

— Поймите, когда человек без сознания, аппарат до предела, до крайней точки, иначе нельзя получить образ, напрягает его творческий инстинкт. Мы думали, мы надеялись, что для таких, как Илляшевский, жажда жить и творить, в сущности, одно и то же...

— Он будет жить? — спросила медсестра.

— Да... Впрочем, смотря что считать жизнью! — неопределенно ответил главврач. Он вновь пробежал глазами показания самописцев. Лицо его как-то сразу, на глазах у всех, постарело, и он только махнул рукой.

Владимир МИХАЙЛОВ
ИСТОК.
Рига, Изд-во «Лиесма», 1972.
186 стр.

Герои рассказа, давшего название новой книге рижского фантаста, попадают на плане-

ту, где есть и горы, и леса, и лениво текущие реки, и ослепительные моря, и пухлые подушки облаков,— и ничего больше. Ничего, что носило бы следы Разума. Между тем, именно здесь должна находиться обитель древнейшей из известных цивилизаций. Ошибочно проложен курс? Но штурман, который и рад бы признать свою ошибку, не может этого сделать: это означало бы, что ошиблись и Кеплер, и Ньютон, и Эйнштейн...

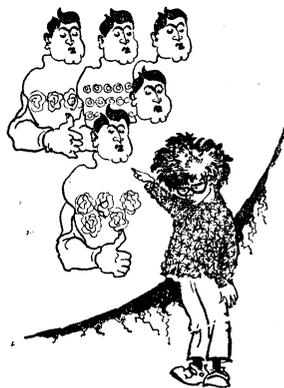
Карэн СИМОНЯН
ФАНТАСТИКА.
Ереван, Изд-во «Айастан»,
1972. 316 стр.

Вечная молодость — хорошо это или плохо? Будет ли счастлив человек, получивший ее? Герой романа «Аптекарь Нерсес Мажан» — центрального произведения сборника — мог бы ответить на эти вопросы только отрицательно: душевная пустота, безразличие к окружающим, полное равнодушие к прошлому и будущему, опустыленное одиночество и невозможность сблизиться с «обычными» — короткоживущими — людьми — вот что принесло ему бессмертие. А выход из этого тягостного положения один: жить не только для себя, но и для других...

Армянский фантаст К. Симонян — автор целого ряда фантастических романов и повестей. Данный сборник — первая его книга на русском языке.

Дмитрий СЕРГЕЕВ
ЗАВЕЩАНИЕ КАМЕННОГО
ВЕКА.

Иркутск, Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1972. 320 стр.
Из-за междоусобиц земтерьяне объединились слишком поздно, чтобы можно было исправить ошибку, допущенную ранее. Цивилизация на Земтере

развивалась по пути искусственного создания наилучших условий для человеческого организма. А привело это к тому, что люди, по существу, оказались в оранжерейных условиях...

В сокращенном виде повесть Д. Сергеева публиковалась в нашем журнале в 1971 году.

Юрий ТУПИЦЫН
СИНИЙ МИР.

Челябинск, Южно-Уральское книжное изд-во, 1972. 280 стр.
Экипаж патрульного корабля «Торнадо» получает срочное задание. Предстоит высадка на Орнитерре — безобидной планете, где по безмятежному розовому небу плывут редкие зеленые облака, а над коврами поющих цветов мечутся бесчисленные рои колибридов, длин-

нокловых крохотных птиц, окрашенных во все цвета радуги. И, однако же, здесь, в этом беззаботном поющем мире, пропали без вести двое землян-наблюдателей, весь состав маленькой научно-исследовательской станции...

Аскольд ЯКУБОВСКИЙ
АРГУС-12.

Новосибирск, Западно-Сибирское книжное изд-во, 1972.
191 стр.

...Планета просто великолепна. Все вокруг — живое, все — шевелящееся. Слизни-титаны, полубесформенные гиганты моуты, порхающие ящеры, цветные караваны летающих медуз. Но для землян здесь — суший ад...

Колонисты разбиваются на две группы. Одни полагают, что выход — в поголовном истреблении слишком буйной местной живности. Мнение других — сграничить свое пребывание здесь исследованием и

творческим преобразованием окружающего; эту планету, считают они, надо беречь, надо переделать ее ужасы в красоту, зло — в добро...

ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ ДЕЛЬФИН

Лягушка и собака — «мученицы науки» — сыграли выдающуюся роль в исследованиях ученых. Теперь у них появился опасный конкурент, или надежный помощник, — все равно, как его назвать, — дельфин.

С уверенностью можно сказать, что дельфин тоже сыграет видную роль в научных исследованиях. А «мучеником науки» он уже стал.

Дельфинами сейчас интересуются ученые многих специальностей — судостроители, гидроакустики, гидробионики, конструкторы подводных аппаратов, гидродинамики, медики, физиологи, океанологи, экологи, этологи, психологи и даже лингвисты.

Как новое лабораторное животное, дельфин оказался очень перспективным. Миролюбивый по характеру, с высоким уровнем своей организации, исключительно терпеливый к разного рода опытам, с замечательными акустическими, эхолокационными, гидродинамическими свойствами, он — прямо находка для экспериментаторов. Исследователи изучают и моделирование кожи стремительно плавающих дельфинов, и секреты быстрого, глубокого и без-

вредного погружения их в воду, и тайны работы огромного головного мозга и органов чувств, и принципы устройства портативного и устойчивого к помехам гидролокатора этих морских млекопитающих. Интересуют ученых и возможности одомашнивания и практического использования дельфинов.

Дельфины составляют самое крупное семейство (почти 50 видов) отряда китообразных и в настоящее время переживают эволюционный расцвет. Они заселили весь Мировой океан — от льдов Антарктики до льдов Арктики.

Различают ряд типов этих морских млекопитающих — быстроходных рыбоедов (дельфины-белобочки и прodelфины), сравнительно тихоходных обитателей прибрежной зоны (морские свиньи), жителей полярных вод и ледовых полыней (нарвалы, отчасти белухи), крупных хищников-мясоедов, нападающих на морских млекопитающих и рыб (косатки), пожирателей головоногих моллюсков и глубоководных рыб (серые дельфины, гринды, малые косатки).

В Черном море, где живут три вида дельфинов (белобочка, афалина и морская свинья), общая численность их в довоенные годы достигала полмиллиона. Ныне запасы их резко сократились.

60—70 миллионов лет назад китообразные произошли от наземных креодонтных хищников, которые под натиском врагов вынуждены были все чаще и чаще заходить в воду. Эволюция протекала в крайне сложных условиях: наземному животному приходилось приспосабливаться к водной среде, сохраняя легочное дыхание, теплокровность, оставаясь живородящим. Миллионы лет естественный отбор совершенствовал выходцев с суши, отработывая у них удивительные приспособления. Произошли коренные преобразования почти всех органов. Форма тела стала обтекаемой, волосной покров редуцировался, задние конечности исчезли, а передние пре-

вратились в грудные плавники, развился своеобразный движитель — хвост с горизонтально посаженными лопастями. Перестроились органы дыхания и кровообращения, размножения и выделения, питания...

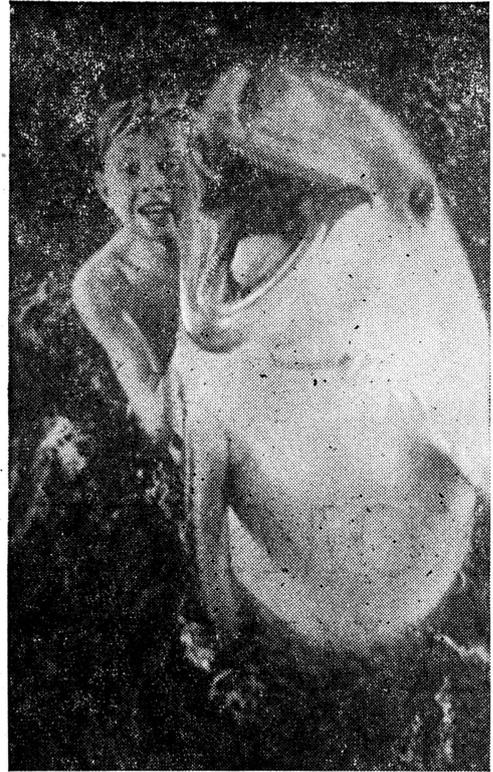
Китообразные заглатывают добычу (обычно только живую) целиком, без пережевывания. Зубатые киты, к которым относятся дельфины, кашалоты и клюворылые киты, — «хвतालщики»: они хватают добычу, как правило, поодиночке, удерживая ее зубами. Усатые киты (к ним относятся полосатики, гладкие и серые киты) — «фильтровальщики»: они ловят пищу (рачков или рыб) большими партиями и процеживают их цедильным аппаратом — китовым усом.

В 1968 году мы с зоологом Д. А. Морозовым, работая в морском вольере и в бетонированном бассейне Карадагской биостанции, установили у дельфинов новый способ добывания пищи — с помощью всасывания. Вначале мы полагали, что пищу всасывают лишь животные с широкой мордой, как морские свиньи. Но киносъемка выявила, что питаются так и дельфины с узкой и длинной мордой. Когда взрослой афалине по кличке Ева бросали горстями хамсу, она без суетливых движений, едва раздвигая края рта, втягивала рыбок с расстояния в 5—10 см. Морские свиньи Витя и Машка и дельфин-белобочка Люська засасывали рыб, даже находясь в ванне с водой.

Некоторые дельфины во время охоты ведут себя весьма «разумно». Недавно зоолог Д. А. Морозов близ Карадагской биостанции с лодки наблюдал охоту на косяк луфарей. Косяк, как карусель, кружился на одном месте, а в ста метрах от него полтора десятка афалин, растянувшись цепочкой, плавали по дуге вперед-назад и не давали рыбам уйти в открытое море. От патрулирующих дельфинов поочередно отделялась одна пара и устремлялась к рыбам. Здесь оба зверя прыгали, хватали крупных луфарей, иногда подбрасывали их в воздух, а затем возвращались к своим сородичам. Им на смену в центр рыбной карусели бросалась другая пара, потом третья и т. д. Дельфины сами заставили рыбную стаю двигаться по кругу. Сначала они преследовали растянувшийся вдоль берега рыбный косяк и уплотнили его, потом резким заходом со стороны моря заставили головную часть колонны сблизиться с хвостовой. И вытянутая стая начала двигаться по спирали. Дельфины этого и добивались: вращающийся косяк дает им возможность сытно пообедать на одном месте.

Черноморские рыбаки не раз наблюдали, как афалины, двигаясь фронтом, загоняли рыб через узкие ворота в Балаклавскую бухту. В Карадагском бассейне мы подбрасывали афалине Еве живых анчоусов. Она, прижимая рыбок к бассейну, вынуждала их выбрасываться на плоский край бетонированной стенки водоема. Однажды недалеко от Карадагской биостанции, около Кузьмичевых камней, на глазах рыбаков афалина загнала саргана в лощинку и заставила его выскочить на сушу. Но, увлеченная охотой, она сама оказалась на берегу. Рыбаки сняли Еву с камней и сбросили в море.

Афалина любит подбрасывать пойманного лобана или кефаль высоко в воздух, чтобы, схватив летящую рыбу, перекусить ее на три части. Средний кусок дельфин проглатывает сам, а голову и хвост «дарит» чайкам.

Верхом на черноморском дельфине.
Фото Н. Барышникова.

Завоевать Мировой океан китообразные смогли потому, что они быстроходны, что у них превосходно развит гидролокатор. Звук для них — важнейший источник информации, поэтому у китообразных лучше других анализаторов развит слух. Дельфины воспринимают не только звуки, но также инфра- и ультразвук, лежащие далеко за пределами слышимости человеческого уха.

Акустические наблюдения за дельфинами производятся с помощью гидрофонов в сочетании с осциллографами и спектрометрами. Когда найдут широкое применение методы звуковидения и спектроны — приборы, преобразующие звуковые сигналы в световую картину, то расшифровка биологического значения звуков расскажет ученым много нового, поможет разгадать нераскрытые тайны в поведении этих животных.

Звуковые сигналы, служащие дельфинам для связи с сородичами, относят к коммуникационным, а сигналы, используемые для ориентации, — к эхолокационным. Из коммуникационных сигналов известны свисты, сигналы питания, беспокойства, страха, спаривания, бедствия и т. д. В свистах заметны видовые и индивидуальные отличия, но в общих чертах они весьма стереотипны. Это доказано учеными, в том числе и советскими, которые проводили исследования звуковой активности черноморских дельфинов в бассейне Карадагской биостанции.

Коммуникационные сигналы дельфинов по своему значению аналогичны лаю собак. По числу таких сигналов — около двадцати — дельфины не занимают выдающегося места среди других млекопитаю-

щих. Например, лиса пользуется 36, а свинья — 23 сигналами.

Разнообразие звуковых сигналов у дельфинов, их способность легко обучаться и при известных условиях копировать слова человеческой речи, а также внешнее сходство мозга дельфина и человека (крупный размер, шаровидная форма, большое количество извилин) дали основание американскому нейрофизиологу Джону Лилли выдвинуть гипотезу о речи дельфинов: будто эти животные имеют язык и способны к осмысленному разговору с человеком, к абстрактному (понятийному) мышлению.

Эта гипотеза, распространившаяся в разных странах мира, не подтвердилась. Дельфины, воспроизводя речь человека, выступают лишь в роли подражателя, причем поугай в этом даже превосходят их.

В настоящее время зарубежные биологи отказываются от этой антропоморфической концепции. Джон Лилли, получивший от военно-морского ведомства США 87 000 долларов на изучение языковой проблемы, не смог доказать правоту своей точки зрения. В 1967 году он закрыл лабораторию на острове Сент-Томас, где проводил эксперименты. Несколько позже он совсем отошел от науки. Так закончился «дельфиний бизнес», принесший значительный доход его инициатору.

Конкретное мышление дельфинов не отличается от конкретного мышления собаки или обезьяны. Дельфин не может решить задачу, если она требует отвлеченного мышления, например, сообразить, что из сети, окружающей его, можно выйти по воздуху с помощью прыжка. Но он безупречно выполняет задание, если оно требует конкретного мышления и лежит в пределах обычных реакций животного.

Что же касается огромного головного мозга дельфинов, то ведущую роль в его развитии сыграла, по-видимому, эхолокация, как важнейшее средство получения информации об окружающем и главный способ ориентации зубатых китов в океане. Способствовало сильному развитию мозга дельфинов также то, что они обитают в двух средах — в водной, а при дыхании — в воздушной.

По эхолокационным сигналам дельфины с большой точностью ориентируются в пространстве, могут свободно плавать с наглазниками в лабиринте из подвешенных металлических стержней, не касаясь их, резвиться на минных полях, определять глубину дна и близость берега, разный характер грунта, величину и качество погруженных в воду предметов. Особенно высока разрешающая способность локация дельфинов в горизонтальном плане, хуже — в вертикальном.

Эхолокационные импульсы дельфинов человек слышит как разного рода скрипы.

Дельфины отлично разбираются в многоголосом хаосе моря, выделяя голоса своих сородичей или звуки, исходящие от организмов, служащих им пищей. Издавая ультразвуковые щелчки, они безошибочно распознают их эхо в хаосе других звуков моря и по времени возвращения и характеру эха получают информацию о находящемся где-то предмете и о расстоянии до него.

Известно, что дельфины уходят из прибрежной зоны перед надвигающимся штормом, который может выбросить их на отмель, улавливают тончайшие изменения в ритме волн и звуковые сигналы, отраженные от береговой полосы и иных предметов.

Появилось несколько гипотез о том, как дельфины «видят» в воде с помощью звука. Одно предположение: дельфины, улавливая эхо посланных звуков, получают представление о предмете в объемном плане. Механизм такого звуковидения изучен еще очень слабо.

Очень интересна концепция биолога В. А. Козака относительно звуковидения кашалота. Оказывается, исполнинскую голову этого крупнейшего зубатого кита можно уподобить гигантскому плавающему «акустическому глазу», в котором есть и «сетчатка», и «линза», и «стекловидное тело», и сложный нервный аппарат. К вогнутой передней стенке черепа кашалота примыкает полость — фронтальный мешок, внутренняя выстилка которого имеет пузырчатую поверхность.

Пузырчатая выстилка выполняет функцию сетчатки, позволяющей воспринимать звуковые образы.

Акустический глаз кашалота, по мнению В. А. Козака, развит выше, чем ухо человека, но ниже, чем глаз наземных млекопитающих. Орган акустического зрения кашалота хорошо приспособлен для работы на глубинах. Это и понятно, поскольку последний этап эволюции кашалота протекал в темноте, на больших глубинах. Добавим, что звуковидение позволяет жить даже слепым кашалотам, так как они хорошо «видят» добычу в полном мраке.

Изучение эхолокационных свойств дельфинов поможет бионикам создать портативные локационные устройства, малогабаритные локаторы и эхолоты, миниатюрные приборы для ориентировки слепых при их хождении по городским улицам.

В ходе эволюции китообразных сформировался своеобразный локомоторный орган — хвостовой плавник, эффективный машущий движитель, приводимый в движение сильной мускулатурой. Однако китообразные передвигаются с высокой скоростью стали лишь тогда, когда научились регулировать гидроупругость плавников. Советские ученые С. В. Першин, А. С. Соколов и А. Г. Томилини установили, что у китообразных происходит автоматическое (рефлекторное) регулирование упругости плавников (особенно хвостового) в зависимости от скорости плавания¹.

Саморегулирование гидроупругости плавников позволяет китообразным двигаться с огромной скоростью, обеспечивает им высокую маневренность, возможность совершать высокие прыжки, скоростные рывки, мгновенные остановки при стремительном ходе и т. д.

Это открытие имеет важное значение для техники будущего, например, для моделирования различных устройств и конструкций с регулируемой упругостью их некоторых частей, для создания машущих движителей.

Очень важный аспект изучения китообразных — область физиологических приспособлений, связанных с погружением на глубины и с длительным пребыванием под водой. Кислород расходуется ими очень экономно, во время ныряния деятельность сердца (пульс) замедляется более чем вдвое и ток крови перераспределяется так, что кислородом снабжаются в первую очередь мозг и сердечная мышца. При длительном погружении эти органы получают кислород из запасов «чудесной сети» — тончайшего раз-

¹ Открытие зарегистрировано Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР 16 февраля 1971 г.

ветвления кровеносных сосудов, своеобразного хранилища богатой кислородом крови. Менее чувствительные к кислородному голоданию ткани (особенно мышцы тела) переводятся на «голодный паек».

Все приспособления в дыхании и кровообращении дельфинов глубоко интересуют физиологов и медиков. Подача крови без пульсаций у дельфинов интересует конструкторов медицинских установок для совершенствования механического аппарата «сердце — легкие». Врачи США в лабораториях на дельфинах изучают проблемы ревматизма и сердечно-сосудистых заболеваний.

Большой интерес представляет проблема изучения водно-солевого обмена у китообразных. До последнего времени считалось, что дельфины не пьют воду. Однако экспериментальным путем доказано, что это не так. Дельфины пьют морскую воду. Как в этом случае организм справляется с избытком соли? Прекращается ли у дельфинов, как у ластоногих, почечное кровообращение на время погружения или имеются другие особенности в выделительных органах? Нет ли у них какого-либо опреснительного механизма, вроде носовых желез, как у некоторых птиц? Изучение дельфина с помощью меченых атомов сулит дать многое в познании его физиологических процессов. Возможно, это поможет изыскать пути для использования соленой воды для питья человека при кораблекрушениях, в случае длительного вынужденного пребывания на море.

Дельфины не болеют кессонной болезнью даже при самом быстром подъеме на поверхность с глубины в сотни метров. В отличие от водолазов дельфин погружается только с одной порцией воздуха нормального давления. Поэтому азот попадает в их кровь в безопасном количестве.

Но нет ли каких-либо дополнительных механизмов, с помощью которых выводится из организма китообразных азот? Не участвует ли в этом, напри-

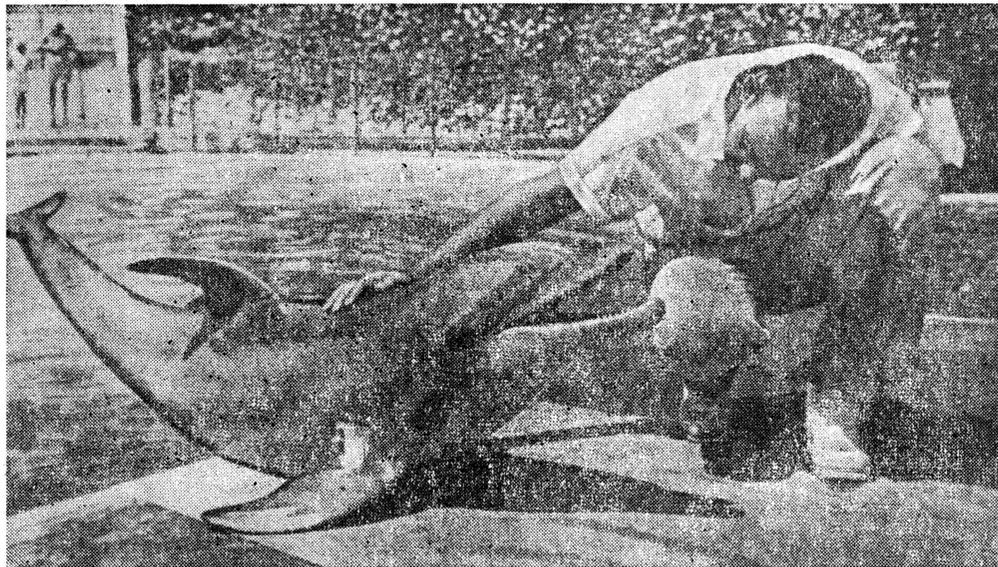
мер, пена, заполняющая воздушные камеры на нижней стороне черепа как поглотитель избыточного азота?

В деле всестороннего изучения океана и его глубин, освоения весьма богатого континентального шельфа неоценимую помощь людям окажут дельфины. Их можно будет использовать как носителей датчиков. Такие испытания уже проводились близ Гавайских островов. Очень послушные животные, дельфины возвращаются по команде человека с больших расстояний, длительное время и даже «охотно» носят датчики на себе.

Как известно, дельфины с большим успехом выступают в водных цирках. Дрессировке поддаются не только афалины, короткоголовые, серые дельфины и гринди, но и самые могучие представители семейства — гигантские косатки. Несмотря на свою грозную репутацию, они тоже очень кротки, послушно выполняют разные номера, стремительно катают тренера на своей спине, выпрыгивают по команде из воды во весь свой рост и т. д.

Дельфины легко дрессируются и вообще они склонны к подражанию. Стоит какому-нибудь из них научиться переползать через низкий барьер из одного бассейна в другой, как опыт его тут же перенимают другие животные.

Теперь обучение дельфинов в неволе начинают с момента их рождения (они размножаются в океанариумах с 1940 года). Дрессированные афалины могли бы стать основным ядром стада домашних дельфинов. Да, одомашнивание афалин — весьма перспективная проблема науки. Тогда можно будет заняться межвидовым и межродовым спариванием дельфинов. Впрочем, гибриды встречаются иногда и в океане. Недавно японские моряки выловили в водах префектуры Ибакари стаю из особей трех

Дельфин-афалина самостоятельно выползает на сушу.

Фото Д. Брауна.

видов — тихоокеанского короткоголового, северного китовидного и южного китовидного дельфина. Известна находка на берегу Ирландии помеси между афалиной и серым дельфином. И в неволе ученым удалось спарить афалину и тихоокеанского короткоголового дельфина, гринду и малую косатку.

Межвидовые и межродовые гибриды высших животных наукой изучены крайне слабо. И опыты с дельфинами подведут исследователей к важному теоретическому выводу о гибридизации, наметят пути образования новых видов морских и наземных млекопитающих.

Одомашнивание дельфинов — не скорое и нелегкое дело. Но у этих морских животных немало особенностей, благоприятствующих этому — они легко дрессируются, быстро вырабатывают условные рефлексы и стойко их сохраняют, они ценят ласковое отношение к себе.

Не исключено, что в Черном море в ближайшие десятилетия советским ученым удастся создать многочисленную группу домашних афалин, которые будут пастись близ берегов и по сигналам являться к человеку для выполнения различных поручений.

Дельфина можно будет использовать в качестве связиста при подводных работах, он станет помощником океанологов как носитель датчиков для сбора информации о солёности, радиоактивности воды, о течениях в океане на различных глубинах, он будет доставлять с морского дна пробы грунта, его можно обучить спасать утопающих, защищать человека от акулы, буксировать пловцов и акванавтов, перевозить грузы, разыскивать потонувшие суда, загонять рыбные стаи в сети...

Дельфин в море может стать не меньшим другом человека, чем собака в доме. Если для приручения собаки требовались тысячелетия, то для одомашнивания дельфина, обладающего сверхразвитым мозгом, понадобится гораздо меньший срок.

К сожалению, за рубежом хотят использовать мелких китообразных для иных целей. Дельфинами заинтересовался Пентагон. Американские военно-морские соединения в Южном Вьетнаме «использовали бурых дельфинов для подводной боевой разведки». Эти животные (афалины) прошли дрессировку в США, они «составляли часть секретной военно-морской операции, имеющей целью оценить полезность использования бурых дельфинов на войне».

Шимпанзе и дельфин-афалина на представлении в Эносимском океанариуме (Япония).
Фото О. Зубарева.

Специалисты военно-морского флота США дрессируют афалин для уничтожения подводных лодок и обучают их находить и ставить мины. «Верхом моральной деградации» назвал видный английский ученый Эшли Монтегю эти «эксперименты».

Советские ученые протестуют против бессмысленного истребления дельфинов и антигуманного их использования. С 1966 года в нашей стране запрещен промысел дельфинов. Это можно считать первым шагом в одомашнивании мелких китообразных. Приручение морских млекопитающих сулит много благ человеку в будущем.

Профессор А. Г. ТОМИЛИН

Экспедиция «Мое Отечество — СССР» шагает по стране. Эти сообщения мы получили с маршрутов экспедиции по Свердловской области.

вой музей пополняют новыми материалами юные краеведы Исовской средней школы. Одна из последних экспозиций музея рассказывает о трудовых делах земляков — мастеров по добыче платины и золота.

Особый интерес вызывают материалы о драге, на которой установлена первая в нашей стране локальная автоматизированная система управления.

лены отряда «Таежник» живут в самом северном городе области — Ивделе. Они помогают геологам искать полезные ископаемые и пишут историю Северной геологической экспедиции. Ребята много километров прошли по таежным урманам Северного Урала и собрали сведения о первых геологических экспедициях в этих местах.

В походах юные следопыты познакомились с работой буровых мастеров, топографов, геологов. Многие из них решили после окончания школы овладеть этими специальностями.

ледопыты города Полевского собрали материалы о реконструкции Полевского криолитового и Северского трубного заводов. Поисковые отряды школ обследовали Бардымский хребет, составили карты экскурсионных маршрутов и памятников природы своего района.

лены клуба «Полюс» города Нижнего Тагила по заданию районного аптекоуправления и краеведческого музея провели несколько экспедиций по изучению запасов лекарственных трав в районе и собрали гербарий из 120 видов лечебных растений.

Много потрудились ребята над составлением карты лекарственных трав. Им нужно было определить, какое место занимает полезное растение в растительных группировках, условия его роста, возможности для его появления в каждом новом году.

И еще одну карту составили ребята — карту мест нахождения редких для края растений: вяза, дуба, ильма, кизильника, липы.

ЗВЕЗДЫ РАССКА- ЗЫВАЮТ О ЗЕМЛЕ

Человек — существо земное, но горизонты его познания никогда не ограничивались только Землей. За века, за тысячелетия до начала эры покорения Космоса пытливый взор наших предков обратился к звездному небу, пытаясь разобраться в его сверкающем однообразии.

Но хотя все эти сияющие точки-звезды на первый взгляд одинаково прекрасны и одинаково недоступны, все же оказалось, что они не так уж и похожи. И к тому же этой непохожестью нужны человеку. Человек научился выделять из «небесного шитья» (так, кстати, некоторые народы называют Млечный путь) определенные «узоры» — созвездия, которые помогали ему найти дорогу в ночной степи, в тайге, в море, определить время, предсказать погоду.

Звезды стали необходимы человеку, и он дал им имена, так же как давал имена горам, озерам, урочищам. Так родилась астрономика (от греческого *астрон* — звезда, *онома* — имя).

Как же созвездия получали свои имена? Напоминающие чертёж, они не имеют ни особого цвета, ни объема, ни размера... Посмотрим, как решали эту проблему народы Урала.

Большая Медведица. Каждый из нас знает это созвездие с детства и каждый, наверное, когда-то недоумевал: почему «медведица»? Чем похожи эти семь звезд на косолапую «хозяйку тайги»? Это же настоящий ковш: четыре звездочки — сам ковш, три другие — его ручка. И появилось в нашем языке выражение **ковш Большой Медведицы**, как замена древнего греческого названия этого созвездия — **Арктос**, то есть Медведь.

Ковшом называют Большую Медведицу многие народы: есть это название в марийском, чувашском, бурят-монгольском, даже в английском языке. Но вот что интересно: у тех же марийцев Большая Медведица имеет и другое название — **Шарды шыдыр** — Лось-звезда.

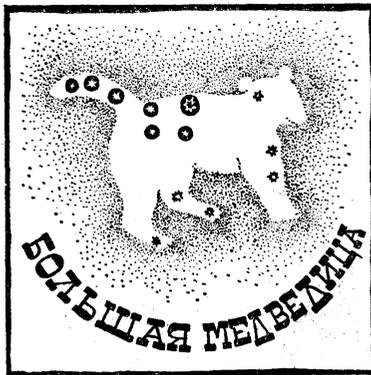
Опять созвездие связывается с образом зверя. Что это? Ошибка? Причуда народа? Или богатое воображение, нами уже утраченное?

О том, что это не ошибка и не причуда, говорит хотя бы тот факт, что название Лось для Большой Медведицы встречается не только в марийском, но и в мансийском, хантыйском, чукотском, эвенкийском, русском и других языках. А отгадку легко найти в мифах и сказках этих народов, повествующих о красавце-лосе, который, спасаясь от охотника, убежал на небо, да так и остался там.

Все дело, оказывается, в том, что наши предки, познавая звездное небо, сближали его с Землей, уподобляя одно другому. «Верхний мир» — небо и «нижний мир» — Земля жили у древних одной жизнью. На земле охотились — и охота продолжалась на небе. Вот убегающий лось — **Соруп** (Большая Медведица), а вот **Мосьхумёсанг-лёнх** — след лыж охотника, оставшийся на небе (Млечный путь). Именно такую картину рисуют нам мансийские названия созвездий.

А вот татарскому и башкирскому народу небо представлялось совсем иначе. Там, где охотник-манси видел лося, снежную тайгу, кочевнику-скотоводу рисовалось «небесное пастбище». В центре — **Темир-Казык** — же-

лезный кол (Полярная звезда), к которому привязаны два коня — белый (Акбозат) и серый (Кокбозат) — Малая Медведица, за ними охотятся семь разбойников-конокрадов Жети каракшы — Большая Медведица — таким предстает ночное небо в названиях звезд у татар и башкир.

Каждый народ видел в небе продолжение Земли и поэтому дорисовывал и дополнял абстрактную звездную картину в соответствии со своим бытом, обычаями.

Вот еще пример. Плеяды (скопление звезд в созвездии Тельца) у манси носят название **Мосьнэ-кол-тагыл** — «дом женщины из племени Мось», или «семья женщины племени Мось», а в уральских народных говорах — **Грудки** (особым образом составленные снопы). Как отчетливо отражается в мансийском

названии уклад жизни древнего народа и как хорошо демонстрирует русское название земледельческие интересы славян!

А как много рассказывает о Земле русское название Млечного пути — **Батыева дорога!** Это подлинный памятник истории русского народа, напоминающий о грозных годах татаро-монгольского нашествия.

Так небо становится отражением земной жизни, в названиях далеких звезд, как и в названиях городов, рек, озер, гор и полей, доходят до нас мифы, обычаи, события жизни наших предков.

Между астрономикой и топонимикой нет резкой границы. Названия земных и небесных объектов часто перекликаются между собой. Выше было приведено название Батыева дорога для Млечного пути. Это же самое название записано в бывшем

Семеновском уезде Нижегородской губернии, но здесь оно обозначает глухую лесную тропу, которая якобы когда-то вела к легендарному невидимому граду Китежу. У кетов — маленького сибирского народа — есть сказание о добром духе Альбэ. Название «**путь Альбэ**» обозначает, с одной стороны, Млечный путь, с другой стороны, — великую сибирскую реку Енисей.

Очень часто топонимы становятся частью названия созвездия. Примером могут служить такие названия Млечного пути, как украинское «**Шлях в Киев**», курдское «**Дорога в Мекку**». Поэтому астрономике можно считать одним из районов страны Топонимин, путешествие по которому дает немало увлекательного и познавательного.

Мария РУТ,
аспирантка Уральского
госниверситета

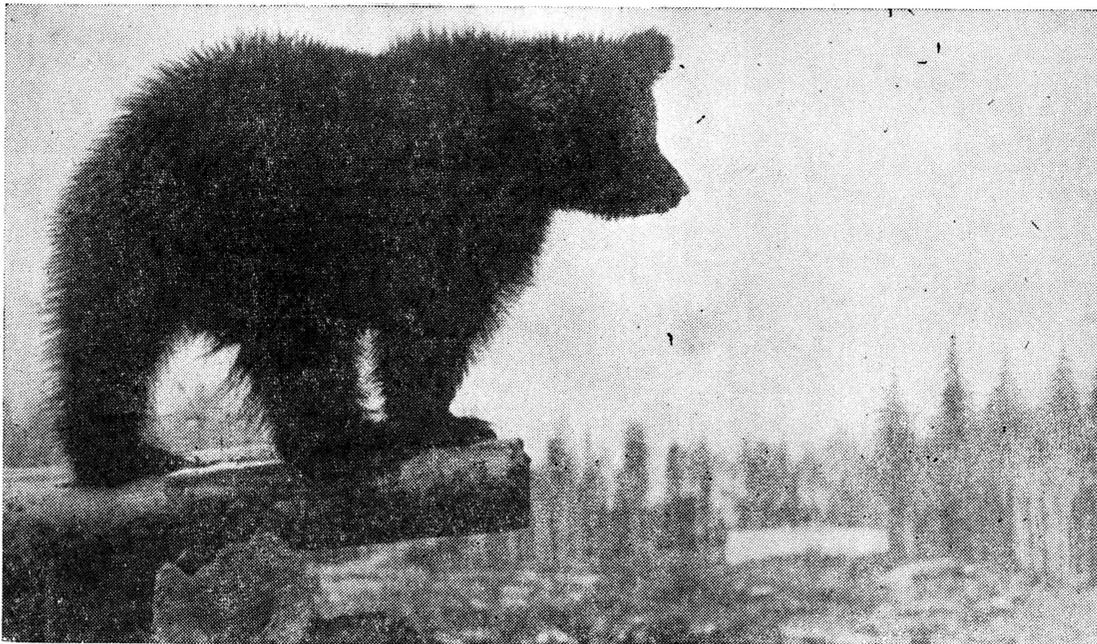

Удача на киноохоте редка. Достичь ее порой бывает мученически сложно. Человеку с киноаппаратом значительно труднее, чем обычному охотнику. Тому не так-то много надо: выследить, подкрасться, грохнуть выстрелом на весь лес — охота закончена.

Казалось бы, тот же путь придется преодолевать и киноохотнику: выслеживать дичь, подкрадываться, подползать, затаив дыхание, прятаться, выжидать. Но, нажимая кнопку съемочного аппарата, вы только начинаете киноохоту. И чем дольше будет находиться зверь или птица перед объективом, тем охота успешнее. А ведь аппарат небесшумен, а зверь и птица пугливы...

Поэтому не измерить радости, когда заснят желанный кадр! Трофей — на пленке. И никто не упрекнет в хвастовстве: у вас надежное доказательство — вот оно, снимок. Но...

ОСТАЛОСЬ ЗА КАДРОМ

В среде профессиональных кинохроникеров можно услышать такую шутку: «Мои лучшие кадры были те, которые я не успел заснять». Это верно. Об этом можно сказать и мне. И не в шутку, а всерьез. В путешествиях по тайге у меня было много необыкновенных случаев, которые я успел запечатлеть только собственными глазами, а не «оком» кинокамеры. Многие остались за кадром.

Почему так произошло? Что помешало? Могу ответить. Во-первых, бывают причины, не зависящие от оператора. Видишь интересное, а снимать бесполезно: аппаратура и пленка не дают возможности снимать в наступивших сумерках, ночью, ранним утром, в ливень, в снежную бурю... Во-вторых, часто сам нерасторопен: интересное пришло и ушло, а ты не успел подготовить кинокамеру. Путешественнику по труднодоступным горам и лесам вообще сопутствуют неожиданность и внезапность. Нелегки сами по себе и походные условия. Словом, жалею — не жалей, а многое остается за кадром.

Не попало на пленку, но, может быть, удастся рассказать...

Ток возле избы

Весна 1967 года была благоприятной для Северного Зауралья: ни губительного половодья, ни сильных весенних заморозков. В таежных глубинах Зауралья снимал я тогда тетеревиные тока.

Случай забросил меня с моим помощником Юрой на далекую речку Ворью — приток Тапсуя, к мансийскому охотнику Николаю Васильевичу Анемгурову. Его таежная «резиденция» носила трудновыговариваемое название — Маньсаркенсуйпауль. Это всего два крохотных домика с хозяйственными строениями: амбаром и банькой «пувлынгкол».

Анемгуров — красивый старик с черными густыми бровями и совершенно белой головой. Ему тогда было около шестидесяти лет. В отличие от многих своих сородичей он походил на североамериканского индейца: смуглое продолговатое лицо, правильный удлиненный нос с горбинкой, высокий рост,

Николай Васильевич — фронтовик, воевал в Оте-чественную. Там, на фронте, и научился хорошо говорить по-русски. Узнав о цели нашего приезда, он ска-зал:

— Поверишь ли, тут у нас недалеко, в старом поселке Ворьяпауле, тетерева устроили ток прямо перед крыльцом дома!!!

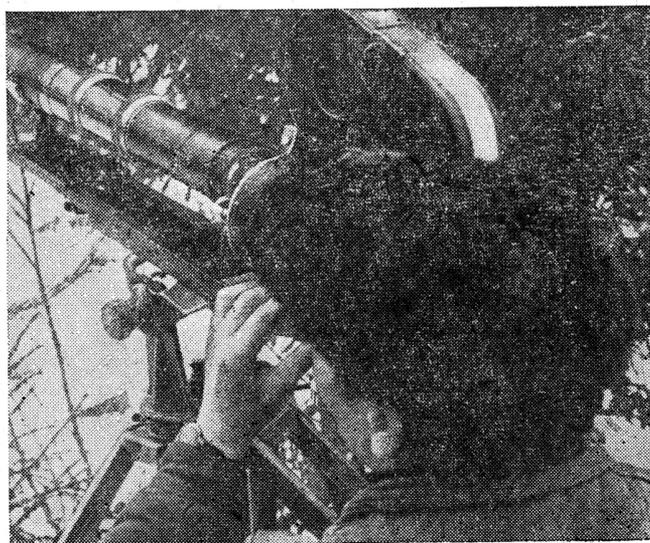
Я предложил тотчас же отправиться на съемку.

— Не торопись,— сказал старик.— К вечеру со-беремся и уплывем в поселок. В той избе и заночуем.

Перед закатом собрали аппаратуру, спальные мешки, палатку и на лодке перебрались в заброшен-ный поселок Ворьяпауль.

До войны тут было большое мансийское поселе-ние. Единственная гигантская высохшая сосна свиде-тельствует о том, что здесь некогда шумела кора-бельная роща. Но пожар лет сто назад уничтожил бор, на его месте вырос молодой, низкорослый сос-няк, и люди облюбовали это место под свои избы.

На двух полянах еще и теперь видны остатки трех-четырех домов. К одному из них, у которого

уделела часть изгороди оленьего загона, и подвел нас Николай Васильевич.

— Вот, смотри, — показал он на утрамбованную землю в самом центре загона. — Тут они и пляшут...

Там, где якобы бежали тетерева, трава не росла, валялся свежий птичий помет и черные косачинные перья. И было удивительно, что ток этот — в трех-четырех шагах от крыльца дома.

Юра и моторист Саша помогли нам повесить палатку, чтобы она, как штора, закрывала проход в сени дома. В окно палатки я выставил объектив кинокамеры, укрепив ее на треноге тут же, в сенях. Рядом разложили спальные мешки. Мы остались вдвоем со стариком, ребята ушли назад, к его избе.

Белая ночь на севере нарушает привычные представления о времени. Спать мы не легли, сидели на крылечке дома и разговаривали. Анемгуров рассказывал:

— Ятри тут шибко давно токуют. Я еще мальчишкой жил в этой избе. Мы с братом по утрам камнями в них кидали. Нам спать охота, а они орут рядом...

— Так давно? — удивился я.

У меня в голове с трудом укладывалось, что вот сюда, прямо к крыльцу, на котором мы сидим, слетаются токовать тетерева. Совершенно невероятный случай!

— Еще покойный отец рассказывал мне: он помнил, когда здесь большой бор стоял... Домов не было, а косачи токовали.

— Значит, на месте тока и поставили избу?..

— Видно, осенью или зимой ее строили... А весной ятри прилетели, по старой памяти стали плясать прямо в загоне. Их не стали пугать... Вот и токуют...

Тетеревиный крик прервал нашу беседу. Старик вскочил порывисто, как юноша.

— Надо прятаться!.. Один пришел...

Мы скрылись в сенях за палаткой. Сквозь щели в стенах следили, что будет дальше.

Вскоре крик косача раздался прямо над домом. На поляну перед крыльцом с шипеньем опустился тетерев. Толстые валики красных бровей, лирообразный черный хвост с букетом белых перьев.

На всем току был только один косач.

Я прильнул к окуляру аппарата. Через объектив было видно, что тетерев, наклонив к земле голову, бормоча, совершал странное движение по кругу.

Не сразу удалось заметить серенькую тетерку, вокруг которой пернатый кавалер устраивал карусель. Она неподвижно сидела в центре тока и, казалось, сама была удивлена поведением косача.

Я посмотрел на Николая Васильевича, наблюдавшего в щель. Он на секунду повернулся в мою сторону, улыбнулся мне. Снова стал наблюдать. Но тут же бросил на меня взгляд и прошептал:

— Ты зайца видел?

— Нет...

— Он через поляну пробежал!

Не успел я приладиться глазом к окуляру, снова раздался шепот старика

— Ишо один заяц!..

Совершавший круги тетерев вдруг бросился куда-то в сторону. Ищу его аппаратом. Косач остановился, и я увидел сидящего перед ним зайца. Он поводил ушами и с удивлением смотрел на птицу, трясущую перед ним головой и что-то бормочущую.

Сцена была комичная. Я улыбался и под стрекот аппарата слышал шепот Анемгурова.

— Прогоняет...

Заяц сидел перед тетеревом без всякой боязни. Он, казалось, даже готов был стукнуть косача лапой по голове. Но все-таки повернулся и, не торопясь, поскакал в лес.

Я с удовлетворением выключил аппарат. И тут же с ужасом заметил, что крышка кассеты отошла. Энергично захлопнул крышку, закрыл замок. Хотя было ясно, что все это уже бесполезно: пленка засвечена. Почувствовал, как холод волной прошел от головы до ног: погибло все заснято!

Нельзя было говорить старику о случившемся. Перезарядил аппарат. Ждал новых интересных кадров. Но тетерка незаметно скрылась в лесу. Косач ушел следом за нею, оттуда слабо доносилось его бормотанье. Зайцы больше не появлялись.

Хотел я исправить ошибку на другой день. Но как в наказание за промах — поляна перед домом была пуста всю ночь.

Глухариная песнь перед микрофоном

По берегам таежного Висума уже распустилась черемуха. На березах лопнули почки, и нежная зелень мелкими точками усыпала белоствольные красавицы. Но на реке еще стоит лед. Он уже потемнел, раскололся и, кажется, вот-вот хлынет вниз по реке. Как только река очистится, сразу поплывем вверх по Висуму, на глухаринный ток.

Случилось это накануне 1 Мая, вечером. Таежная природа оцепенела в загадочной торжественной тишине: готовилось важное событие весны — ледоход. Нам казалось, что льдины своими холодными зубами заскрежещут о берега, загудит, застонет тайга... Но ничего грандиозного не произошло: весь лед на реке тихо ушел за ночь.

Утром мы поздравили друг друга с праздником, стол накрыли, как подобает в этих случаях. К вечеру собрали аппаратуру и снаряжение, чтобы перебраться.

Юван — наш проводник — скрепил вместе две лодки: новую со старой маленькой калданкой. Получился катамаран, который мы загрузили до предела.

С помощью кормового весла манси поднимал лодки вверх по реке, а мы с Юрой порожняком пробирались по берегу. Шли через завалы, сквозь таежную чащу, по болотам и звериным тропам.

Съемочную базу мы соорудили на правом берегу Висума. Наш дом — четырехместная палатка — вместил все кинохозяйство. Ювану не терпелось взглянуть на ток. Он предложил:

— Пойдем посмотрим...

Путь к токовищу был неблизким. Сначала надо было пройти большое болотистое пространство с чахой тайгой, тремя буграми, поросшими кедром, потом миновать два массива кедрового сухостоя, перейти лесной ручеек, где вода под цвет крепко заваренного чая, — и на маленьком пригорке, со всех сторон окруженном никогда не высыхающими лужами, увидишь главную арену тока. Тут происходят решающие схватки лесных пернатых бойцов.

К току мы подошли в предночную пору. Отовсюду слышалось громкое квохтанье копалух и затаенное тэканье глухарей. Шумели крыльями пары сцепившихся в драке самцов.

Юван восхищенно шепчет:

— Вот это хороший мансин-ким!..¹ — Проводник долго прислушивается, потом добавляет: — На самый ток сейчас ходить не надо — испугаем... Завтра днем палатку поставим.

В полдень мы втроем перенесли сюда аппаратуру, запас кассет с пленкой, телеоптику, аккумуляторы, палатку, спальные мешки, оленьи шкуры, магнитофон и длинный кабель с микрофоном. Здесь будет наше с Юваном ночное обиталище.

Этот глухариний ток оказался богатным уголком глухой тайги — маленьким кедровым островком среди лесных болотист.

— Самый большой ток здесь, — показывает Юван на «пяточок» утрамбованной глухарями земли на бугорке. Манси долго изучает эту арену, поднимает глухариний помет, рассматривает, разминает его руками и, убедившись, что он свежий, выбирает место для скрадки.

— Я думаю, палатку надо ставить там, — показывает он на густой ельник в десяти-двенадцати метрах от тока.

В ельнике ставим двухместную палатку, тщательно маскируем ее деревьями и ветками. Внутри на штативе устанавливаем кинокамеру, магнитофон. От палатки к «пяточку» тянем кабель, крепим на колышке микрофон. Скрадка готова.

Кажется, все готово для сложной съемки глухарей из укрытия. У нас теперь два дома. Поздний вечер, ночи и раннее утро мы с проводником будем проводить в палатке на току, а днем — отсыпаться на Висуме у Юры, который по утрам будет нас встречать завтраками.

¹ Мансин-ким — глухариний ток.

...Вечером мы бесшумно подкрались к скрадке. В таежной глуши царил затаенная тишина.

— Почему глухарей не слышно? — спрашиваю проводника.

— Спят, наверно, — шепчет Юван. Но неожиданно, ткнув меня локтем, добавляет: — Там сидит, видишь?..

Я едва различил силуэт большой птицы на сухом кедре: опущенный лопатой хвост, втянутая шея, ни малейшего движения — глухарь слился с мертвым деревом.

Загадочное затишье еще больше озадачило меня: что же готовит нам утро? Проснулся я от громкого глухариного «точения» возле палатки.

— Токует!.. — страстным шепотом произнес манси и пригрозил мне: — Тише, тише!..

Подхожу к отверстию, в которое «смотрит» объектив кинокамеры: в лесу уже светает, но снимать еще нельзя. Включаю «Репортер» на запись. Стрелка сильно вздрагивает — значит, глухарь близко у микрофона.

Наблюдаю в съемочное окно палатки. В лесу полумрак. Лишь только белеет микрофон на «пяточке», по которому взад-вперед расхаживает петух-громадина с полукруглым хвостом. Различаю каждое его перышко, вижу блестящий глаз. Самозабвенно поет глухарь свою тихую, странную песню. Вначале он как бы настраивается, издает звуки тэк-тэк-тэк или ток-ток-ток. Очевидно, от этого произошли слова «ток», «токовать». Потом, потрясая головой, глухарь как бы зашелестит, начнет расхаживать по току.

Вслушиваюсь в загадочную песню глухаря, долго ищу сравнение и, кажется, нахожу — это шелест листвы, тихое шипенье сырых дров в костре, шум капли, треск сучка... Странная песня глухаря создана для самой тишайшей ночи, глухариные звуки — это песня лесной тишины!..

Вот послышались хлопки крыльев, заквохтали глухарки, и вскоре три рябенькие курицы опустились на «пяточок».

Снова включаю магнитофон. Юван вылезает из спального мешка и с удивлением смотрит в щель.

— Смотри, копалухи дерутся! — с детским восторгом шепчет он.

На току происходила необыкновенная сцена. С прилетом самок глухарь еще больше воодушевился, стал токовать без передышки, захлебываясь. Ходит кругами под микрофоном, а на копалух и ноль внимания. Глухарки же неотступно следуют за ним по пятам, тихо стонут и покорно припадают к земле, когда краснобровый черный «хан» проходит мимо. А отойдет он, они дерутся между собой, громко кричат, клюют одна другую, отстаивая право быть супругой важного «вельможи». Но он не обращает внимания на «дам».

Сколько гордыни в его позе! Веером развернут хвост, концами крыльев чертит по земле, мохнатая борода под белым орлиным клювом, красная бровь

над глазом, шея отликает вороненой сталью — весь он расфранчен, разукрашен неяркими цветными перышками...

Едва успеваю менять катушки у магнитофона, не жалею пленки: записать песни глухарей не часто удается.

Но вот в лесной мир заглянуло солнце. Его еще не видно, лишь кроны высоких кедров засветились бледной позолотой. А пернатая живность тайги уже зачирикала неугомонно. И от этого смутились глухарки, насторожился черный красавец...

Мы были готовы к съемке, но не успели ничего предпринять, как ток опустел. Остались на пленке лишь песни птиц, да незабываемые картины — в памяти.

Глухарь-гигант

Зима наступила внезапно. Это нарушило наши планы. Однако мы вынуждены были провести съемку материала для будущего фильма «На гору Каменных идолов» и при снеге. Торопились в тайгу: впереди у нас еще большой маршрут для съемки другого фильма — «В лесах Северной Сосьвы».

В горах стали часты туманы. Ни работы, ни охоты... Однажды утром решили покинуть Маньпупунёр.

Собираем аппаратуру. Брезентовые мешки отсырели. Помощник мой с трудом втискивает спальный мешок в чехол, ворчит:

— Что? Растолстел?.. Я худею, а ты поправляешься!..

Последний кадр — пейзаж сквозь пелену, и мы уходим с горы. Свищет ветер на вершине. Быстро несутся облака, облизывая каменные изваяния — идолы. Нечеткими силуэтами просматриваются они в тумане, порой совсем пропадают. Плохо видно даже проводника Данилу Анямова, едущего на коне впереди...

В таежной долине Печоры совершенно нет снега. Светит солнце. Тепло. Тишина. Облака, снег и ветер остались наверху.

Данила останавливает коня. Ждет меня. Что-то хочет сказать. Подъезжаю.

— Лошадь голодный... Мяса котел нету... Один день надо тайга жить...

Предложение Данилы разумно. Необходимо поохотиться, запасти дичи на дорогу и покормить лошадей на приречных лужайках...

Кони разнузданы, пасутся. Сырые брезенты, намокшая палатка развешаны — сушатся. Евгений остается готовить обед, мы с Данилой идем на охоту. На всякий случай беру с собой и кинокамеру.

Сначала мы идем вверх по речке... Долго идем. Лельта — плюгавенькая, неказистая на вид собачонка, но неутомимая охотница на глухарей — плетется

сзади и не проявляет никакого энтузиазма. Данила часто говорит ей:

— Лельт, иста!

Собака встрепенется, посмотрит по сторонам, потом на хозяина и успокоится.

Мы углубляемся в тайгу и попадаем на «визирку» — просеку, тянущуюся строго на север. Долго идем по ней. Кажутся неприветливыми глухие еловые леса на склоне отрогов Маньпупунера. И дичь словно исчезла куда-то...

Все глуше и темнее становится тайга. Частые стволы елей с густыми кронами слабо пропускают свет.

Вдруг раздался странный шум, словно стал падать лес или на тайгу обрушилось что-то тяжелое. Первая мысль — метеорит! Но шум нарастал, как будто к нам приближался самолет.

— Глухарь! — вскричал Данила.

Прямо на нас из глубины леса поднимался огромный черный «орел». Шум и гул — от взмахов его могучих крыльев. Глухарь был старый, с белым, поролному, загнутым клювом.

Бедная Лельта поджала хвост и, не шелохнувшись, удивленными глазами провожала гигантскую птицу. Я забыл про кинокамеру и ружье. Данила «треснул» своей мелкашкой. Но глухарь скрылся.

— Вот это «вертолет»!..

— Старик... Ойка, — покачал головой проводник.

— Такой своими крыльями и собаку зашибет и человека поранит...

Мы стояли на прежнем месте и не могли опомниться от неожиданности. И удивлялись: как мог такой исполин лететь по прямой в густом лесу, тогда как мы едва проходили между двумя деревьями! А Лельта-то, глухарятница!..

— Чего сдрейфила? — наклонился я к собаке, которая, казалось, не могла еще избавиться от испуга.

Неожиданная встреча

На сотни километров безлюдны леса Северного Зауралья. Пять, десять дней идешь по тайге — и никаких следов жилья. Только единственная старинная просека, которую угадываешь по макушкам старых деревьев, напоминает о том, что когда-то тут ходили олени караваны. Еще и теперь этот забытый путь называется «дорогой Лебедзинского». Он выходит на другую просеку под названием «Сибиряковская дорога», которая пролегает через Уральский хребет от реки Илыч в сторону Березова.

Эти две заросшие просеки были нашими ориентирами. Мы направлялись к загадочному горному замку на вершине Монинг-Тумп.

К вечеру спустились в долину уральской горной реки Маньи. Наша лайка Паль давно куда-то исчезла. Хозяин ее, старый манси, беспокоился.

Но вот по лесу разнесся далекий лай.

— Паль! Паль! — закричал манси и, прислушавшись, сказал, — Однако лось бегай.

Мы остановились. Где-то далеко заливалась лаем собака.

— Паль! Паль! — снова закричал старик. Но Паль, видно, не слышал хозяина. Лай все удалялся и удалялся.

Беспокойство проводника было понятно. Лишиться в тайге собаки — это, значит, обезоружить себя. Манси знают цену собаке — верному их помощнику и другу. Собака всегда найдет глухаря, белку, соболя. Всегда предупредит об опасном приближении медведя, волка. Манси не ходят на охоту без собак.

Через несколько километров мы вышли на открытую сопочку возвышенность, с которой открывалась щепочка Уральского хребта. Здесь Лебедзинская дорога выходила на Сибиряковскую. До гор, казалось, еще очень далеко.

Впереди залаял Паль. Что-то затрещало, и прямо на нас из леса выскочила громадная лосиха. Мы остолбенели. Повабыв про свои кино- и фотоаппараты, я невольно потянулся к ружью.

— Стреляй не надо! — крикнул проводник.

Преследуемая Палем лосиха медленно пробежала мимо. Наши лошадки пугливо озирались на лесную великаншу. Скоро лосиха скрылась между деревьями, за ней убежала и наша лайка.

Все произошло за какую-то минуту.

После этой встречи я всю дорогу нес кинокамеру на плече. В любой момент был готов к съемке. Но ничего примечательного больше не встретилось. Мы долго еще шли по тайге и, когда солнце скрылось за горы, спустились к речке Манье на ночлег.

А р т и с т к а

В июне 1960 года меня забросили на вертолете на северный берег Вайгача к геологам.

Тепло не балует этот уединенный остров. Лето в разгаре, а у берегов плавает лед. Но природа щедро украшает летом этот кусочек северной земли. Низкорослые цветы всевозможных расцветок покрывают тундру. Растут цветы колониями. Большими букетами рассыпаны по земле незабудки. Такими же шапками растут цветы, напоминающие сирень. Масса других: желтых, белых, бледно-розовых и кремовых.

Стоял тихий летний день, каких за Полярным кругом бывает мало. Отсняв всю пленку вблизи мыса Костяного, я и воркутинский художник Яша Вундер направились напрямик через тундру к своему лагерю. Пройдя холм, на котором стоит безымянный намогильный крест с датой «1912 г.», мы вышли к небольшому болотцу.

Впереди над землей запорхала птица.

Это был маленький куличок, самочка. Смешно

растопыривая крылья и припадая к земле, она всем своим видом показывала, что будто бы ранена.

— Ишь ты, как кривляется! — засмеялся Вундер.

Мы пошли осторожно, чтобы случайно не наступить на гнездо, которое еще не заметили.

— Вот оно! — сказал художник.

В гнезде, устроенном на травянистой кочке, было пять пушистых птенцов. Они лежали без движения: замерли. Мы склонились, с интересом рассматривая птенцов. Куличиха бегала по траве вокруг и издавала тревожные звуки. Изо всех сил она старалась привлечь наше внимание. Что только не выделывала: прыгала на одном месте, волочила крылья по земле, ложилась на траву и билась в судорогах...

— Артистка! — усмехнулся мой спутник.

Птенцы в гнезде пискнули. Куличиха еще больше забеспокоилась. Вдруг подбежала к гнезду, которое было у нас почти под руками, и, взъерошившись, смело прикрыла собою птенцов.

Мне захотелось погладить ее. Но только протянул руку, она вскочила с гнезда, но, правда, тут же вернулась.

Мы оставили семейство в покое.

На другой день с Вундером пришли посмотреть, как поживает выводок. К нашему удивлению, гнездо оказалось пустым. Куда же делись птенцы? Неужели куличиха увела или перенесла своих цыплят в другое место? А не разорил ли гнездо песец?.. Хотя следов разбоя не было видно.

Мы стали искать птенцов.

— Здесь! Здесь! — закричал художник.

Из травы с тревожным свистом выпорхнула наша вчерашняя знакомая. Она побежала по земле, выделывая то же самое, что и вчера. За ней бежали неуклюжие пушистые комочки на длинных ножках. Куличиха подлетала то к одному, то к другому. Было забавно смотреть на этих смешных птенцов, только что вставших на ноги. Они спотыкались о каждую травинку, падали, но спешили за матерью. Не цыплята, а типаж из объемной мультипликации.

Мы решили заснять их. Но когда вернулись с аппаратами, то уже не могли найти птиц.

Танцуют хариусы

Попал я в тунгусскую тайгу с метеоритной экспедицией, исследовавшей последствия катастрофы. Прекрасна эта тайга летом. Огромная и безмолвная, она вся наполнена цветением. Пожалуй, только здесь встретишь места, где в изобилии водятся такие рыбы, как хариусы, таймени и ленки.

Сибирский хариус — это красавец с массивным хребтовым плавником, напоминающим крыло бабочки в ярких красных и синих пятнах.

Наши проводники — эвенки Андрей Дженкоуль и Афанасий Доонов — часто ходили «хариюзить» вниз по речке Хушме.

Однажды я пошел вместе с ними, нагруженный аппаратом с запасом кассет. Пробирались по болотам, не раз переходили вброд Хушму. Спустились по крутому склону, подошли к месту, где речка разливается на несколько узких протоков. Вода в этих протоках быстрая, несется как вихрь в аэродинамической трубе.

— Михаил! — позвал меня идущий впереди Андрей.

Я подошел.

— Смотри! — показал он на протоку.

Я уставился на воду. Через несколько секунд из протоки выскочила рыбина.

— Харюз комара ловит, — спокойно сказал эвенк.

Я был удивлен: никогда не видел таких сцен, когда рыба ловила бы в воздухе комаров.

— Вот это циркачи!

Через некоторое время из воды снова взлетел хариус и, грациозно перевернувшись в воздухе, ушел в глубину. Акробатика! Охотясь за комарами, рыба научилась очень ловко выпрыгивать из воды и хватать насекомых на лету.

Несмотря на погожий летний день, комары тучками вились повсюду: над нами, над нашей лайкой, над водой, над кустами. Гнусавая комариная симфония слышалась всюду.

Андрей стал готовить удилища. Я остановил его:

— Погоди. Снимать будем.

Через пару минут я был готов: за плечами в рюкзаке аккумулятор, в руках кинокамера. Направил аппарат на протоку, стал ждать.

Вот взлетел очередной хариус. Я едва успел нажать на кнопку и зафиксировал лишь погружение рыбы в воду. Снова стал ждать, вода аппаратом по протоке.

Еще взметнулся один хариус. Опять опоздание. Ничего не могу поделать: успеваю заснять только последнюю фазу — рыбина уходит в воду. Невозможно заранее определить то место, где выпрыгнет хариус.

Андрею мои съемки уже надоели, и он нетерпеливо ждет, когда можно будет закинуть удочку.

— Я его сейчас поймаю. Снимай!

— Подожди! Еще один кадрик.

Но «кадрик» снять не удастся. Хариусы почему-то перестали прыгать. То ли комаров не стало над водой, то ли спугнула их наша лайка, которая очень близко подошла к воде и с большим любопытством следила за цирковым искусством рыб.

Вечер в бору

Ехали мы втроем на конях по берегу зауральской горной реки Лопсии. Усиливался ветер. Временами хлестал дождь. Небо было в черных, быстронесущихся тучах.

Проводник — манси — подзывает меня:

— Палатку надо ставить. Костер разводить. Сушиться...

Ищем место для лагеря. Наконец, выходим к молодой березовой роще, окруженной небольшим лугом. На землю сброшены мокрые тяжелые вьюки. Лошади с жадностью набрасываются на влажную траву, еще не успевшую обсохнуть после дождя. Весело пылает костер. Три пары замерзших рук протянулись над пламенем.

К вечеру погода улучшилась: ветер утих, из-за облаков выглянуло солнце. Мы просушили у костра свою одежду, и нас потянуло с ружьями в тайгу побродить.

— После дождя охота хороший будет, — сказал манси, закидывая за плечо свою старенькую малокалиберную винтовку.

Мы разошлись в разные стороны. Я ушел в глубину бора, думая больше не об охоте, а о съемке вечерних лесных пейзажей. Где-то в стороне лаял пес проводника. Оранжеватое вечернее солнце создавало в сосновом бору удивительные картины. В лесу стояла благодатная тишина, нарушать ее выстрелом не хотелось.

Я прислонился к дереву. Отдыхали глаза, отдыхали уши и весь мир вокруг, казалось, отдыхал вместе со мной. И вот я замечаю торчащий из-за пня пушистый хвост белки. Стою неподвижно. Белочка выскочила, стала бегать по земле, приплюхиваться, что-то рыть.

Подбегает совсем близко ко мне. Хвост торчком, на конце слегка загнут. Лапками быстро-быстро роет землю рядом с моими ногами, что-то достает, что-то жует.

Я долго и с умилением наблюдаю за зверьком. Белочка будто не чувствует моего присутствия. Боюсь шевельнуться. И все-таки хочется посмотреть: что же будет, если подниму руку?

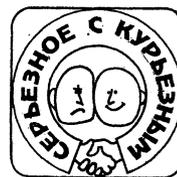
Делаю движение рукой к аппарату. Зверек молнией бросается к дереву. И — уже на ветке. Смотрит на меня оттуда удивленными бусинками глаз, неверное, думает: откуда взялась такая глыба!

Я переступил с ноги на ногу, хрустнула ветка, и рядом зашелестели крылья. Среди сосен показалась спина улетающего великана тайги — глухаря. Вот прилетела любопытная кедровка. Села вблизи. Вытягивая шею, крутит по сторонам своим длинным носом, взглядывает на меня. Ну, думаю, сейчас расшумится на весь лес. Нет, посидела, повертела головой и улетела, не стала нарушать вечернюю таежную тишину.

Между деревьями по земле что-то промелькнуло. Зайчишка!.. Видно, прятался рядом и решил убраться восвояси. Белочка сидела при этом не шелохнувшись.

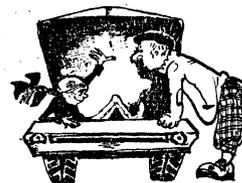
Не тайга, а заповедник! Я ушел беспредельно довольный, хотя и не снял за весь этот вечер ни одного кадра.

- СЕКРЕТ ЭКС-ЧЕМПИОНА
- ПУТЕШЕСТВИЕ В БАГАЖНИКЕ
- С МИРУ ПО НИТКЕ...
- РЕКОРД ПЕНИЯ

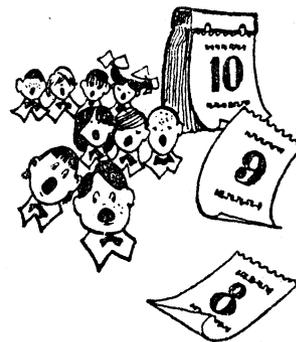
Экс-чемпион мира по дзюдо Джо Робинсон ежедневно после тренировок возвращается домой и начинает... стирать белье. «Ничто не делает руки такими сильными, как отжимание белья», — заявил он.

Тринадцатилетняя американская девочка спряталась в багажник туристского автомобиля и за 22 часа, пока ее не обнаружили, проехала в нём 1800 километров. А залезла она туда, играя в прятки с другими детьми...

Шестидесятишестилетний Френсис Джонсон из города Дарвин (штат Миннесота, США) коллекционирует веревки. В 1950 году он начал мотать клубок, который сейчас весит более 4,5 тонн. Чтобы добавить очередную веревку, клубок приходится поднимать домкратом. А все началось с того, что мать научила сына: никогда ничего не выбрасывай, все пригодится...

Школьный хор Сполдинга (Англия) побил очередной «рекорд»: дети пели безостановочно 48 часов. Это на три часа больше предыдущего рекорда. Выступая, хористы время от времени глотали пилюли....

В конце 60-х годов XVIII века среди жителей города Хлынова (старое название Вятки, ныне Киров-областной) пользовались успехом передаваемые из уст в уста едкие сатирические стишки, в которых всякому ясны были недвусмысленные намеки на деяния видных чиновников и купцов города и на местные порядки. В таком захолустном городке, как Хлынов, секреты долго не держались — вскоре же стало известно, что автором стихов и эпиграмм был преподаватель духовной семинарии Антон Попов.

Уроженец с. Ключи Кунгурского уезда, сын сельского священника, он попал в Хлынов после того, как в Кунгуре закрыли гимназию и ему пришлось продолжать учение в Хлыновской духовной семинарии. Кончил ее Попов весьма успешно и был назначен преподавателем той же семинарии, а потом и ее префектом.

Общительный, остроумный собеседник, прекрасный знаток писателей Древнего Рима и Греции, он стал любимцем семинаристов и желанным гостем во многих домах Хлынова.

Но дальнейшей карьере Попова помешали его стихи. Духовные власти сочли неудобным держать поэта-сатирика в роли учителя будущих священнослужителей, и он был переведен в свой родной город Кунгур протоиереем собора.

Но и в Кунгуре Попов не оставил своей «второй профессии» — и здесь стали передаваться из уст в уста эпиграммы, направленные против чиновников и купцов.

Еще в Хлынове друзья рекомендовали Попову опубликовать свои эпиграммы. Но печатать стихи, да еще сатирические, ему, префекту семинарии, было неудобно и даже опасно.

Однако в 1778 году в Петербурге вышла книжка под названием: «Сатирические, забавные и нравоучительные эпиграммы, или надписи, сочиненные в городе Хлынове, Вятской семинарии префектом, Антоном Поповым». К тому времени автор уже три года как жил в Кунгуре.

САТИРИК В РЯСЕ

Очень интересна судьба этой небольшой книжечки. Неизвестно кто ее напечатал, каков ее тираж. Странно и то, что даже известному библиографу В. С. Сопикову, современнику Попова, это издание было неизвестно. Нет этой книжечки и в крупнейших книгохранилищах Советского Союза. Известно лишь второе издание ее — оно вышло в 1786 году с несколько измененным заголовком: «Антон Попова, забавные сатирические и нравоучительные надписи, или эпиграммы. Для пользы и увеселения общества изданные. Вторым тиснением. Печатаны в Санктпетербурге в типографии М. Овчинникова 1786 года».

На этот раз автор не упоминал уже о своей хлыновской должности, но не указал и новой — с 1781 года он служил в Перми.

И все же мне посчастливилось достать фотокопию первого издания. Единственный известный экземпляр его оказался в библиотеке Конгресса в Вашингтоне, куда книга попала в 1907 году из собрания кушца Юдина.

Многие эпиграммы Попова, по видимому, не были напечатаны. В «Вятском календаре на 1896 год» писалось, что «Некоторые эпиграммы Попова оказались даже неудобопечатаемы, так как автор не стеснялся писать стилем «обнаженным». Одна из эпиграмм автору этих строк попадала из частного собрания рукописей, по стилю и содержанию ее можно отнести к авторству Антона Попова, но для цитирования эпиграмма не пригодна — слишком «обнаженно»

сказано в ней о священнослужителях».

Литературное наследство Антона Попова невелико, но оказалось, что он был еще и незаурядным филологом. После него остался в рукописи «Краткой пермской словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антоном Поповым».

Это первый коми-пермяцкий словарь, он создан в 1785 году и имеет много слов, которые ныне или забыты и вышли из употребления, или изменили свое значение.

Как известно, первым печатным словарем коми-пермяцкого языка был словарь Н. А. Рогова, вышедший в 1869 году, за что автор его получил академическую премию. Но есть еще два рукописных словаря с датой как и у Попова — «1785 год». Это «Краткой вотской словарь с Российским переводом собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священником Захарием Кротовым». И «Краткой вогульской словарь с Российским переводом собранный и по разным материям расположенный, города Соликамска Свято-Троицкого собора протоиереем Симеоном Черкаловым».

Можно предположить, что Антон Попов был причастен к составлению и этих двух словарей. Стоит посмотреть на титульные листы рукописей всех трех «Словарей» и убедиться, что все они написаны почерком одного и того же человека — Антона Попова.

из сборника
Антон Попов
 САТИРИЧЕСКИЕ НАДГИСИ И ЭПИГРАММЫ
 ЗАБАВНЫЕ И ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Когда не сыщете добра здесь ничего,
 Стихов и их творца не хульте для того;
 Стихи и их творец не винны в том ни мало,
 Что остроты творцу, красы им не достало.

«Не судите, да не судимы будете».
 (Из священного писания).

Судьи по силе сих законов поступают,
 Что не судя, воров за взятки оправдают.

Сей в жизни погребен в своих был сундуках,
 Имея от воров всегда великий страх.
 Зарыт под прахом сим без страха почивает,
 Спокоен и воров к себе уже не чает.

Весьма богатым быть я в жизни не желаю,
 Затем, что никого тогда я не узнаю,
 Весьма ж и нищим быть я не хочу опять,
 Затем, что уж меня никто не будет знать.

Напрасно говорят, что стал инаков свет,
 В нем прежде не было и ныне правды нет.

Бедно жить — гонят. Богато — завидят.
 Подло — гнетут. Высоко — ненавидят.
 Глупо — не любят. Разумно — бранят.
 Свято — порочат. За худо — казнят.
 Кто всем понравится в свете желает,
 Тот поскорее пускай умирает.

Под видом серебра и злата бога чтили,
 Как прежде идолам язычники служили.
 Мы суеверьям их смеясь теперь глупым,
 Сrebro и золото под видом бога чтим.

Случилось гордого увидеть мне вельможу,
 Который наклонить свою боялся рожу,
 Я кланяюсь ему, он не нагнулся мне,
 Конечно, у него сел чирей на спине.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРЕСМЕШНИКУ

Толпа пересмешников! Довольно здесь найдете,
 Что в заходы везде нещадно рассмеете,
 Не складно здесь порок осмеиван людей,
 Так смейтесь над творцом, зато из силы всей!

Рисунки Е. Стерлиговой

У каждого свой мир увлечений. Одно из них — коллекционирование. Филателисты с нетерпением ждут выхода новой почтовой марки. Нумизматы собирают монеты, филуменисты — спичечные этикетки, филокартисты — почтовые открытки, фалеристы — значки. Есть собиратели репродукций и художественных произведений, автографов видных государственных деятелей, артистов, ученых, писателей...

Часто коллекционеров называют чудаками, которые бессмысленно убивают время. Но это далеко не так. Коллекционирование иногда так увлекает человека, что на всю жизнь определяет его творческую судьбу.

Наш журнал предоставляет слово авторам личных коллекций

ПОПРАВКА К КНИГЕ

Коллекционированием значков в нашей стране стали особенно увлекаться в конце пятидесятых годов после VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Оказалось, что по значкам можно проследить историю развития спорта, городов, промышленности, искусства. Я собираю туристские значки, и мне хочется рассказать о самом первом из них.

В 1966 году Средне-Уральское книжное издательство выпустило книгу М. Азарха «Туристские значки рассказывают». Вот что писал ее автор:

«Первая туристская организация в России, имевшая значки,— Туринг-клуб, или Российское общество туристов (РОТ) — в первые годы своего существования называлось обществом туристов-велосипедистов или, как тогда говорили, циклистов. К сожалению, «живые» значки никто пока в руках не держал.

Нет их в фондах Исторического музея, в Эрмитаже, у коллекционеров».

Но это не совсем так. Один из серии значков Российского общества туристов имеется в моей коллекции. Как он попал ко мне?

Мастер спорта по туризму П. И. Истомина как-то подарил мне значок Московского клуба лыжников 1895 года. А немного позднее произошла случайная встреча с фалеристом, который собирает значки по лыжному спорту. Такого значка у него

не было, но зато имелся в коллекции знак РОТа тоже 1895 года. Естественно, произошел обмен.

У Российского общества туристов было несколько разновидностей значков. В ежегоднике журнала «Русский турист» представлены золотой, серебряный большой и малой величины, в виде серебряной запонки на цепочке, серебряный большой, малый, средний и бронзовый с булавкой для прикалывания или с колечком к часовой цепочке.

Интересно представить туриста тех времен: на костюме золотой массивный знак Российского общества туристов, такой же на запонках и на цепочке к карманному часам.

Итак, состоялась поправка к книге, и теперь значок РОТа «держали в руках» участники слетов Европа — Азия, которые ежегодно проводит областной совет по туризму.

Имеются у меня в коллекции и другие редкие туристские значки: акционерного общества «Советский турист» 1923 года, общества Пролетарского туризма и экскурсий 1930 года.

В 1939 году появился значок «Турист СССР». Первыми из довоенных уральских туристов его получили Раиса Борисовна Рубель и Андрей Петрович Проскурников. С некоторыми изменениями значок «Турист СССР» и сейчас основная эмблема советского туризма.

В. ФИЛАТОВ

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ЖУРНАЛА

Посылая письма и рукописи в редакцию, кроме подробного адреса непременно указывайте шестизначный индекс своего почтового отделения.

Главный редактор **С. МЕШАВКИН**

Редколлегия: **А. АСС, А. БОГАЧЕВ** [зам. главного редактора], **МУСА ГАЛИ, А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Г. МАШКИН, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН** (ответственный секретарь), **В. ШУСТОВ**

ОБЛОЖКА В. МЕРИНОВА

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Художественный редактор М. Горшкова.

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Сдано в набор 27/III 1973 г. НС 20132. Подписано к печати 10/V 1973 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.— 8,8 печ. л. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 220 000. Цена 30 коп. Заказ 113.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

ЛЕТО (линогравюра)

Е. КОПОСОВ (г. Свердловск)